

*распутать кусочки,
раскрыть правду.*

РАСПУТЫВАЯ ПРОШЛОЕ

КАЛИЯ РИД
<http://vk.com/hushrussia>

Еще шесть месяцев назад я была счастлива. Я была просто Наоми Кэррадайн. Месяц назад меня поместили в психиатрическую лечебницу. Вчера Лаклан навестил меня. Поцеловал. И сказал мне, что я начинаю сходить с ума. Несколько часов спустя в моих мыслях появился Макс, напоминая мне, что я не сумасшедшая и что он нуждается в моей помощи. Несколько минут назад я еще дальше ушла от реальности, пытаюсь распутать свое прошлое. И теперь... все думают, что я сумасшедшая. Но я знаю, он настоящий и нуждается во мне. А ты веришь мне?

Посвящается Лори ...

у каждого рассказчика должен быть такой помощник, как ты.

ГЛАВА 1. ДЫХАНИЕ НА СТЕКЛЕ

Я смотрю в окно, наблюдая за тем, как тысячи снежинок, порхая, опускаются на землю. Прижимаю лицо к стеклу, желая оказаться на свободе. Но не тонкий слой стекла отделяет меня от внешнего мира, а правда.

Многие люди верят, что правда — это изящная маленькая птичка. Они считают её безобидной.

Но я знаю то, чего они не знают.

Если они осмелятся разомкнуть свои ладони, то обнаружат, что маленькая птичка упорхнула. Это разорвет их кожу на куски, выроет дыры в их душах, прямо там, где это будет ощущаться больнее всего.

Вот почему я здесь, а они — нет.

Я прижимаюсь лбом к окну и дышу на стекло. Дыхание образует форму облачка, проявляя мои подсчеты. Я делаю еще одну отметку на стекле. Тридцать дней.

Тридцать дней прошло с тех пор, как меня принудительно поместили в «Институт психиатрического здоровья Фэйрфакс».

В течение 720 часов я открываю по утрам глаза в незнакомой комнате. В течение 720 часов медсестры заходят ко мне в комнату с интервалом в один час. В течение 720 часов я нахожусь под круглосуточным контролем, словно я — ребенок, незаслуживающий доверия.

Я наблюдаю за мухой, которая бьется в окно, отчаянно пытаюсь найти выход в мир.

— Я уже пыталась. Бесполезно, — я прикасаюсь пальцем к окну. — У них есть эти ужасные замки с плотно закрученными гайками.

Муха прекращает двигаться, словно смогла услышать мои слова. Рано или поздно выход найдется. Я чувствую, как сильная и мощная зависть растекается по всему моему телу. Мне хочется прихлопнуть это насекомое, убив все надежды на спасение.

До чего же я докатилась. Завидую чертовой мухе.

Кто-то громко стучит в дверь.

Стук, второй, третий...

Три — магическое число для моей медсестры. Оно словно те две секунды, которые помогают ей подготовиться к тому, что она увидит по эту сторону двери.

Мэри стоит в дверном проеме. Я узнаю ее короткие каштановые волосы и яркую форму. — К тебе пришел посетитель, — говорит она.

Я отхожу от окна. Мое сердце бьется тем же монотонным ритмом, что и каждый день, но за считанные секунды ускоряется. Теперь оно звучит иначе. Теперь оно не скучает. Оно заинтересованное, обновленное и заинтригованное. Это прекрасно. И все это может означать только одно.

Лаклан Холстед.

Прежде чем выйти из комнаты, я оборачиваюсь через плечо. Муха исчезла.

— Счастливая, — бормочу я себе под нос, выходя из комнаты.

Если кто-то сомневается в существовании безумия, то им нужно побывать здесь. Оно просачивается из каждой комнаты. Оно скользит вниз по стерильным коридорам и прилипает к каждому пациенту, лишая его надежды и увеличивая отчаяние.

Некоторые не реагируют на это. Но те, которые все-таки это делают, начинают кричать. Медсестры сбегаются в коридор, и секунды спустя крики превращаются в стоны, а потом и вовсе умолкают. Когда я только появилась здесь, от этих криков у меня бегали мурашки по коже. Но сейчас я уже привыкла к ним.

Пока мы с Мэри шли по коридору, мимо нас прошла медсестра с брюнеткой. Мои шаги замедляются. Я смотрю на брюнетку. Её волосы пострижены очень коротко. Она очень бледная, и под флуоресцентным освещением тон её кожи приобретает желтоватый оттенок. Её тело измождено. Полоски, пересекающие её руки, рассказывают свою историю. Она встречается со мной взглядом. Её душа, просвечиваясь через глаза, спрашивает: «Какого черта я все еще здесь»?

У меня нет ответа.

Мэри останавливается возле двойных запертых дверей. Она вводит четырехзначный код, и двери медленно открываются. Выглядит так, словно мы отправляемся в ад. Комната отдыха — самое унылое место в «Институте психиатрического здоровья Фэйрфакс». В этом месте толпятся все.

Мэри толкает меня вперед. Жалюзи открыты, впуская солнечный свет, который делает коричневый напольный линолеум абсолютно белым. Столы расставлены по всей комнате. Несколько людей сидят, играя в настольные игры или смотря телевизор, висящий на стене. Новости, сопровождаемые субтитрами, тихо проигрываются.

Но большинство людей ничего не делает. Они смотрят прямо перед собой остекленевшими глазами.

Меня окружает целая куча чахнувших умов. Но у меня есть человек, который пытается удержать меня выше безумия, и сейчас он находится всего лишь в нескольких шагах от меня.

Мое тело расслабляется, когда я вижу Лаклана. Он сидит за столом возле окна. Его густые брови нахмурены, пока он сканирует пространство по ту сторону окна. Его загорелая рука тянется вверх и ослабляет темно-голубой галстук. Его каштановые волосы по-прежнему пострижены коротко, и несколько прядей спадает ему на лоб.

Если я закрою глаза, то он станет мальчиком с дерзкой улыбкой, которая исходит из детской наивности. Своеобразный образ из прошлого. Лучший друг, укравший мое сердце. Когда я открываю глаза, этот образ исчезает, и передо мной предстает мужчина. Его дерзость превратилась в опыт. Его тело окончательно сформировалось. И сейчас, он владел не только моим сердцем, но и моей душой.

Он всегда был продолжением меня. Вы не можете находиться рядом с человеком и

надеяться, что ваша боль не распространится на него. Я знаю, что моя грусть — его грусть.

Я пересекаю комнату. Лаклан все еще смотрит в окно. Я прищуриваю глаза и прослеживаю его взгляд, устремленный на голое дерево, растущее ближе всего к окну. То самое дерево, на которое я всегда смотрю. На его ветках совсем не осталось листьев, и оно согнулось под сильным холодным ветром. Всю прошлую неделю, я наблюдала за застывшими каплями воды, свисающими с одной из самых низких веток. Они весели там, вот-вот готовые упасть.

Слабая ветка покачивается в воздухе, но капли воды не падают. Если ледяные капли смогли уцелеть, то, возможно, и я смогу удержаться за свою маленькую частицу здравого смысла.

Я села на стул напротив Лаклана.

Его глаза встречаются с моими. Это шокирует мою нервную систему. Моя кровь начинает приливать к голове.

— Как ты? — спрашивает он.

Мои ступни опираются на край сиденья. Я кладу свой подбородок на колени, отказываясь смотреть в его сторону. Он часто навещает меня. Но время между этими визитами с каждым разом, кажется, тянется все дольше и дольше.

— Точно так же, как и два дня назад, — отвечаю я.

Лаклан спокойно смотрит на меня. Его взгляд напоминает акулий, который ничего не упускает из виду. — Ты говорила с врачом?

Я смотрю в окно, избегая его взгляда.

Лаклан издает усталый вздох и запускает руки в свои волосы. — Я скучал по тебе, Наоми.

— Я тоже скучала по тебе, — мой голос дрожит.

— Ты ведь знаешь, что тебе здесь не место, верно?

Я киваю.

— Тогда ты должна приложить усилия и стать лучше, — Лаклан осматривает комнату так, словно наблюдает за цирком. Его челюсть напряжена. — Черт, мне не стоило оставлять тебя здесь.

Я потянулась через стол и положила свою ладонь поверх ладони Лаклана. Его глаза кажутся закрытыми, когда он смотрит на наши руки. Он переворачивает свою ладонь, и его пальцы начинают поглаживать мое запястье, заставляя кожу гореть. Затем быстрым движением он кладет свою руку поверх моей. — Ты любишь меня?

Я смотрю Лаклану прямо в глаза. — Ты же знаешь, что люблю. — Мои слова должны были вселить в него надежду, но сейчас он выглядит выжатым. — Если ты любишь меня, то тебе нужно стать лучше.

— Я стараюсь, — настаиваю я, пытаюсь пошевелить рукой.

Лаклан еще сильнее сжимает мою руку. — Нет, не стараешься.

— Я не могу игнорировать то, что произошло, — говорю я, переходя на шепот.

Он наклоняется, его лицо находится в паре дюймов от моего. — Я говорил тебе, что не прекращу сражаться. Я говорил тебе, что не оставлю тебя одну.... и это разрушило тебя.

Я одергиваю руку. Он отпускает. Я могу выдержать все, что угодно, но только не подобные слова, слетающие с его уст. Ощущение такое, словно кто-то оторвал кусок от моего сердца.

Он смотрит на стол, туда, где еще совсем недавно лежали наши сплетенные вместе

руки. — Происходящее уничтожает тебя, — шепчет он. — Наоми, которую я знаю, никогда бы не сдалась так быстро. Она боролась бы изо всех сил, чтобы остаться в настоящем.

— Я борюсь. Оглянись вокруг, Лак, — говорю я. — Как, ты думаешь, я смогла продержаться здесь так долго?

— Ты знаешь, почему ты здесь? — внезапно спрашивает он.

Я не говорю ни слова.

— Ты здесь, потому что потеряла часть себя.

Я вздрогнула, потому что, правда это или нет, но я не могу пойти против слов Лаклана. Он единственный нормальный человек в этой комнате. Его слова будут иметь смысл, прежде чем он появится у моих.

Мое сердце бьется в ушах, и взгляд затуманивается. Я вижу женщину с грустными глазами, смотрящую на себя в зеркало. И я вижу Макса, лежащего рядом со мной в кровати. Одним быстрым движением я оказываюсь над ним, и он улыбается мне, руками обхватив меня за талию.

И затем картинка исчезает. Я стону и растираю кулаком глаза.

— Наоми, посмотри на меня.

Я опускаю руки. Лаклан сидит напротив меня, пристально наблюдая за мной.

Его рука придерживает меня за шею. Большим пальцем он гладит мою кожу, заставляя мое тело дрожать.

— Ты сейчас со мной? — спрашивает он.

Да...нет... возможно. Каждый день — нечто неизвестное для меня. Каждый день я просыпаюсь с ощущением, словно я окружена густым туманом, и я знаю, что теряю часть себя, но не знаю где.

Я честно отвечаю Лаклану. — Сейчас я здесь.

Двухсекундная пауза, в течение которой он смотрит мне в глаза. Эта пауза заставляет мой желудок сжаться, а кровь еще сильнее бежать по венам. Его рот приоткрывается, но он не издает ни звука. Он выглядит так, словно борется со своими чувствами, и я вижу, как он проигрывает. Его глаза встречаются с моими, а затем он целует меня прямо в губы.

Я моментально оживаю. Именно это должен делать хороший поцелуй. Вы говорите на протяжении минуты, пока соединены ваши губы.

Вы не думаете.

Вы реагируете.

Вы чувствуете.

У нас с Лакланом всегда было так. Все, что я могу услышать из его поцелуя, это: *«Вспомни меня. Я настоящий»*.

Я отвечаю единственным возможным способом, который когда-то в прошлом показал мне Лаклан. Его руки удерживают мое лицо. Давление его губ уменьшается, когда я отвечаю на поцелуй. Шумя, он сдавливая мое лицо еще сильнее. Это возрождает воспоминания о том, кем я была раньше. Перед моими глазами воспоминания начинают перелистываться, словно в проекторе. И в каждом из них присутствует Лаклан. Вот мы вместе в поле запускаем фейерверк. Смотрим на звезды и разговариваем до тех пор, пока не восходит солнце. Я вижу себя улыбающейся, беззаботной и очень счастливой.

На короткий миг я ощущаю умиротворенность. Язык Лаклана скользит между моими губами. Дрожь пронизывает мое тело, и я приоткрываю рот еще шире. Мои пальцы перемещаются вверх, к его шее. И в том самый момент, когда во мне начинает мерцать

надежда, Мэри прокашливается.

Первым отстраняется Лаклан. Его зрачки расширены, а губы распухли из-за поцелуя. Я облизываю губы, пытаюсь забрать кусочек того поцелуя назад. Мэри прокашливается снова, на это раз еще громче.

— Мистер Холстед, — говорит она, — думаю, Вам пора уходить.

Он убирает руку с задней поверхности моей шеи. Моя кожа моментально чувствует холод. Мои руки тяжело опускаются на стол, пока я смотрю, как Лаклан встает.

Он смотрит на Мэри. — Дайте нам еще минутку, — просит он.

Глаза Мэри перемещаются между нами. — Всего одна минута, — предупреждает она и уходит.

Лаклан наклоняется ближе ко мне. Я не спускаю глаз со стола, но ровная поверхность начинает размываться, когда слезы подступают к моим глазам. Что-то ужасное грядет. Я чувствую это.

— Я не могу так продолжать, — говорит он.

Я смотрю на него и вижу боль в его глазах. — Я нуждаюсь в твоих посещениях, — мой голос дрожит. — Это единственная вещь, которая заставляет меня двигаться дальше.

Лаклан смотрит в окно. Я протягиваю руку и хватаю его за воротник рубашки, фокусируя его внимание на себе.

— Ты не можешь бросить меня здесь одну.

Напряженная тишина окутывает нас. Он смотрит на меня из-под своих длинных ресниц. Выражение его лица мрачнеет. Один за другим его пальцы смыкаются вокруг моего запястья. И с жесткостью он убирает мои пальцы со своей рубашки.

— Я не бросаю тебя. Это последнее, чего мне хотелось бы. Но я не думаю, что помогаю тебе. Мне кажется, я делаю все еще хуже, — медленно говорит он.

— Ты помогаешь мне, — настаиваю я. — Каждый раз, когда ты приходишь ко мне, становится лучше.

Лаклан ничего не говорит в ответ.

— У тебя просто был плохой день. Как и у меня. Завтра многое станет лучше и...

Он отворачивается. Я вижу это в его взгляде. Не важно, что я скажу. Он уже не изменит своего мнения.

Все вокруг меня находилось в хаотичном беспорядке, и только он один твердо стоял на земле. И теперь он разрушает мой мир.

Вот как, должно быть, выглядит ад. Он должен быть именно таким. Мои легкие сжимаются. Я не могу дышать. Тру глаза ладонями, в отрицании мотая головой назад и вперед. Если Лаклан перестанет приходить, то мне уже стоит начинать бояться того, что произойдет. Мое здравомыслие сейчас весит на волоске. Я сломаюсь прежде, чем отломится сосулька.

Ощущение его руки на своем плече заставляет меня дрожать. Он сжимает ладонь. Я заставляю свои руки продолжать лежать на столе.

Затем Лаклан убирает свою руку и начинает уходить из моей жизни.

Я поворачиваюсь на стуле. — Подожди.

Лаклан оборачивается.

Сейчас я в отчаянии. Я знаю, что теряю его. — Ты помнишь, что сказал мне год назад? — спрашиваю я.

Его челюсть напрягается. Он отводит взгляд, и я понимаю, что он пытается избежать

ответа на мой вопрос, но ничего не может с этим поделать. Даже когда ты сердишься, любовь дергает за ниточки твоей души наиболее болезненным способом. Заставляет тебя волноваться, заставляет чувствовать, даже когда это последнее, чего бы ты хотел.

Он мрачно кивает.

— Тогда, пожалуйста, не делай этого, — говорю я.

Он продолжает идти.

— Лаклан, — зовет его Мэри, стоящая позади него.

Он останавливается.

Я умоляюще смотрю на него. Проходят секунды, и мне кажется, что сейчас он пошлет Мэри куда подальше. Думаю, он собирается сказать, что не имел в виду то, что произнес в итоге. Но он просто медленно уходит.

Мир исчезает из-под моих ног. Я нахожусь в свободном падении и судорожно пытаюсь ухватиться за что-нибудь, что сможет спасти меня.

Силуэт Лаклана начинает становиться размытым. Мой череп вот-вот расколется пополам. Схватившись за стол, я резко подаюсь вперед. Столы и стулья исчезают в воздухе. Стены разрушаются, обваливаясь на пол. Новые стены, богатые на все оттенки коричневого, вырастают из-под земли. Коричневый линолеум исчезает, превращаясь в шикарный белый ковер.

Окна вокруг меня разрушаются. Холодный воздух проникает в комнату. Я обвиваю пальцами свою голову и начинаю стонать. Осколки стекла вращаются в воздухе. Они проходят в нескольких дюймах от моего тела, прежде чем надают на пол. Огромные окна с невероятным треском прорисовываются в стенах. Солнечный свет исчезает, сменяясь мягким лунным светом.

Затем все останавливается.

Мои глаза открыты. Я моргаю и медленно поднимаюсь.

Комната отдыха исчезла.

Я стою перед зеркалом, уставившись на свое отражение. Я совсем не похожа на себя. Выгляжу обновленной, счастливой и даже красивой. Мои светлые волосы вьются крупными локонами и с одной стороны заколоты золотой заколкой. Мои щеки румяные, а в глазах виднеется жизнь.

Я вернулась к прежней Наоми.

На мне платье, плотно облегающее мое тело. Повернувшись в сторону, я замечаю, что вся моя спина обнажена. Быстро мое внимание переключается от платья к мужчине, стоящему в углу комнаты.

Макс.

Мои губы искривляются в улыбке, и сердце начинается биться быстрее, когда я смотрю на него. Он кладет лодыжку одной ноги на колено другой. Макс выглядит расслабленным, а ямочка на его правой щеке превращает его в мальчишку. Но его полные губы искривляются в мужской улыбке, которая придает ему возраста и солидности.

Он встает в полный рост, и я вижу, как черный пиджак скользит на его плечи, прикрывая белую рубашку и черные подтяжки. Его галстук-бабочка висит на шее черной лентой.

У него непослушные волосы. Но ему все равно. В этом весь Макс. Он нарушает все правила, выбирая свой собственный путь.

Он поправляет воротник пиджака, подходя ко мне сзади. Его тело поглощает меня. У меня на макушке покоится его подбородок.

Я дорожу подобным моментом, который похож на спасательный круг, и я буду держаться за него так долго, как только смогу. Обычно это не длится долго. Но каждый раз, когда я вижу его, я сильнее убеждаюсь, что он будет другим и не бросит меня.

Я беру его сильную челюсть чуть ниже острых скул. Его кожа гладко выбрита и подзагорела на солнце. Он делает шаг ближе, и кончики его пальцев касаются моей голой спины. Я поежилась.

— Восхитительная, — шепчет он.

Я смотрю на наше отражение в зеркале. Он приподнимает брови. Его губы изгибаются в ленивой улыбке.

Потянув меня за волосы в сторону, он обеими руками берет меня за руки, привлекая к себе. Я охотно повинуюсь, и когда мои лопатки прислоняются к его спине, я издаю глубокий вздох. Он наблюдает за мной в зеркало, а затем медленно наклоняется, чтобы поцеловать меня в плечо. Зубами он прикусывает мою кожу. Я наклоняю голову в сторону, еще сильнее приоткрывая шею.

Он задает мне тот же вопрос, который несколько минут назад мне задал Лаклан:

— Ты любишь меня, Наоми?

Мое тело все еще реагирует на то, как он произносит мое имя. Мне с трудом удастся сглотнуть, поэтому я просто киваю, а он приближается ко мне все ближе и начинает дышать мне в спину.

Я, правда, люблю его. Запутанной и невозможной любовью.

Макс наклоняется вперед и ухмыляется, словно знает, о чем я думаю. Его рука перемещается от моей шеи и движется вниз. Я смотрю, как его большая и загорелая рука останавливается там, где бьется мое сердце. Его ладонь с растопыренными пальцами ложится против моей кожи.

Его глаза преисполнены мечтой, когда он видит мою реакцию в зеркале. Кончик его носа трется о мою щеку. Мои руки сжаты в кулаки, и я зачарованно смотрю, как он целует изгиб моей скулы.

— Если ты меня любишь, то не сдавайся, — говорит он шепотом.

— Обещаю, что не сдамся.

Я знаю, что будет дальше. И я в отчаянии, ведь скоро все изменится. Я еще сильнее прижимаюсь к нему и вдыхаю его запах. Для меня, застрявшей в месте со стерильными стенами и ужасными запахами, это как глоток свежего воздуха. Этот аромат окутывает меня, прежде чем все это окончательно исчезнет.

Но он уже начинает растворяться. Мой голос застрял в горле, и я протянула руку в его сторону, но она лишь рассекла воздух.

Он ушел, и я начала падать.

Моя спина ударяется о спинку стула. Я подсакиваю от боли и шока. Мое сердце готово вырваться из грудной клетки. Я делаю поочередно глубокие и неглубокие вдохи, пытаюсь его успокоить.

— Наоми, ты в порядке?

Я вздрогнула и взглянула вверх, пытаюсь найти глазами Мэри, смотревшую на меня.

На её лице проглядывается тревога, пока она ожидает моего ответа. Я громко сглатываю, покачивая головой. Впиваюсь ногтями в свои бедра, пока мое тело сотрясается

от сдерживаемого разочарования.

— Я в порядке.

— Пора принимать лекарства, — говорит она.

Я встаю и киваю, после чего начинаю следовать за ней обратно в свою комнату.

Я бегу на адреналине, и пот начинает проступать на лбу.

Несмотря на то, что Макс исчез, я все еще слышу его голос. Я все еще чувствую его запах. Все еще ощущаю прикосновения его рук к своей коже.

Я знаю, что не выдумала Макса. Знаю, что не придумала себе все это. И самое ужасное во всем этом то, что эти факты ничего не меняют.

Единственное, что сейчас имеет значение, так это то, что все думают, будто я сумасшедшая. И сейчас, единственный человек, который всегда был рядом со мной, теряет надежду.

Сегодняшний вечер мне лучше провести под лекарствами, чем в размышлениях о том, как все вокруг обернулось против меня.

Завтра я признаюсь, что для того, чтобы собрать воедино свою историю, мне для начала придется уничтожить себя. Точно также, как и сосульки, я сломаюсь. Это неизбежно.

Отключайся же, ну, давай, отключайся....

Наконец-то.

ГЛАВА 2. ПОВЕРЬТЕ МНЕ

— Тебе нравится то, что ты чувствуешь?

Я перекатываюсь на бок и кладу голову на свою руку. Макс лежит на животе. Прямо напротив нас распахнуто окно, благодаря чему в комнату проникает летняя жара. Яркий солнечный свет льется прямым в комнату, пересекая пол, поднимаясь на кровать и упираясь в спину Макса. Я провожу пальцем по его загорелой коже, прежде чем решаюсь наклониться ближе.

Нравится ли мне то, что я чувствую? В ответ я крепко целую его прямо в губы. Прекрасно. Макс отвечает, обвивая своими руками мое лицо, стараясь удерживать меня на месте, пока садится.

Он приподнимается надо мной, при этом его губы ни на секунду не выпускают мои. Его тело слегка расслабляется, и вот мы уже прижимаемся кожа к коже. Он дышит носом. Я крепко обнимаю его.

Руки, которые я так люблю, прослеживают контуры моего тела. Его дыхание теплом ощущается на моей коже. Поцеловав мою скулу, он движется все ниже и ниже.

И затем он вырывается из моих объятий и отходит назад. Прежде чем он исчезает, я вижу страх в его глазах. Это не его страх, а мой.

— Убирайся из моей головы, — простонала я. — Убирайся, убирайся, убирайся!

Я решительно прижимаю ладони к глазам до тех пор, пока не появляются темные пятна. Я продолжаю давить, надеясь, что образ Макса растворится.

Как долго память может по второму кругу воспроизводить воспоминания, прежде чем твой разум постигнет короткое замыкание? Я осознаю, что мой мозг старается справиться со всеми моими воспоминаниями, связанными с Максом. С каждым разом это происходит все быстрее и быстрее. Начинает перегреваться. А потом «Бум!». Взрывается.

И прямо сейчас, это кажется не таким уж и плохим вариантом. Мне хочется оказаться в том блаженном моменте, где я смогу просто... быть.

Никаких воспоминаний.

Никаких слов.

Никакой боли.

Тишина.

Я быстро встаю с кровати. Разочарованный стон пронзает мое тело. Я устала от этого места. Этой маленькой комнаты. Я устала от этих четырех, окрашенных в бежевый цвет стен, которые окружают меня. Они пустые. Никаких семейных фотографий, никаких постеров. Ничего. Кроме телевизора — единственной вещи, которая была хоть каким-то источником развлечений — в комнате было большое квадратное окно.

Я устала от всего этого.

Это словно оказаться запертой в коробке. И с каждым днем, что я провожу взаперти, стены сближаются все быстрее, уменьшая пространство комнаты.

Большую часть проведенных здесь дней, мне удавалось справляться с этим. Но теперь, когда Лаклан ушел, мне стало страшно. Он был единственным моим источником поддержки.

Мэри стучит в дверь. Девять часов утра. Открыв дверь, я ожидаю увидеть её по-обычному мрачное выражение лица, но она встречает меня с некоторой легкостью в глазах. — Хорошо, что ты уже проснулась. — Она протягивает мне утренние лекарства. — Сегодня ты встретишься со своим новым лечащим врачом, — сказала она.

Я хмурюсь, проглотив таблетки. — Почему с новым?

На мой взгляд, доктор Вудс полон дерьма. Он думает, что я психопатка. У нас с ним молчаливое взаимопонимание: он прописывает мне лекарства, а я делаю вид, словно прислушиваюсь к его советам.

— Почему? Я не знаю, почему к тебе прикрепили нового врача. — Она кивает головой в сторону холла, и я не могу сказать точно, говорит она мне правду или же лжет. — Ты готова?

Нет, я не готова. Я ненавижу перемены и не хочу проходить все заново с новым доктором.

— Неужели Вудс разочаровался во мне?

— Наоми... — она вздыхает и смотрит в сторону. — Я уже говорила, что не знаю, почему тебе поменяли лечащего врача.

— Мэри, если ты собираешься лгать мне, то делай это правдиво. Заставь меня поверить в это.

Она бросает на меня пустой взгляд, но один уголок её рта приподнимается. Всего лишь слегка.

— Просто пойдем, ладно? Иначе ты опоздаешь, — говорит она.

— Итак... значит, новый доктор. У него есть имя? — спрашиваю я, пока мы идем вниз по холлу.

— У НЕЁ, а не у НЕГО. И зовут её доктор Ратледж. Она новенькая здесь и очень хочет встретиться с тобой.

Я теребу завязки от своей серой толстовки, стараясь переварить новую информацию. — Получается, я буду первой, кто сможет высосать из неё всю надежду?

— Нет, не будешь. — Мэри смотрит на меня. Предупреждение читается в её глазах. — Она очень милая.

Здесь быть милой, значит, быть никем. Я дам ей девять месяцев, прежде чем она передаст меня другому врачу или упакует свои красивые дипломы и свалит отсюда.

Мы останавливаемся у закрытой двери. Я уставилась на бронзовую табличку с фамилией. Черными буквами написано «Женевьева Ратледж, доктор медицинских наук».

Она будет еще одним человеком, который осудит меня, а я к этому просто не готова.

— Ты собираешься входить? — спрашивает Мэри.

Я не хочу отвечать на все эти глупые вопросы. Не хочу иметь дело с её пристальным взглядом, спокойно оценивающим меня.

— Наоми?

— Да иду я, иду, — говорю я, но мои ноги отказываются двигаться. Мои руки повисли по обе стороны от тела, словно к ним привязали тяжелые гири.

Мэри теряет свое терпение. Она громко стучит в дверь, после чего уходит. Я смотрю ей в след, и впервые, мне хочется последовать за ней.

— Войдите, — требует голос. Он звучит довольно весело. Ратледж, наверное, получает удовольствие от всего этого. Но если я не разрушу все её надежды, кто-нибудь другой из этого места сделает это за меня.

Пытаясь быть как можно более тихой, я медленно открываю дверь. Её кабинет сбивает меня с толку. Кабинет доктора Вудса был призван устрашать. Каждый раз, когда я входила в него, мне приходилось преодолевать довольно большое расстояние, чтобы добраться до его стола. Это напоминало тропу позора.

Но этот кабинет был теплым. Коричневые стены были украшены её дипломами. Ничего пугающего. Присутствовали даже нотки женственности: растения, стоящие возле окна, ковер, лежащий на полу. Даже свеча горит на столе. На секунду, я забываю, где нахожусь. Когда невысокая брюнетка встает из-за стола, я вспоминаю.

Первое впечатление о докторе Ратледж? Ей тридцать с небольшим. У неё хорошенькое личико. Она улыбается, показывая свои белоснежные, ровные зубы. Она слишком счастлива для того, чтобы быть здесь.

— Здравствуй, Наоми. Я — доктор Ратледж. — Она берет мою руку в свою.

Я смотрю на ее ладонь так, словно она ядовитая. Осторожно, я вытягиваю свою руку, которая немного задерживается в её ладони, прежде чем я убираю руку окончательно.

Она не моргает. — Пожалуйста, присаживайся.

Сажусь. Мои колени подпрыгивают вверх-вниз, пока я смотрю куда угодно, лишь бы не на неё. Ощущаю на себе её взгляд. Её полное имя — Женестьева Мари Ратледж — напечатано посреди каждого её сертификата.

Я представляю её самым маленьким членом очень большой семьи. У неё четверо, а может быть и пятеро братьев или сестер. Её родители — трудоголики. Они очень гордились ей, когда она окончила медицинский университет. Они с остекленевшими глазами смотрели, как она получает диплом, и думали: «Она изменит мир!»

Её стул слегка скрипит, когда она присаживается и перекладывает папки в поисках нужной, после чего берет ручку со стола. Документы упорядочены. Все находится на своих местах.

Она переплетает пальцы рук и улыбается своей «улыбкой на миллион». — Как ты, Наоми?

Было бы очень легко осудить её, если бы она сделала что-нибудь подозрительное. Доктор Вудс всегда носил белый халат. Всегда отпаренный и застегнутый на все пуговицы. Он был настолько формален и чопорен, что сразу же выстроил стену между нами. Он был врачом, я же была гребаным пациентом. Но доктор Ратледж не носит белый халат. Она одета в темно-синие брюки и легкий джемпер кремового цвета. Я чувствую запах её духов. Пахнет прекрасно. Я с удовольствием брызгала бы ими на свои запястья, если б не была в психушке.

— Я в порядке.

Она снова улыбается. Это начинает действовать мне на нервы. Доктор Вудс никогда так много не улыбался.

— Как спалось? — спрашивает она.

— Хорошо.

Её веселое настроение не покидает её даже тогда, когда она задает мне вопрос, который никто никогда раньше мне не задавал.

— Как ты думаешь, почему ты здесь?

— Что?

— Как ты думаешь, почему ты здесь? — повторяет она.

Мой взгляд устремляется в пол. Молчание становится неловким. — Я не знаю, — наконец, говорю я.

Она кивает и что-то записывает на лист бумаги, лежащей перед ней.

— Ты разговаривала с кем-нибудь здесь об этом?

— Нет.

— Почему нет?

Когда я только появилась в «Фэйрфакс», доктор Вудс пытался заставить меня открыться, но я не доверяла ему. Его подход к ситуации был очень формальным, а голос лишен эмоций.

Я говорю доктору Ратледж правду. — Я не доверяла ему.

Она приподнимает брови. — Почему?

Я пожимаю плечами. — Потому что его не волновало, что происходит со мной.

Это первый раз, когда я произносила подобное вслух. Здорово, что доктор Ратледж не пытается изменить мое мнение.

Она продолжает писать в своем блокноте. — Ты думаешь, он бы не поверил тебе?

Я понимающе улыбаюсь и быстро отвечаю. — Нет, я точно знаю, что он бы мне не поверил.

— Кто-нибудь поддерживает тебя?

Раньше был один человек, который был на моей стороне и поддерживал меня, делая битву за свободу более сносной, но теперь Лаклан перестал верить в меня. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем я сама перестану верить в себя.

— Никто, — отвечаю я, и мой голос грозит выдать меня.

— И как ты себя чувствуешь из-за этого?

— Как может чувствовать себя человек, понимая, что его *никто* не поддерживает? — переспрашиваю я. — Дерьмово.

Она кивает и улыбается, словно её устраивают мои короткие, но честные ответы. — Понятно. Если б такое происходило со мной, я бы тоже злилась.

Я смотрю на неё из-под своих ресниц, пытаюсь понять, не обманывает ли она меня и насколько правдивы её слова. Я не вижу ничего, кроме честности на её лице. Если так дальше пойдет, то слезы ручьем начнут течь из моих глаз. Я пожимаю плечами, устремляя взгляд в пол. Картинка перед глазами начинает становиться размытой, еще секунда, и я расплачусь.

Глупая. Тупая. Ребенок. Становится все труднее сдерживать слезы. Я отвечаю, потому что это помогает заглушить немного чувства. — Я не злюсь. Я просто... подбита.

— Почему?

— Я знаю, что все происходящее — правда, — говорю я. — Но это не имеет значения. Не для меня. И если я сама запуталась, то, как я могу ожидать от других, что они поверят мне? Я просто... — Черт, я резко закрываю свой рот.

«Остановись прямо сейчас», — говорю я себе.

Я увлеклась.

Доктор Ратледж не давит на меня. — Наоми, я читала твою папку, — она смотрит мне прямо в глаза и тихо продолжает, — я просто хочу помочь тебе.

Я никогда не видела, что находится внутри «папки», но я предполагаю, что это целый кластер гребаной лжи.

— На самом деле, я не такая.

Доктор Ратледж наклоняет свою голову в сторону. — Не такая, как..?

— ... как описана здесь. — Я прикасаюсь к папке, лежащей в центре стола. — Это не я. Кто-то другой рассказал о том, что произошло. Не я.

— Расскажи тогда мне свою историю.

— Вы просто осудите меня, — говорю я.

— Нет, если ты дашь мне шанс.

Я откинулась в кресле и скрестила руки на груди. — Нет.

— Почему нет?

— Называйте меня сумасшедшей, но, возможно, я просто не хочу разговаривать о своей жизни с совершенно незнакомым человеком.

— Я здесь не для того, чтобы осудить тебя, — говорит она. — Я просто хочу, чтобы ты рассказала мне то, что знаешь. Расскажи мне, что привело тебя сюда, чтобы я смогла вернуть тебя обратно миру.

Слишком веселая она или нет, но есть в этой женщине что-то успокаивающее. Что-то привлекательное. словно я могу поведасть ей свой самый ужасный и темный секрет, а она выслушает его, даже не моргнув глазом.

Открывая рот, я понимаю, что доверяю ей. Верю, что она услышит каждое сказанное мною слово и поверит в то, что все, что я расскажу — и есть моя жизнь. Она действует так, словно её просьба — самая простая вещь в мире. Для меня же сделать то, о чем она просит, значит перерезать для неё свои вены и позволить им кровоточить.

«Наоми, которую я знаю, никогда бы не сдалась так быстро. Она боролась бы изо всех сил, чтобы остаться в настоящем».

Черт бы тебя побрал, Лаклан Холстед.

Я просто вижу, как он сидит рядом со мной и смотрит на меня своими честными глазами. Я всегда могла видеть все в его глазах: его разочарование, смех, радость, гнев... Он никогда ничего не скрывал. Это было единственное, что всегда привлекало меня в нем. Хотя, прямо сейчас меня это убивает. Я вижу его лицо, слышу его слова, в то время как я просто хочу их проигнорировать.

Она смотрит вниз на свои бумаги. — Расскажи мне о Максе и Лане.

Я хочу, чтобы их имена не оказывали никакого влияния на меня. В идеальном мире, их имена просто бы скатились с моих плеч, и я бы сказала доктору Ратледж, что никогда не слышала их. Она взглянула бы на меня с сомнением, и я сказала бы ей, что понятия не имею, кто эти люди. У неё, должно быть, просто не та информация.

Но мир слишком далек от идеала.

Реальность же такова, что, когда я слышу их имена, воздух медленно покидает мои

легкие. Мое сердце тяжелеет, и я чувствую, что оно хочет вырваться из груди.

— Нет, — говорю я жестко. — Нет, я не могу.

Доктор Ратледж приподнимает брови. — Почему нет?

— Потому что не могу. — Я смотрю вниз на свою испарину на груди и стираю невидимую линию.

Все это время, что я провела в её кабинете, было очень тихо. Но сейчас статический шум достигает моих ушей. Он настолько громкий, что заставляет меня кричать. Напоминает радио, отказывающееся ловить волны. И затем я слышу голос позади меня.

— Наоми. — Волосы на моих руках встают дыбом. — Никто не поверит тебе. — Голос становится громче, сильнее, мрачнее.

Параноя заставляет меня обернуться, сидя в кресле. Никого нет, по крайней мере, никакой физической оболочки. Но я чувствую чье-то присутствие. Присутствие настолько зловещее, что, кажется, потребуются считанные секунды, чтобы ад разверзся и поглотил меня полностью.

Я вспоминаю девушку, которую встретила в коридоре. Её глаза вспыхивают в моей голове: *«Какого черта я все еще здесь?»*

Я не хочу доходить до точки. Я знаю, что уже близка к этому. Темнота уже готова утащить меня вниз.

— Наоми? Ты в порядке?

Я смотрю на доктора Ратледж, но слышу голос Лаклана.

«Наоми, которую я знаю, никогда бы не сдалась так быстро. Она боролась бы изо всех сил, чтобы остаться в настоящем».

А затем голос Макса.

«Если ты меня любишь, то не сдавайся».

Их слова сплетаются вместе. Их голоса сливаются воедино. И это становится маленьким кусочком надежды для меня.

Я просто киваю ей. Мое тело дрожит.

— Я расскажу Вам.

Она сидит спокойно, ожидая, когда я начну рассказывать свою историю. Но, прежде чем я произношу хотя бы слово, я встречаюсь с ней взглядом. *«Не отвлекайтесь, — говорю я одними глазами. — Слушайте внимательно. Цепляйтесь за каждое слово. Но самое главное, пожалуйста, поверьте мне».*

ГЛАВА 3. БЕЛЫЕ ОГНИ

Шесть месяцев назад, летним знойным вечером в окружении смеха и людей, которых я знала всю свою жизнь, все изменилось. Солнце уже садилось. Синее небо окрашивалось в оттенки золотого и оранжевого. Бокалы шампанского звенели, встречаясь друг с другом. Легкий ветерок обдувал мою разгоряченную кожу. Бумажные фонарики были натянуты внутри большого белого шатра. Все было обычным и безмятежным.

Я была уверена в этом. Слишком уверена. Видите, я думала, что контролирую свою жизнь. Я думала, что наделена властью самостоятельно принимать решения. Хорошие или плохие. Не важно, главное, они были мои.

Но реальность такова, что вся власть, которой, как мне казалось, я наделена, изначально мне не принадлежала. Это была судьба. Все вокруг меня — тропинка вниз по заранее намеченному пути.

Легкий ветерок должен был сгладить летнюю жару? Он ласкал мою кожу, толкая меня вперед и поощряя меня за то, что я ставила одну ногу впереди другой.

И эти прекрасные белые огни? Тысячи звезд, сброшенных с неба. Они ярко мерцали. Они манили меня.

Этот прекрасный закат? Это была лишь прелюдия к той ночи. Цвета смешивались вместе, что заставляло людей останавливаться и наблюдать. Они затаили дыхание, наблюдая за этим переходом. Конец дня стал окончанием прекрасной песни, которая наполняла тебя ожиданием чего-то большего, ведь все ошибки, которые ты сделал в свете дня, уже были стерты. И ночь была только началом.

Но я не могла наблюдать долго за этим и лишь скользила по всему глазами в одобрении. — Это так прекрасно, — сказала я своей лучшей подруге Лане.

Она кивнула, играя тканью своего платья. Именно Лана была причиной того, почему я так охотно вернулась домой на свои летние каникулы.

— Давай же, — я закрыла глаза и драматично вздохнула. — Идеальная летняя ночь. Идеальная летняя вечеринка.

— Она худшая, не так ли?

— У тебя каждая вечеринка худшая, — сказала я.

У неё не было контраргумента. Просто была застенчивость, и была Лана. Она создала свою собственную уникальную личность, которая защищала её истинную сущность, которая открывалась лишь избранным.

Плечо Ланы коснулось моего. Её голос понизился, когда она посмотрела на людей, стоящих перед нами и спокойно ожидающих того момента, когда они смогут войти внутрь шатра.

— Все эти люди здесь... Все, что имеет для них хоть какое-то значение, так это их деньги и дорогая одежда, их «Бумеры», «Мерседесы» и «Ягуары». Это смешно. Они смешны. Все это...

— ...было, есть и будет всегда, — закончила я за неё.

Мы бок о бок находились с людьми, которых знали всю свою жизнь. Они заканчивали каждое свое предложение словами «моя дорогуша». Сверкали своими идеально ровными и белоснежными зубами. Они были членами Конгресса, дипломатами и успешными предпринимателями. Все они имели невероятные суммы денег и многочисленные особняки в различных частях света. Все, чем они владели, было символом их богатства.

Добро пожаловать в Маклин, Виргиния.

— Спасибо, что пошла со мной, — сказала она.

— Всегда, пожалуйста, — я подхватила её за руку и сделала шаг. — Как долго ты планируешь тут быть? — спросила я.

— Всего лишь пятнадцать минут. Этого должно быть достаточно, чтобы осчастливить моих родителей.

— Я смогу выдержать пятнадцать, — небрежно говорю я. — Так значит, бизнес-партнер твоего отца устраивает эту вечеринку?

— Да, — подтвердила она.

Я мысленно возвращаюсь к нашему разговору в машине, пытаюсь вспомнить, как его зовут. — Максимилиан?

— Все зовут его Макс, — ответила Лана.

Я повернулась к ней. Линия медленно продвигается вперед. — Ты видела его раньше?

— Неа.

— Получается, им может оказаться какой-нить толстый, лысый старикан, который обязательно полезет обниматься?

— Или им может оказаться очень молодой и привлекательный парень, — предложила она.

Я фыркнула. — Определенно не может.

У нас не было возможности продолжать говорить о Максе. Очередь начала двигаться настолько быстро, что когда мы обе вошли в белый шатер, то сразу же начали осматривать окружающих нас людей. Я видела улыбки. Слышала смех. Ощущала счастье вокруг себя. Лана заметила участок, битком забитый людьми. Она слышала голоса, которые заставляли тревогу медленно подниматься внутри неё. Она ощущала приближение панической атаки.

— Эй, — я толкнула её в плечо и подарила ей ободряющую улыбку. — Всего лишь 15 минут. Сделай это.

Она кивнула. Её лицо было бледным. Но она глубоко вздохнула и шагнула вперед вместе со мной. Наши губы расплылись в дружелюбных улыбках. Мы обошли шатер по кругу. Вели искусственные разговоры. Говорили «Здравствуйте!» одним, и «Рады Вас видеть!» другим.

Уголкем глаза я увидела родителей Ланы — Майкла и Констанс. Её отец был одним из сенаторов Соединенных штатов от Виргинии. Я помню многочисленные митинги, в которых Лана принимала участие, чтобы поддержать своего отца. Она тихо стояла там, пока её мама сияла в толпе, впитывая в себя все внимание окружающих. Даже сейчас, её мама стояла и сверкала ослепительной улыбкой. Я помахала им. Они кивнули в нашу сторону и ободряюще улыбнулись, довольные тем, что Лана была здесь.

Сегодня, я представляла здесь свою собственную семью. Мои родители были довольно успешными, но, конечно, не в масштабах семьи Ланы. Все лето они проводили в Европе. Одна неделя была потрачена в Италии, следующая — в Альпах Баварии, затем по плану была Прага. Я оставалась с Ланой на все лето.

Я взяла бокал шампанского с подноса проходившего мимо официанта и старалась держать его подальше от себя, понимая, что в любую секунду кто-нибудь случайно наткнется на меня, и я пролью его на свое платье.

Шатер был заполнен до отказа, но они по-прежнему продолжали впускать людей. Я продвигалась в толпе, надеясь найти местечко, где будет немного свободного пространства. Но его нигде не было. Я открыла рот, чтобы сказать кое-что Лане, но её уже не было рядом. Я повернулась по кругу, стоя на носочках, пытаюсь найти её, но все мои усилия были бесполезны. Толпа оторвала нас друг от друга.

— Наоми! — Позвал меня кто-то.

Я оглянулась.

Человек, который шел в мою сторону, был Патриком — другом моего отца. Он был лысым с седыми волосами, растущими по бокам. Как и большинство присутствующих здесь, он был несносно богат, и это богатство давало ему власть. Но с его лица не сходили румянец и большая улыбка, что делало его очень милым.

— Здравствуйте.

— Ты уже видела хозяина вечеринки? — спросил он.

— Нет, еще не видела.

— Мы срочно должны это изменить! — Патрик осмотрелся, пытаюсь разглядеть в толпе Макса. Наконец, он сдался, сложил ладони рупором у рта и позвал его. Большинство людей

вокруг перестали разговаривать и оглянулись на него. Патрик был довольно рассеянным, поэтому просто отхлебнул из своего стакана. — Этот мальчик... нечто особенное.

Любого, кто был моложе тридцати, Патрик окрестил «этот мальчик», поэтому Макс не мог быть слишком старым. Но как интересно я должна была встретиться с этим таинственным хозяином вечеринки, когда мне нужно было найти Лану. Она была единственной причиной, почему я была здесь.

— Знаете, я не могу сейчас с ним встретиться, — сказала я. — Мне нужно найти Л...

— Чепуха, — прервал Патрик. — Это займет лишь несколько минут.

Он продолжал сканировать взглядом толпу.

— Он мой биржевой маклер, и, черт побери, это было лучшее решение, которое я принял за последние несколько лет! — сказал Патрик рассеяно. — У меня были и иные варианты...да, я подстраховался. И почему я должен доверять этому мальчику свои инвестиции? Но он доказал мне, что я ошибался!

Патрик рассмеялся и, наконец-то, посмотрел на меня.

Я вежливо улыбнулась, оглянувшись через плечо, потому что это было все, что я планировала дать этому Максу. Мимолетный взгляд и, может быть, даже вежливое приветствие. И все.

Но это не то, что произошло на самом деле.

А на самом деле случилось то, что я посмотрела на него однажды и никогда больше не отводила взгляда. Думаю, я даже не смогла моргнуть в тот момент.

В Максе не было ничего, что могло бы его состарить. Вообще ничего.

Он был высокий, примерно 6 футов и 2 дюйма. При таком росте, я ожидала, что он будет очень худощавым, однако белая оксфордская рубашка обтягивала его плечи. Рукава были закатаны так, что я могла разглядеть синеватые вены, которые путешествовали к его запястьям через предплечья. Его поза была расслабленной: ноги скрещены, руки покоились в карманах его черных брюк, пока он слушал человека, сидящего рядом с ним.

Я могла бы рассказать вам обо всех особенностях, которые сделали его чертовски умным красавцем. Могла бы, однако я сама в тот момент с трудом их замечала. Всем, что я тогда видела, была сила его уверенности. Она сияла через его глаза и широкую улыбку.

Чем дальше я там стояла, тем сильнее ощущала, как помещение вокруг меня уменьшается.

Я встала на цыпочки, обернулась через плечо, чтобы привлечь его внимание.

Хорошенькая рыжеволосая девушка наклонилась к нему. Он улыбнулся и оглядел толпу. Все это время я смотрела на него, о чем он даже не подозревал, но потом он встретился со мной взглядом. Вместо того, чтобы отвести взгляд в сторону, я смело продолжала смотреть на него.

Его брови приподнялись, а губы изогнулись в сексуальной усмешке. Он встал из-за стола и пошел в мою сторону.

«Продолжай. Подходи ближе», — звала я его глазами.

Эта улыбка была для меня. Он смотрел прямо на меня. Кто-то врезался в меня и пробормотал извинения, а я отмахнулась от них, отказываясь отводить взгляд от него. Я чувствовала себя одержимой. Я не могла оторвать взгляда. Дрожь волнения прошла по мне, пока он приближался. Если я испытывала подобное, когда он проходил весь этот путь через помещение, то что, интересно, происходило бы со мной, когда я находилась бы всего лишь в нескольких дюймах от него?

— Иди сюда, мой мальчик, — сказал Патрик.

Я подпрыгнула и взглянула на Патрика. Я совсем забыла, что он стоял там. Я забыла обо всем. Забыла про музыку, смех и полную комнату людей.

— Ты знаком с Наоми?

Я встретилась с его пристальным взглядом. Я знала, что выгляжу спокойной, но под моим платьем, моей плотью, прямо за моими ребрами мое сердце колотилось, как ненормальное.

«Просто дыши, Наоми, — сказала я себе. — Он точно такой же, как и все остальные мужчины».

— Нет, — сказал он. В его глазах виднелся игривый блеск. — Еще нет.

Он протянул мне свою руку и одарил интимной улыбкой, которая натолкнула меня на мысль, а не встречались ли мы прежде. Мурашки побежали по коже. Но я бы помнила эту улыбку. Я бы помнила это чувство. Мы не встречались прежде.

— Приятно познакомиться с тобой, — сказал он.

Что? Голос.

Он был глубокий, почти гипнотический. У него был южный акцент. Он произносил каждое слово медленно. Всего одно простое слово, сорвавшееся с его губ, звучало запретным.

Он улыбнулся мне. Это была медленная улыбка, которая растянулась на его губах и полностью перешла в его взгляд. Я чувствовала каждый дюйм, который отвоевывала эта улыбка, проникая в мое сердце.

Я пожалала ему руку.

Моя кровь начинала бурлить. Его рукопожатие сжалось. Я попыталась убрать руку, но он задержал её на несколько секунд. Наши глаза встретились. Я не могла вспомнить время, когда ловила на себе взгляд, подобный этому. Его глаза проникли в меня моментально. Я почувствовала, как он прошел через все мое тело.

Я наконец-то обрела дар речи. — Аналогично, — сказала я.

Затем он поинтересовался моей фамилией, и я назвала её ему. Затем последовало еще множество вопросов, на которые я с удовольствием ответила. Некоторое время спустя, я уехала с Ланой.

Миссия выполнена.

Игра закончена.

Мы продолжаем проживать наши жизни.

За исключением того, что никогда не происходило.

— Наоми, — позвал он, и я знала, что смогу привыкнуть к своему имени, слетающему с его губ. — Наоми, тебе было весело сегодня вечером?

— Было ли мне весело? — задумалась я, глядя вниз на пустой стакан. Мои руки тряслись. — Думаю, да. — Подходит официант. Я поменяла пустой стакан на полный и улыбнулась Макс. — Не бери в голову. Сейчас стало гораздо лучше.

Он скрестил руки на груди и одарил меня испепеляющей улыбкой.

Все всегда мне говорили, что мой умный ротик когда-нибудь втянет меня в неприятности, и, похоже, они были правы. Но Макс не возражал. На самом деле, казалось, единственной вещью, с которой он не спускал глаз, было мое лицо.

Он сделал шаг вперед и наклонил голову. — Что ты думаешь насчет вечеринки?

Я подошла на шаг ближе. — Не думаю, что тебе стоит спрашивать меня об этом...

— Нет?

Я покачала головой и улыбнулась. — Видишь там, — я указала на толстого, лысеющего мужчину, стоящего в углу. Макс повернулся и задел своим плечом моё. Мы оба смотрели, как мужчина, произнося тост, поднимает бокал со своими друзьями. Они выпили, и их смех разнесся по шатру. — Думаю, у него одного веселья в душе столько, сколько хватило бы на всю толпу.

Макс ухмыльнулся.

Я оглянулась через плечо и нашла свою следующую цель. — Взгляни на эту прекрасную женщину. — Она стояла прямо перед ним, но он наклонился вперед, чтобы внимательнее рассмотреть её. Его подбородок коснулся моих волос. Я резко вдохнула воздух и продолжила говорить, словно ничего этого не почувствовала. — Она живет всеми этими вечеринками, на которых может оказаться в центре внимания. И она будет стоять там, рассказывая своим подружкам о том, как служанка забыла забрать вовремя вещи из химчистки, а садовник не подстриг её кусты роз. — словно по команде, женщины, окружавшие маму Ланы, склонились в её сторону и начали поглаживать её по руке. — А теперь её подруги соболезнуют ей, ведь нет ничего трагичнее в этом мире, чем вовремя не подстриженные розы.

Он посмотрел вниз и улыбнулся мне. Между нами было какое-то притяжение. Разговаривать с ним было так естественно. Так легко.

— Как ты думаешь, о чем они разговаривают?

— Я знаю, о чем, — уверенно ответила я.

— Но ты ведь не такая, как они?

Макс подошел ко мне еще ближе. Он пах удивительно. Не могу точно сказать, был ли это его одеколон, гель для душа или же его персональный запах, а-ля «Eau de Max». В любом случае, мне хотелось уткнуться лицом в его шею.

Я моргнула, разрушая картинку и пытаюсь обдумать его вопрос, но у меня никак не получалось придумать внятный ответ. Он стоял так близко ко мне, что я могла разглядеть все. Его густые черные ресницы, вкрапления коричневого цвета в его глазах и крошечный шрам, находившийся чуть ниже его правого глаза.

Мне хотелось продолжать смотреть на него и находить то, что большинство людей никогда бы не заметили. Но он стоял, приподняв брови и ожидая моего ответа.

Я поднесла стакан к губам и отпила. Мне потребуется вся дополнительная храбрость, которую я только смогу получить от этого напитка. Он проследил линию моих губ, спускаясь вниз, к изгибу шеи, замирая. Шампанское закончилось. Я уставилась на пустой стакан. — Кроме моего сомнительного пристрастия к шампанскому, нет, я не такая, как все эти люди.

Я приподняла глаза, молясь, чтобы мой комментарий показался ему забавным. Но он смотрел на меня с задумчивым выражением лица. Смесь похоти и страха. И я не могу винить его. Сколько раз в своей жизни вы испытывали подобный уровень притяжения?

Я моргнула и белые огни, висящие над нами, начали приобретать желтоватые оттенки. Разговоры вокруг нас поутихли. Занавес опустился вокруг нас двоих. Мы оказались в нашем собственном мире.

Его глаза медленно путешествовали по всему моему телу. Я взглянула на себя, пытаюсь удостовериться, что выбрала довольно консервативный наряд для сегодняшней вечеринки, но Макс быстро раздевал меня взглядом, создавая впечатление, словно мое бледно-розовое

платье с короткими рукавами вообще не существует. Моя кровь начала приливать к голове.

Я протянула руку и ухватилась за ближайший стул.

А затем кто-то откашлялся, и мы оба поняли, что Патрик все еще стоял рядом с нами.

Все звуки, которые еще недавно было приглушены, сейчас заиграли на полную громкость. Волна голосов дрейфовала вокруг меня. Играла музыка. Официанты продвигались сквозь толпу. Кто-то врезался в меня.

Наше мгновение закончилось.

— Мне следует вернуться к моим гостям, — сказал он медленно.

— Определенно.

Он стоял, не сдвинувшись с места. Как и я.

Наконец, он начал отступать. — Еще увидимся.

Затем он ушел.

Я нашла Лану несколько минут спустя. Она стояла у бара с тревожным взглядом на лице. Когда она увидела меня, её лицо просветлело.

— А вот и ты, — сказала она с облегчением.

— Я видела его.

Лана нахмурилась. — Кого?

— Хозяина вечеринки. Макса.

— О, да?

Я кивнула. Мое сердце все еще колотилось. Моя голова все еще кружилась. — И что ты думаешь о нем? — спросила она.

— Он нечто, — пробормотала я.

Макс стоял достаточно близко ко мне, чтобы я могла на него указать. Он разговаривал с одним из гостей, совсем не замечая, что я уставилась на него. Я воспользовалась ситуацией и легонько толкнула Лану.

— Вот он, — сказала я.

Лана посмотрела в его сторону. Она моргнула, а затем посмотрела снова на меня. Возможно, мои чувства отразились в моих глазах. Возможно, именно это заставило улыбку исчезнуть с лица Ланы. — Что насчет Лаклана? — спросила она.

Моя спина напряглась, и эйфория, которую я испытывала еще несколько секунд назад, исчезла. Я почувствовала, как горят мои уши.

— А что *насчет* Лаклана? — переспросила я.

Лана была моей лучшей подругой. Она знала все обо мне, в том числе и то, насколько сильные чувства я испытывала к Лаклану.

— Почему ты вспомнила о нем? — Я никогда не дам ей шанса ответить. — Его здесь нет, — твердо сказала я. — Так что давай не будем говорить о нем.

Лана смотрела на меня некоторое время, после чего все-таки кивнула. — Хорошо.

Она не хотела знать, что произошло между мной и Максом. Но если бы она знала, то поняла бы мою реакцию. Она бы почувствовала мой страх. Ни один парень никогда не заставлял меня испытывать подобное, за исключением Лаклана Холстеда.

Я удерживала в своих мыслях воспоминания о Лаклане, надеясь, что буду достаточно сильной и смогу помнить о нем как можно дольше до того, как покину вечеринку.

План состоял в том, чтобы пробыть здесь всего лишь пятнадцать минут, но сейчас я не могла сделать и шага, чтобы выйти из шатра и покинуть вечеринку. Поэтому мы остались. Мы разговаривали с родителями Ланы. Улыбка не сходила с моего лица. Даже протанцевали

одну песню. И каждый раз, когда Макс оказывался рядом со мной, мое тело оживало, кровь пульсировала в ушах, и сердце танцевало в груди.

Вечер подходил к концу. Но все еще ощущался небольшой гул. Моя голова слегка кружилась. И я не могла сказать точно, было ли это из-за Макса или из-за шампанского.

Макс вышел на сцену, где расположились музыканты. Оглядев толпу, он постучал по бокалу. Разговоры прекратились. Все головы повернулись в его сторону.

Он поднял бокал вверх. Все сделали то же самое. Все, кроме меня. Мой бокал был прижат к груди.

— Мне бы хотелось поблагодарить всех вас за то, что вы пришли... — Что он сказал потом? Я не знаю. Я смотрела на окружающих людей. Все они попали под его чары. Макс привлекал людей своей улыбкой, своим обаянием. Он знал это, и в этом была его сила. Макс умело использовал это в своих интересах.

Я начала крутить бокал в руке, наблюдая за ним и желая узнать, как много усилий ему потребовалось, чтобы скототить этот круг вокруг себя так быстро.

— Я надеюсь увидеть всех вас очень скоро. — Его глаза встретились с моими. Я почувствовала толчок, идущий прямо через все мое тело. Мои первым побуждением было желание отступить, как это делают дикие животные, когда встречаются с чем-то опасным.

Но он отвел взгляд и подарил толпе свою очаровательную улыбку. — А теперь продолжайте наслаждаться вечеринкой!

Все пробормотали свое согласие и опустошили бокалы. Но только не Макс. Его глаза встретились с моими, и он приподнял бокал в мою сторону.

Молчаливый тост.

«*Приготовься*», — сказал один поклон его бокала. Ленивая улыбка исчезла с его лица. Чем дальше мы смотрели друг на друга, тем лихорадочнее становился его взгляд.

Я повторила его действия и опустошила свой бокал.

Я понятия не имела, что меня ждет дальше.

ГЛАВА 4. ПОГРУЖЕНИЕ

В течение следующих нескольких дней большую часть своего времени я провела с Ланой. Я ни разу не видела Макса. И это было не из-за того, что я не хотела его видеть. Мое сердце и память объединились, чтобы вместе насмеяться надо мной. Меня преследовали образы его лица и чувства, которые я испытала в тот день. Медленно я начинала проявлять свое нетерпение. Мне очень хотелось увидеть его снова. Мне хотелось еще раз испытать те самые чувства, и это пугало меня. Поэтому, я просто ждала момента, когда наберусь сил и смогу подавить в себе это сильное желание.

Но сегодня все это может измениться.

Лана и я, как и планировалось, отправились пообедать. Но она так резко и быстро взяла влево, что следующим, что я поняла, стало осознание того, что мы находимся в Тайсонс — большом деловом районе, находящимся неподалеку от Маклин.

Мы все еще сидели в машине, припаркованной на противоположной стороне улицы. Лана барабанила пальцами по бедру, нервно смотря в окно.

— Мы собираемся сидеть тут вечно и смотреть на мимо проходящих людей, или может мы все-таки пойдем поедим? — спросила я.

Лана потянулась назад, чтобы взять документы, лежащие на заднем сидении

автомобиля. — Отец попросил меня передать эти бумаги.

— Хочешь, чтобы я это сделала? — спросила я.

Я знала, как она относилась к толпам... к людям в целом. Это был уже не первый раз, когда Лана должна была выполнить поручение, и на этот раз я решила ей помочь. Плюс, я была очень голодна, и чем быстрее мы выберемся отсюда и найдем какой-нибудь ресторанчик, тем лучше.

Я ожидала, когда же Лана передаст мне бумаги, но ее рука еще сильнее вцепилась в них. — Не думаю, что это хорошая идея, — сказала она.

Лана посмотрела в окно на серое здание, расположенное рядом с нами. Я посмотрела в ту же сторону. Пока люди быстро шли к своим машинам или забегали в магазины, спасаясь от жары, это здание высоко возвышалось, уходя вершиной в облака. Над вращающимися дверьми черными буквами указывалось название компании, и я наконец-таки смогла понять её нерешительность.

Я повернулась к ней лицом. — Макс работает здесь, верно?

Она медленно кивнула.

— И ты обеспокоена этим? — я улыбнулась. — Лана, я видела этого парня всего лишь один раз. И все. Тут не о чем беспокоиться.

— Но...Лаклан. Ты не разговаривала с ним уже на протяжении нескольких дней.

Я подняла руки вверх. — Почему ты так внезапно забеспокоилась о нем? Ты постоянно говоришь о Лаклане. На самом же деле, мы разговаривали с ним пару дней назад! Нет ничего ужасного в том, чтобы не разговаривать с ним некоторое время, — ответила я.

Лану это не убедило, и я уверена, что мне не очень хорошо удалось скрыть свои эмоции, особенно спрятать их во взгляде. Каждое упоминание имени Лаклана, просачивалось через меня дикой болью.

— Просто отдай мне документы, — спокойно сказала я. — Я всего лишь оставлю их его секретарше или любому другому работнику, который встретится мне на пути.

Лана ничего не ответила.

— Или ты можешь сама отнести их, — предложила я.

Лана впихнула бумаги в мою протянутую руку. Прежде чем выйти из машины, я в последний раз взглянула на неё. Она смотрела в окно. Её губы были сжаты в узкую линию.

— Это ничего не значит, хорошо? — сказала я. — Макс, всего лишь один из кучи парней. Вот и все.

— Хорошо, хорошо.

Я ожидала появления её улыбки. Никто не улыбался так, как Лана. Улыбка преображала ее лицо. Она изменяла мрачное и тихое выражение лица в нечто прекрасное, заставляющее вас задерживать взгляд еще и еще.

Но она не улыбнулась мне.

Я открыла дверь, осознавая, что это разговор не был закончен. По крайней мере, не сейчас.

— Его офис находится на седьмом этаже, — крикнула Лана.

Я показала ей руку, сжатую в кулак с оттопыренным большим пальцем и вышла в невероятную жару. Если бы я пробыла на ней дольше пяти минут, то начала бы плавиться. Невыносимая жара размыла очертания и силуэты. Я удивилась, как еще пар не поднимался от асфальта.

Всего лишь в нескольких шагах от меня находились вращающиеся двери. Но я не могла

перестать смотреть на них и не могла заставить свой мозг убрать всплывающие в воображении образы Макса.

Я эхом услышала его безмолвный тост в своих ушах: *«Приготовься»*

И даже несмотря на эту обжигающую жару, я вздрогнула.

Сделав глубокий вдох, я последовала указаниям Ланы и вошла в вестибюль. Мои шлепанцы издавали противный звук, соприкасаясь с черным гранитом пола. Я расписалась, схватила карточку посетителя и быстро запрыгнула в лифт. Я была окружена мужчинами в костюмах. Они тихо говорили, отвечая на звонки или разговаривая друг с другом. Я уставилась на свое отражение в дверях лифта и поняла, что стояла там в своих коротких шортах и зеленой борцовке.

Наконец-то, двери открылись. Я нажала на кнопку «Семь». Мои пальцы барабанили по бедру, пока я смотрела на мигающие сверху цифры. Это было просто безумие. Я уже начинала нервничать. Возможно, это была не очень хорошая идея. Возможно, Лана была права.

2, 3, 4...

Я сделала глубокий судорожный вздох.

5, 6...

Мои пальцы сильнее сжали бумаги.

7...

Двери открылись, и я увидела типичный офис. Мягкие черные кресла у стен. Черно-белые фотографии высоток. Журналы на столиках. По всему периметру располагались зеленые растения. Прямо посреди комнаты стоял стол секретарши, за которым сидела милая брюнетка.

Я поставила одну ногу впереди другой.

«Сделай это и убирайся отсюда», — сказала я себе.

Брюнетка подняла взгляд и одарила меня дружелюбной улыбкой. Но оценив, во что я была одета, её улыбка начала постепенно угасать. Я не могла винить её за подобную оценку. Вместо этого я посмотрела на бирку с именем. Софи Миллер.

— Могу я Вам помочь? — спросила она.

Я показала на стопку конвертов в своей руке. — Мне нужно доставить это.

— Вы можете оставить их мне, и я позабочусь о том, чтобы он их получил.

— Спасибо, — сказала я.

Софи схватила ручку и блокнот. — Как мне сказать ему, от кого это?

Я склонилась над столом. — Меня зовут Старлайт, и я из местного стрип-клуба. Ваш босс забыл у нас свои бумаги, и я просто принесла их.

Ручка упала. Софи приподняла голову. Челюсть отвисла. Это было забавно. Мое беспокойство потихоньку начало угасать.

Но, как только я начала расслабляться, дверь позади неё распахнулась. Вышел мужчина, и это был не Макс.

Я улыбнулась.

Я уже хотела вздохнуть от облегчения, но сразу за ним появился Макс. Моя улыбка угасла. В теле ощущалось легкое покалывание. Он был одет в белую рубашку, заправленную в темно-синие брюки. Полосатый галстук и жилетка акцентировали внимание на его широких плечах. Он скрестил руки на груди, и я увидела серебряные часы на запястье.

Мое тело стало свинцовым. Движения — медленными. И все это было из-за него. Я

схватила за край стола. И тут даже не имело значения, что он не смотрел в мою сторону. Магнетизм, исходящий от него волнами, тянул меня вниз, медленно топя и заставляя мои легкие сжиматься все сильнее и сильнее при каждом вздохе.

Лицо Макса было сосредоточенным, пока он разговаривал. Я знала, сейчас он был в своей стихии. Он был очень проницательным бизнесменом. При этом он был достаточно умен, чтобы прекрасно понимать, когда нужно молчать и слушать, а когда — говорить.

Мое оцепенение постепенно начало спадать. Мне нужно выбраться оттуда как можно скорее. Я попыталась завладеть вниманием Софи. «Пыталась завладеть» — ключевые слова. Она не сводила глаз с Макса.

Я попыталась подключить свои манеры. Вежливым голосом я произнесла имя девушки, но она даже не взглянула на меня.

Я постучала по столу. Все еще ничего. Я взглянула на Макса. Он уже заканчивал свою беседу. Мое сердцебиение участилось. Я поняла, что остались считанные секунды до того, как бомба, упавшая у меня прямо под носом, взорвется.

— Эй, — я щелкнула пальцами, — Софи!

Она повернула голову в мою сторону и бросила раздраженный взгляд. — Что?

Я быстро произнесла свою речь. — Мне нужно идти. Вы можете просто сказать, что Наоми заходила, чтобы оставить это для...?

Макс замолчал на полуслове. И я остановилась посреди предложения.

Он повернул голову в мою сторону. Я молча проклинала себя. Ранее он жестикулировал руками, но сейчас они зависли в воздухе. Он моргнул и посмотрел на меня так, словно я была не настоящая.

Мне очень хотелось, чтобы именно так все и было на самом деле. Мне хотелось, чтобы сейчас я могла щелкнуть пальцами и исчезнуть в эту же секунду.

Его молчание заставило мужчину, стоящего рядом, прекратить говорить и уставиться на меня. Мужчина посмотрел сначала на Макса, потом на меня и извинился.

— Наоми?

И как он это делает? Как заставляет мое имя звучать так... порочно?

Я откашлялась. — Да, это я.

Он подошел ко мне. — Как ты?

Я пожалала плечами и еще плотнее сжала конверты в своей руке. — Я в порядке.

Он засунул руки в карманы и облокотился на стол Софи. — Хорошо проводишь лето?

Я пристально смотрела на стол, пока отвечала, стараясь не менять выражение лица. — Да. Правда, очень занята. Думаю, ты понимаешь, какого это.

— Оу, конечно. Занята, — повторил он.

Я приподняла глаза и встретилась с ним взглядом.

— Да, просто я тут в гостях у друзей, вот и помогаю им. Решила занять большую часть своего свободного времени, пока я здесь.

Это была ложь. Если бы Лана не разбудила меня этим утром, то я спала бы до обеда, а потом сидела бы на диване и смотрела какое-нибудь новое реалити-шоу с тарелкой пенечек на коленках.

— И как долго ты пробудешь в гостях? — спросил он.

— До сентября.

Возможно, мне показалось или это были просто уловки моего разума, но клянусь, он медленно начал двигаться в мою сторону. Или я в его. Так или иначе, пространство между

нами потихоньку исчезало.

Я посмотрела вниз на свои руки. Я сжимала бумаги в руках так плотно, что буквально через несколько минут они превратятся мокрый комок. Мой разум вновь включился, и я протянула бумаги ему.

— Мне просто нужно передать это, — Макс посмотрел на конверты и снова на меня. — От Майкла, — сказала я тупо.

Он ничего не сказал. Просто ухмыльнулся и протянул руку.

Если бы это был фильм, то в этой части я бы нажала паузу. Указала бы на свою руку, застывшую на скриншоте. Показала бы, что держала бумагу за краешек. Доказала бы, что я делала все возможное, лишь бы наши руки не соприкоснулись. Затем я бы нажала на кнопку «play», и вы бы увидели, как его пальцы задевают мою руку, посылая дрожь по всему телу. И если бы вы внимательно слушали, то услышали бы слабый звук разрыва. Это был всего лишь звук моего разорванного, словно лента, сердца.

И все это из-за одного прикосновения.

— Спасибо, — сказал он.

Я отошла на шаг назад. — Я пойду. Извини, что помешала.

— Ты не помешала. — Он поднял палец. — Подожди минутку.

Он обернулся назад, взглянул на Софи и сказал ей, что она может уйти на обед пораньше. Она схватила свои вещи. Когда она проходила мимо меня, то с любопытством осмотрела меня сверху вниз. Мне хотелось сказать ей, чтоб она осталась. Я была готова зайти так далеко, что даже хотела извиниться за то, какой задницей была ранее. Я была в отчаянии.

Но она ушла. Дверь хлопнула.

Не было никаких посторонних шумов. Телефоны не звонили. Принтеры и факсы стояли в тишине. Никаких голосов. Никакого смеха. Никаких шагов. Ничего. Только мы вдвоем.

Но на этот раз это не было плодом моего воображения. На этот раз, мы действительно были в нашем собственном мире.

— Что это было? — спросил Макс.

— Ты о чем?

— О взгляде, которым наградила тебя моя секретарша. — Он открыл документы, пока говорил это мне. Я наблюдала за его руками. Длинные, клиновидные пальцы. Синеватые вены проходили вверх по руке. Ведение о том, как эти руки обнимают меня за талию, прижимают ближе к его крепкому телу, пронеслось у меня в голове. Все это исчезло в одно мгновение. Но мой живот скрутило, и жадность по отношению к нему усилилась в миллион раз.

— Я что-то пропустил? — спросил он?

— Оу, нет, ничего, — ответила я уклончиво.

Он приподнял бровь. Я сменила тему.

— Итак... — медленно протянула я, придумывая новую тему.

Макс облокотился на столешницу. — Нет, нет, нет, не пытайся сменить тему. Что произошло между тобой и моей секретаршей?

Он был упертым. И почему я не удивлена?

— Возможно, я предстала перед ней не слишком профессиональным образом, — сказала я.

Он повернулся ко мне. Это было простое телодвижение, но оно имело огромное

значение для нашего мира. Один шаг вперед, и я смогу почувствовать его запах. Один шаг вперед, и я смогу воплотить задуманное в реальность. Один шаг вперед...

— И как же ты представилась ей?

Мое тело дернулось назад.

На этот раз мне не увернуться от его вопроса. — Я сказала твоей секретарше, что меня зовут Старлайт, что я из местного стрип-клуба и пришла сюда, чтобы передать бумаги, забытые в клубе.

Я думала, он разозлится. Но его глаза просто расширились, и он рассмеялся. Глубоким смехом, исходящим прямым из живота. По причине, так и оставшейся мне не понятной, я ему улыбнулась. Улыбнулась и осталась стоять на месте, когда должна была помахать рукой через плечо и пойти прямым к лифту.

Макс скользнул ближе. Моя улыбка угасла. Он был здесь. Ничто не разделяло нас. Я могла бы потянуть его за галстук. Могла бы поцеловать его. Могла бы воплотить мечты в реальность и прижать его тело к своему хотя бы на несколько секунд.

Но я не сделала ничего из вышперечисленного.

Солнечный свет отражался от столешницы. Он согревал мою кожу. Взгляд Макса оставался твердым. Он заставлял мою кожу пылать, словно огонь.

Я медленно попятилась. — Мне пора идти. — Я сделала еще шаг назад прежде, чем оторвала от него взгляд. — Была рада снова тебя увидеть. — Я была всего лишь в нескольких шагах от него, когда повернулась через плечо и произнесла:

— Передайте секретарше мои извинения за Старлайт и все остальное.

— Ты можешь сказать ей об этом завтра сама, когда вернешься сюда, чтобы пообедать со мной.

Я остановилась. Кровь прилила к ушам.

Он не двинулся.

— Хотя, лучше позволь мне пригласить тебя на ужин в субботу.

Моя рука была всего лишь в нескольких дюймах от дверной ручки. Я уставилась на металл, прежде чем крепко зажмурилась.

Я не хочу, чтобы мне нравилось то, как он это произнес. Я ничего не хочу чувствовать. Но чувствую абсолютно все. И это пугает меня. И вполне справедливо. Любой, кто способен ворваться в ваше сердце так, что вы даже не догадаетесь об этом, должен вселять в вас чувство страха.

— Наоми.

Я повернулась. Он стоял, облокотившись на столешницу, выглядя при этом так хладнокровно, что я была готова выцарапать путь из комнаты, если придется.

Проворно и легко, он отошел от стола для того, чтобы медленно подойти ко мне. — Что останавливает тебя от ответа «да»?

Электрическая искра, проскочившая между нами. Искра, которая становится более могущественной каждый раз, когда я вижу тебя. Искра, заставляющая меня хотеть завладеть всем твоим вниманием, быть его центром.

Но вслух я ничего не произнесла.

Макс наклонил голову, глядя на меня и пытаясь понять, каков же мой ответ.

— Всего лишь ужин со мной, — сказал он.

— Посмотрим, — сказала я.

— Просто скажи «да» или «нет».

— Посмотрим, — медленно повторила я.

Прежде чем он успел сказать еще хоть слово, я решительно толкнула дверь. И на своих ногах, которые ощущались так, словно стали железными, я пошла к лифту.

Пока я ждала, когда откроются двери лифта, кажется, прошли года. Я могла видеть отражение Макса на двери из нержавеющей стали. Когда двери наконец-то открылись, я с волнением вошла в них и нажала «L». Прежде, чем двери закрылись, я подняла взгляд в надежде, что он ушел. Но он все ее стоял на том же месте, точно в такой же позе, в которой стоял минутой ранее.

Лифт начал двигаться. Мой желудок упал. Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

Единственное, чего я ожидала, так это того, что Макс расшевелит во мне похоть. Такое естественное чувство. Химическую реакцию. Но он заставляет меня желать большего. Теперь я хочу знать, о чем он думает. Хочу узнать настоящего Макса. Хочу знать о нем все.

И это было чертовски плохо.

ГЛАВА 5. ЗНАК

Среда, четверг, пятница.

Солнечный свет отражается от моих «Rayban». Лана смеется. Моя вытянутая рука касается ветра, пока я веду.

Дни слились в единое целое, проносясь с невероятной скоростью, пока я играла роль отдыхающей студентки колледжа, наслаждающейся своим летом. И признаюсь, я прекрасно выполняла свою работу. Никто и не догадывался, что эти три дня были просто льготным периодом, после которого я должна была дать ответ Максиму.

Он не звонил. И это сводило меня с ума. Я уставилась на экран телефона, надеясь увидеть там номер его телефона. Я снова стала пятнадцатилетней и чахнувшей, напоминающей жалостливого маленького щеночка.

Наступила суббота.

Я провела утро, избегая своего телефона. После душа, после того, как я потратила час, расхаживая по своей спальне, я все-таки позвонила ему.

Он ответил очень быстро.

— Ты хотел, чтоб я просто сказала тебе «да» или «нет»... — я сделала паузу и выглянула в окно. — Ты все еще хочешь этого?

— Хочу, — произнес он медленно.

Звук его голоса заставил мою кровь неистово бурлить по всему телу.

Я выдохнула. Мое дыхание было обрывистым. — Тогда я говорю «да».

Я почувствовала его злобную усмешку по ту сторону телефона. — Я заберу тебя в восемь.

Все, что я твердила себе, я не буду делать по отношению к Максиму, я и сделала. Я сказала себе, что не буду ужинать с ним, а сама сидела напротив него в одном из самых милых ресторанов Маклина. Я говорила, что не буду прилагать особых усилий, собираясь на свидание, однако я оделась в темно-синее длинное платье с V-образным вырезом на спине, который полностью открывал мою спину. Я сказала себе, что он не увидит мою реакцию на него, но пока мы шли в ресторан, мурашки мгновенно покрыли мою кожу в том самом

месте, где его рука прикасалась к нижней части моей оголенной спины, и это заставило меня пожалеть о том, что я надела это платье.

И сейчас я едва выжила под взглядами, которые Макс бросает в моем направлении. Когда он смотрит на меня, его глаза слегка сужаются, словно он пытается лучше сосредоточить свое внимание на мне. Я откидываюсь назад на спинку стула. У меня такое чувство, словно я была убита выстрелом в грудь.

Бах.

Я открылась ему так, как, казалось бы, невозможно. Я рассказала ему о колледже, о своей неприязни к экзаменам, документам и преподавателям. А Макс внимательно слушал меня все это время, его глаза никогда не покидали меня, его внимание целиком и полностью было сфокусировано на мне.

Макс сделал глоток воды. Он сидел, откинувшись на спинке стула и заложив за нее одну руку. Его серая рубашка обтянула его грудь и руки. Я сделала глоток своего напитка. Пошел уже третий бокал вина. Каждый раз, когда я смотрела на него, у меня пересыхало во рту. Мне нужно найти более действенный механизм защиты, иначе моя печень попросту откажется работать.

— Наслаждаешься студенческой жизнью? — спросил он.

— Думаю, да.

— Думаешь?

Я пожала плечами. — Это не совсем то, чего я ожидала.

— А чего ты ожидала?

Я задумалась над его вопросом, прикусив нижнюю губу. — Больше...свободы. — Его брови приподнялись, и я быстро заговорила. — Я не знаю....Думаю, мне просто хотелось найти себя. Звучит избито, верно?

Макс усмехнулся, и мое сердце начало колотиться с бешеной скоростью. — Не для всех. По правде говоря, все ожидают этого, но только единицы в действительности это получают.

— И ты это получил?

— Нет. Как видишь, я хорошо учился, и еще лучше веселился.

Когда я представила картины его безудержного веселья, то почему-то моему вниманию сразу показалась картинка, где он каждую неделю обнимает за талию новую девушку, и признаюсь, ревность начала пускать корни в моем животе, скручивая все мое тело до тех пор, пока я не набралась сил и не заставила студента Макса убраться из моей головы.

— Если бы мы встретились в колледже.... — медленно начала я, обдумывая свои же слова. — Ты бы обратил на меня внимание?

— Я бы обратил на тебя внимание в колледже точно также, как я обратил его на тебя сейчас, — сказал он. Его слова врезались в меня.

Макс сделал паузу и поставил свои локти на стол, словно все, что он собирался сказать, он собирался вынуть прямиком из себя и положить это прямо передо мной. Только сейчас была моя очередь говорить. Это был прекрасный момент, чтобы сказать ему, что мне не нужно ничего слышать сейчас. Мои губы приоткрылись, но я так ничего и не произнесла.

— Сейчас в твоей жизни есть кто-нибудь?

— Сейчас в моей жизни есть очень много людей, — я сделала вид, словно обдумываю его вопрос. — Вот вчера, например, я обедала с другом, после чего должна была заправить машину, а в итоге все закончилось тем, что я застряла, болтая с кассиром из «7-Eleven».... Я бы могла продолжать и дальше, — нахально сказала я.

Он хитро улыбнулся и наклонился еще ближе. — Когда я спрашивал, меня интересовало, встречаешься ли ты с кем-нибудь сейчас?

Внезапно в моем сознании всплыл образ Лаклана. Без разрешения. Даже не беспокоясь о том, что я так усердно старалась не думать о нем. Я неловко переминаюсь на сидении. — Вообще... есть один парень из моего детства, — произнесла я спокойно.

— Да? — сказал он. Я не могла понять, заметила я ревность или же намеки на заинтригованность в его глазах.

— Это долгая история, — объясняю я.

— У меня есть все время этого мира, — ответил Макс.

— Но не для этой истории, поверь.

Я не собиралась больше ничего рассказывать. Я не хотела говорить о Лаклане; думаю, я смогла сообщить об этом выражением своего лица. Макс попросил счет, и эта тема быстро была отброшена в сторону. Я вздохнула с облегчением.

Мы встали из-за стола одновременно. Я сжала в руках свою сумочку, пока он надевал свой пиджак. Пока мы шли к выходу, я чувствовала его ладонь на своей спине. Его пальцы на своей оголенной коже. В том самом месте, где и раньше.

Камердинер припарковал машину прямо у входа в ресторан. Для всех остальных это, вероятнее всего, была обычная теплая летняя ночь. Для всех, кто не сидел напротив Макса. Они не ловили на себе его взгляд в течение нескольких минут подряд, что с легкостью заставило бы их кожу полыхать, словно она была охвачена огнем.

Я глубоко вздохнула и скользнула на пассажирское сидение. Дверь захлопнулась. Меня окутал запах лосьона после бритья, которым пользовался Макс. Я потеряла руки ладонями, стараясь скрыть мурашки. Они начали исчезать. Когда Макс открыл свою дверь, они снова вернулись к жизни.

Прежде чем он поставил рычаг коробки передач в режим «drive», его пальцы изогнулись вокруг руля, и он задумчиво уставился на свои руки с таким выражением лица, словно именно они были решением всех его проблем. Когда он, наконец, повернулся ко мне, его глаза проследили от моих светлых волос и вниз, к моим ногам.

— Я могу отвезти тебя домой.

Я ждала от него продолжения.

— Или... — продолжил он.

Никогда еще я не была так рада услышать это слово.

— Ты можешь пойти домой вместе со мной.

Когда он произносил эти слова, его голос понизился.

Макс молчал. Я молчала. Двигатель гудел. Двери автомобиля захлопнулись. Были слышны разговоры и смех. Все и всё вокруг продолжало существовать вокруг нас, совершенно не обращая внимание на то, что мои следующие слова, потенциально, могут все изменить.

Я могла бы солгать, рассказав абсурдную историю о том, что мне завтра нужно рано вставать. Могла бы сказать ему, что плохо себя чувствую. Или что я очень устала. Но я этого не сделала. Я поступила так, как считала, будет правильнее.

— К тебе домой, — подтвердила я.

Путешествие до его дома было довольно напряженным. Мои пятки стучали по коврику. Я вцепилась в ремень безопасности, словно он был моим спасательным кругом. Макс задавал вопросы, и мне хотелось давать ему односложные ответы. Я не хотела разговаривать.

Все, о чем я могла сейчас думать, так это только о том, что произойдет, когда мы приедем.

Мне хотелось остановить время. Захотелось сделать глубокий вздох и успокоить свое сердце. Но мы слишком быстро оказались на его подъездной дорожке. Макс заглушил двигатель и посмотрел на меня. Мне было невыносимо ощущать тепло, исходящее от его тела. Невыносимо было осознавать то, что он мог мне дать.

Он вышел из машины. Я осталась сидеть на месте. Несколько секунд спустя он открыл дверь с моей стороны и опустил голову, чтобы посмотреть на меня. Внутреннее освещение падало на его лицо, освещая его карие глаза. Я наблюдала за тем, как его взгляд перемещался между моими губами и глазами.

Губы. Глаза.

Губы. Глаза.

Наконец, он остановился на моих губах.

— Давай выходить, — сказал Макс медленно.

Неужели это действительно происходит? Даже когда эти слова слетели с его губ, казалось, он не был убежден в этом. Во что мы ввязываемся?

Мои губы скривились в напряженной улыбке, и я позволила ему вести себя по тротуару. В прошлый раз, когда я была здесь, я лишь мимолетно взглянула на дом. Сейчас же я смогла оценить его по достоинству. Его дом был довольно приличного размера. Не слишком большой. Но и не маленький. Он был сложен из кирпича. Проекторы, расположенные позади кустов, отбрасывали желтое свечение на окна. Дом не был похож на непомерные безвкусные особняки, расположенные вокруг. И это меня приятно удивило. Мы зашли через парадную дверь. Фойе было просторным. Минимум декора. Было очень тихо. Звуки наших шагов эхом разносились по дому. Это звучало как-то не естественно. Каждый мой шаг, разносился звуком, напоминающим мне, что я была с ним наедине.

— Дом, милый дом, — пробормотала я себе под нос.

Макс находился достаточно близко, чтобы услышать меня. Он посмотрел на меня через плечо и улыбнулся. — Хочешь экскурсию?

— Конечно, — экскурсия — штука безобидная.

Первая наша остановка была справа от фойе. Он включил свет. — Это мой кабинет.

Макс подошел к своему столу, сделав это так, словно это был его первый инстинкт. Он снял с себя пиджак, повесил его на спинку кресла и мельком взглянул на бумаги, лежащие на его столе.

Я прислонилась к стене. — Не так уж и плохо.

Он улыбнулся. — Я рад, что он пришелся тебе по вкусу.

Я наблюдала за ним, пока он перекладывал бумаги. Его руки лежали на столе, и мне захотелось быть ближе, захотелось быть зажатой между ним и столом. Мне хотелось, чтобы все его внимание было сфокусировано на мне.

К слову, Макс посмотрел на меня и ухмыльнулся. В его взгляде не было никакой игривости. Его глаза прижали меня к стене, оставляя стоять там неподвижно. Они словно проникли в мои мысли.

Мне потребовалась секунда, чтобы восстановить свое дыхание. Мое сердце застучало так сильно, что боль отдавала в ребра. Наконец, когда я смогла двигаться без дрожи, то прошла по комнате, осматривая ее. Большой стол из красного дерева стоял прямо посреди комнаты. Стены были выкрашены в кофейно-коричневый. Два кожаных кресла стояли перед его столом, а на левой стене не было ничего, кроме книжных полок, расположившихся от

пола до самого потолка. Напротив полка стоял диван, который, казалось, находился там больше для виду, чем для выполнения своих реальных функций.

Макс обошел стол, остановившись всего лишь в нескольких шагах от меня. Я старалась не ерзать, отступив на шаг назад.

— Готова увидеть остальное? — спросил он.

Образ его спальни мелькнул у меня в голове. Я сделала шаг назад. Экскурсия по дому вдруг перестала быть безобидной. — Уже поздно. Думаю, мне стоит поехать домой.

Он медленно сдвинулся с места. — Еще только одиннадцать. Но если ты хочешь домой, я отвезу тебя домой.

Я продолжала отступать, пока мои ноги не уперлись в диван. Когда из моего рта не вышло ни слова, он подошел ближе, поставив одну ногу между моими ногами, эффектно зажав меня в клетку.

— Ты хочешь отправиться домой? — спросил он все также медленно и протяжно.

Я еле дышала.

— Наоми?

Мои глаза были на уровне его груди. Я должна была наклонить голову. Назад, назад, назад до тех пор, пока мы не встретились глазами.

— Что?

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Я не могу думать, — пробормотала я. — Ты вторгаешься в мое личное пространство.

Большинство людей бы отошли назад, но Макс еще сильнее придвинулся вперед. Его губы были так близко. Это похоже на пытку. Словно запретный плод прямо у меня перед носом — мне просто хотелось откусить всего лишь один кусочек.

— Ты уверена? — сказал он.

Больше всего мне сейчас хотелось закрыть глаза и прикинуть к нему. Задней мыслью я понимала, что он задал мне вопрос, но я не могла думать. Его тело вырисовывалось прямо передо мной, лишая возможности думать о чем-либо, кроме него. Его запах окутал меня, и все, что я могла сделать, так это глубокий вдох.

— Все еще вторгаюсь в твое личное пространство?

Моя грудь была прижата к его груди. Я чувствовала его возбуждение напротив своего бедра. Его глаза стали с поволокой. Мое дыхание превратилось в короткие вдохи.

Когда вы стоите так близко к человеку, то начинаете сходить с ума от того, что видят ваши глаза в первую очередь. Я могла бы заметить, как его нос задел мой, или что его губы были всего лишь в дюйме от моих. Но все, что я видела, были сухожилия на его шее, которые все сильнее напрягались по мере того, как мы тут все дольше и дольше стояли. Я видела, какими расширенными были его зрачки. Черный медленно распространялся, проникая в его ореховый. Он пытался сделать так, чтобы не было поцелуя, что заставило меня еще больше желать его.

Затем его голова наклонилась немного влево, и его губы дрогнули прямо возле моих. Словно он запоминал изгиб моих губ, запоминал, какими они были на вкус. Он двигался медленно. Он создавал меня.

Но у меня не было его терпения. Я протолкнула свой язык в его рот. Я подняла руки, намереваясь обвить ими его шею, чтобы притянуть его еще ближе. Но он перехватил мои пальцы, переплетя их со своими собственными. Наши ладони соприкасались. Он крепче сжал ладонь, одновременно усилив давление своих губ. Я глубоко вдохнула.

А затем Макс отстранился. Он часто моргал. Наши руки все еще были сплетены. Это было единственным, что удерживало нас рядом. Тишина была оглушительной. Но это была тишина такого рода, которая обычно бывает перед бурей, перед тем, как появится ураганный порыв ветра или ударит молния.

Я вспомнила, как увидела его первый раз, и тот тихий тост, который он послал мне. «*Приготовься*» раздалось в моих ушах прежде, чем Макс притянул меня ближе к себе. А дальше все стало более свирепо. Я прильнула к нему со всей интенсивностью, которая накапливалась во мне с того дня, когда я впервые увидела его. Мои руки цеплялись за его рубашку, пытаясь вытащить его из одежды. Он облизывал и посасывал мои губы, словно я была лучшим из того, что он когда-либо испытывал. Я застонала ему в рот. Я почувствовала, как его колено вклинивается между моими ногами. Именно тогда я и поняла, что оказалась на диване, а он нависает надо мной. Больше меня ничего не беспокоило. Логика испарилась в тот самый момент, когда я зашла в эту комнату. Сейчас же я отчаянно пыталась удержать его губы на своих.

Я выгнула спину, пытаясь оказаться ближе.

Руки Макса переместились с моей талии, чтобы плотно захватить мои руки. Несколько секунд спустя он отстранился. Его грудь поднялась, когда он посмотрел на меня с неодобрением. Я глубоко вздохнула и облизала свои губы.

Он сжал мою челюсть рукой, уставившись на меня с отражающейся в глазах паникой. — Твою ж мать, — проворчал он.

Я была не одинока. Я знала, что он испытывает все тоже самое, что испытываю и я.

Поэтому я прижала ладони к его плечам и толкнула его на диван. Я приподняла подол своего платья. Я перелезла через него, словно уже принадлежала ему. Он не остановил меня. Его глаза расширились, когда он понял, что контроль над ситуацией уходит из-под его влияния.

Просто еще один поцелуй. «*Еще одно прикосновение, и я покончу с этим*», — думала я. И, на мой взгляд, есть смысл в том, чтобы продолжать двигаться дальше, ведь так я смогу обуздать мою тягу к Максиму.

Один быстрый рывок — это все, что потребовалось, чтобы его рубашка оказалась вне его брюк. У меня не хватило терпения, чтобы расстегивать до конца его рубашку. Поэтому мои пальцы попросту забрались под ткань. Я поднялась на колени, держа губы все еще на его губах, а руками начала двигать вверх по животу, стараясь запомнить каждую мелочь.

— Черт, — прошипел он.

Я улыбнулась напротив его шеи и полностью прижалась к нему, окончательно осведомляясь о том, каким напряженным было его тело под моим. Готов взять меня прямо здесь. И самым сумасшедшим из всего этого было то, что я хотела, чтобы он это сделал.

Всего лишь еще один поцелуй? Я бредила?

Один поцелуй Макса, и я стала прожорливой.

Кусать губы.

Прикасаться к обнаженной коже.

Гулять руками по всему телу.

Я хотела все это.

Мой язык прошелся вниз по его горлу и остановился прямо у его пульса. Я убрала руки из-под рубашки, переместив их на пуговицы. Я была готова увидеть то, что трогала. Он помог мне. Я с тревогой откинула его рубашку, после чего толкнула Макса глубже в диван.

На секунду, я посмотрела на него. Восхищаясь его телом. Сама того не осознавая, я начала тереться об него. Обе его руки лежали на моих бедрах. Его пальцы все глубже впивались в мою кожу. Его дыхание участилось, ведь мои руки ощупывали каждый мускул.

Я была готова облизать каждый изгиб, каждую кривую его живота. Я опустила голову и слегка прикусила его сосок.

— Наоми.

Я закрыла глаза, когда мое имя сорвалось с его губ, заставив его грудь вибрировать возле моего уха.

— Ты хочешь, чтоб я взял тебя прямо здесь? — его голос был глубокий и хриплый. Таким, словно ему было чертовски больно. — Потому что я в нескольких секундах от того, чтобы сделать это.

Я подняла голову. Вместо того, чтобы ответить ему, мои пальцы схватили его за галстук, чтобы притянуть его ближе. Есть миллион способов сказать ему «нет», я же зашептала ему в рот, произнося «да».

Суровый и хриловатый звук вырвался из его рта. Весь контроль был украден у меня за считанные секунды. Макс сокрушительно обрушился на мой рот, прежде чем облизал мою нижнюю губу, слегка ее, прикусив и потянув вниз достаточно сильно, чтобы заставить мои пальцы впиться в его плечи от боли и удовольствия. Мои пальцы зарылись в его волосах, и я потянула несколько прядей, чтобы заставить его откинуть голову назад.

В ответ он жестким рывком потянул вниз лямки моего платья, обнажая мою грудь. Наступила пауза. Мы оба тяжело дышали. Мои соски напряглись, а все благодаря тому, что они находились в нескольких дюймах от его лица.

Я наблюдала в молчаливой пытке, как его глаза остались на моей груди. Его ноздри раздулись, после чего он прикрыл мою грудь обеими руками. — Чертовски совершенны, — прорычал он.

Я всхлипывала, когда он массировал их, прижимая друг к другу. Целовал изгибы каждой из них. Он убивал меня. Каждый издаваемый мною шум, казалось, еще сильнее подстрекал его.

Он посмотрел на меня. Наши глаза встретились. Я увидела дикое желание в его глазах. Медленно Макс наклонился вперед и прикоснулся своим языком к моему соску. В течение нескольких минут это превратилось в пытку, полную удовольствия. Его руки были повсюду. Приподнимая мое платье, они оказались внизу живота, прямо напротив моего кружевного белья. Дразнящие поглаживания. Он набирал обороты. Я не могла не отставать, ведь он не давал мне даже передышки, чтобы отдышаться.

Снова и снова я ощущала на себе его руки, его губы. И я знала, что была там. Была слишком близко.

И затем его руки обвили вокруг моих. Он оттолкнул меня, тяжело дыша. Я чуть не закричала. Он перевернул меня, нависая надо мной.

И внезапно я услышала голос Лаклана в своей голове. Услышала слова, которые он сказал мне много лет назад.

«Я буду ждать тебя».

Вдруг я почувствовала себя предателем. Предателем, выступившим против своего сердца. Предателем, получающим поцелуи и эмоции от кого-то другого, а не от Лаклана.

— Прекрати, — задыхаясь, произнесла я.

Макс откинулся назад, нахмурившись глядя на меня. Я мгновенно вскочила с дивана.

Быстро вернула на место лямки своего платья. Мои руки тряслись, не переставая. С третьего раза мне удалось прикрыть себя, и даже после этого я ощущала себя голой.

Недоверие прокатилось громом в моей груди.

Как все вышло из-под контроля так быстро?

Я оглянулась назад. Ответ был прямо передо мной. Макс. Он был сексуальным, взъерошенным и таким заманчивым, что вполне объясняло, почему я сделала первый шаг.

Сейчас он стоял. Его рубашка все еще была расстегнута, и галстук криво свисал вниз на его обнаженной груди. Каждый раз, когда он тяжело вздыхал, мышцы его живота приходили в движение, заставляя мое тело реагировать. Его волосы торчали во все стороны.

— Почему ты передумала? — задыхался он.

Я отошла от дивана в другую сторону комнаты. Я не знала, что ему ответить. Все, что я скажу прямо сейчас, будет пропитано похотью, моим желанием по отношению к нему, ведь мне хотелось продолжать делать то, что мы начали делать.

— Я-я просто... — возилась я со словами.

— Все в порядке?

Нет, не в порядке. Тень моей первой любви никогда не оставит меня в покое. Но я не сказала ему правду. Вместо этого я улыбнулась и произнесла:

— Все хорошо. Мы просто... все происходит очень быстро.

— Все происходит очень быстро, — повторил он.

Я кивнула и смотрела на то, как он снял галстук и кинул его на стол. Он застегнул рубашку до самого верха, но мне хотелось сказать ему, чтобы он этого не делал.

Он поймал на себе мой взгляд. — Ты не можешь смотреть на меня так.

— Как так? — вздохнула я.

— Словно ты хочешь продолжить то, что мы только что начали.

Я отвернулась и ничего ему не ответила.

Макс встал прямо передо мной. — Ты проведешь здесь оставшуюся часть лета? — спросил он.

Я кивнула и смущенно посмотрела на него.

Делая глубокий вдох, Макс засунул обе руки в волосы, приглаживая их, и бросая на меня решительный взгляд. — Я не выпущу тебя из поля зрения.

— Из-за того, что только что произошло? — спросила я.

— Подобное, — он указал жестом на диван, — часто происходит с тобой?

Если бы подобное происходило со мной часто, то мне потребовался бы кардиостимулятор. То, что только что произошло, практически взбудоражило душу.

— Нет, — наконец, ответила я.

Это был ответ, который он и хотел услышать. Он кивнул, взял ключи со стола, после чего подошел ко мне. Он встал передо мной, приподняв мое лицо. Его глаза все еще были жесткими, с тем животным инстинктом внутри, который был в них, когда он меня целовал.

— Подари мне это лето, — его голос понизился до шепота. — Пока ты здесь, будь со мной.

— И это все? — воспротивилась я. — После этого я свободна делать все, что пожелаю?

Его челюсть сжалась. — Подари мне его прямо сейчас.

Мы оба избегали того, что действительно нужно спросить: будем ли мы оба свободны после всего того, что произойдет этим летом?

Я не могла отрицать этот животный голод, который был между нами, и я понимала, в

глубине души, что если я упущу этот шанс, то буду сожалеть об этом.

Возможно, что даже всегда.

Мой ответ был простым кивком. Его голова опустилась. Его губы нежно коснулись моих. По телу пробежала дрожь.

Чертова правда. Мое сердце было моим самым злейшим врагом. Оно обязательно ранит меня. Отберет все у меня. Оно будет одним из тех, кто убьет меня.

ГЛАВА 6. В ТЕМНОТЕ

Макс отвез меня обратно к дому Ланы. Я действовала на автопилоте всю поездку. Мой мозг продолжал перематывать момент, в котором мы вдвоем находились на его диване.

Когда он высадил меня, я осталась сидеть снаружи. Минуты? Часы? Убейте уже меня. Я просто смотрела на чистое черное небо, надеясь, что забуду о нашем поцелуе. Хотя, такая вещь, как логика, сделала сейчас это невозможным. Казалось, логика исчезла в тот момент, когда я нуждалась в ней больше всего, но сейчас, когда все уже было сказано и сделано, она снова проникла в мою голову. И прямо сейчас, она показывала мне, что все сделанное мной — неправильно.

О чем ты думала, Наоми? Что сможешь находиться с ним наедине, и ничего не произойдет?

Я уперлась локтями в колени и посмотрела на кирпичные ступени.

Почему ты сказала ему, что поедешь с ним к нему домой? Зачем?

Хороший вопрос. Почему я просто не сказала ему отвезти меня домой?

У меня не было ответа. Ничего действенного, по крайней мере. Единственное, что у меня сейчас было, так это оправдания. Эти взгляды, которые он посылал мне во время совместного ужина. Или когда опускал свою руку, лежащую на моей талии, ниже и ниже. Это был жест защиты и появления рыцарства. Может это случилось тогда, когда мы поменялись позициями, и его тело оказалось под моим? Власть, которую я почувствовала в тот момент, заставила мою кожу покалывать. Подобная сила могла опьянить меня. Когда моя голова была прижата к его груди, я слышала твердое биение его сердца; его запах завлекал меня. Я оставалась совершенно неподвижной, надеясь, что, может быть, если я прижмусь достаточно сильно, его запах утонет под моей кожей.

Думаю, все это, смешавшись воедино, собрало, разогнало и катапультировало нас к одному поцелую.

Поцелую, который изменил все.

Я потеряла пальцам нижнюю губу. Мне даже сложно назвать это поцелуем. Для меня поцелуй — это когда губы двух людей соприкасаются. Иногда неудобно. Иногда сладко и невинно. Иногда преобладает похоть.

Но поцелуй никогда не воспламеняется во что-то настолько мощное, что даже твое сердце это чувствует. Каждое прикосновение, каждый стон, каждый вздох становится наэлектризованным.

Макс тоже это почувствовал. Я была в этом уверена. Но он не был готов произнести правду вслух. Я не могу винить его; мы оба были вне себя.

Я закрыла глаза, ожидая, что Макс будет первым, кого я увижу. Но это был не он. Это был Лаклан. Я застонала в ужасе и потеряла виски, стараясь стереть его изображение. Не здесь. Не сейчас. Он не должен разрушить все это.

«Убейся из моей головы. Убейся. Убейся. Убейся.»

Мой мозг хотел перемотать все назад. Мне хотелось вернуться назад ко всем воспоминаниям, связанным с Лакланом и остаться там, но я не могла позволить этому случиться. Все начало расплываться перед глазами, поэтому я оттолкнула эти воспоминания настолько сильно, насколько смогла.

Я встала. Разговор с Ланой сделает происходящее лучше. Я расскажу ей обо всем, что произошло с Максом. Она выслушает меня, ведь именно так должна поступать лучшая подруга, и даст мне хороший совет. Я спрошу ее, что она делала сегодня. Она расскажет. Через несколько минут мы будем болтать на совершенно другую тему, далекую от реалий нашего мира.

Снаружи все было черно, словно смоль, но за зелеными насаждениями были спрятаны прожекторы, которые не были направлены на дом. Дом семьи Ланы был старым, довоенным особняком, который принадлежал семье в течение уже многих столетий. Лана произошла от целого рода богачей, и это сразу бросается в глаза. За их домом был большой, красный сарай, где содержали породистых лошадей. Когда Лана хочет сбежать и скрыться от всего, то выбирается на прогулку верхом, чтобы прочистить свой разум.

Но сейчас ее лошадь свободно бродила по территории. Ее копыта хрустели по гравию. Она прошла мимо меня. Ее уши двигались взад и вперед в быстром темпе. Ее ноздри раздувались. Обычно, она была спокойной, одной из тех, кто смиренно идет за хозяином. Но сейчас ее страх и беспокойство были очевидными.

Тревожные звоночки начали звучать в моей голове. Что-то было не так.

Я посмотрела через плечо на сарай. Дверь была распахнута. Я не слышала ни звука. Казалось, все в порядке. Но беспокойство заставило кожу на моих руках покрыться мурашками. Страх сочился из моего тела. Мне следовало бы развернуться и вернуться в безопасность своего дома, но я пошла дальше.

Лишь в нескольких шагах от сарая, я услышала шум. Что-то опрокинулось и разбилось. Я слышала, как кто-то задыхается или хрипит, после чего последовало ворчание. Это был один из тех моментов, когда мой мозг кричал мне, приказывая остановиться и не идти дальше. Но я не могла не посмотреть. Я засунула голову внутрь сарая и увидела Лану, прижатую к деревянной балке. Огромное предплечье было прижато к ее горлу, не позволяя ей говорить, кричать или даже дышать. Ее штаны и нижнее белье были спущены до колен. Ее голубой жакет распахнут. Я увидела, что воротник ее рубашки был разорван.

Все мои собственные проблемы исчезли одночасье и были заменены ужасом от увиденного. Абсолютным, замораживающим разум, ужасом. Это были не два человека, уединившиеся и поддавшиеся сексуальному желанию и одержимости владеть друг другом.

То, что я увидела, не имело ничего общего с обоюдным согласием.

Глаза Ланы были сжаты, когда мужчина хрюкал, словно животное, двигаясь в ней. Его свободная рука схватила ее бедро, но это было не из-за любви, а лишь для того, чтобы удержать ее на месте.

Я отделилась от своего тела. Наблюдала, стоя на месте. Что я делаю? ДВИГАЙСЯ! Одна нога за другой. Неужели это так трудно? Но я не могла. Я словно попала в зыбучие пески, застряв на месте, и медленно погружалась все глубже и глубже, пока наблюдала за происходящим.

Я всегда предполагала, что в момент паники, я бы реагировала быстро и рационально. Я бы использовала свой мозг. Мои эмоции бы отключились, и я бы использовала адреналин,

проходящий через мое тело, чтобы пройти через случившееся и справиться с паникой.

Да уж, как же сильно я ошибалась.

Я отчаянно оглянулась на дом. «Мне надо добраться до телефона», — подумала я про себя. Нет. Я должна побежать к задней двери и привести помощь. Я не могла решить, что же мне делать.

Я закрыла глаза. Слезы текли по моему лицу. Я прикрыла уши, чтобы заблокировать все звуки, но звуки итак прекратились.

Тишина была оглушительной. Я боялась открывать глаза. Когда я все-таки это сделала, мужчина уже успел повернуться лицом ко мне. Он не смотрел на меня. Его рубашка была в беспорядке. Штаны расстегнуты, показывая его вялый член. Я отпрянула от этого видения. Господи, я неистово хотела знать, как использовать оружие. Я бы направила его ему прямо между ног.

Лана опала напротив деревянного бруса. Ее штаны все еще находились у лодыжек. Он тяжело дышал, пока Лана продолжала смотреть на землю. Мужчина наклонился, и его колени издали лопающий звук. Не смотря на все, что я сегодня видела, я вздрогнула от этого действия.

Он рассмеялся. Этот смех был наполнен ненавистью и яростью. — Ты же знаешь, что я единственный человек, который по-настоящему любит тебя, верно? — произнес он.

Лана молчала. Он сильно дернул ее за волосы у самых корней, пока она не подняла на него свой взгляд. Она смотрела на него с жестким спокойствием. Ее глаза были пустыми, и я поняла, в тот момент, что она пользовалась этим приемом, как успокоительным.

Он продолжал смотреть на нее. Его голос повысился. — Верно? — Он еще сильнее потянул ее за волосы, и ее череп ударился о балку.

— Ты прав, — прокаркала Лана, прочистила горло и продолжила. — Ты прав. Ты прав. Я знаю. Я буду хорошей, — прошептала она, словно маленькая девочка.

Он кивнул, после чего застегнул свои штаны и пошел в сторону открытой двери.

Я запаниковала. Страх заставил меня повернуться и начать двигаться на своих дрожащих ногах. Страх заставил мое сердце бешено колотиться, пока я с трудом не задышала. Я забежала за угол сарая. Моя спина уперлась в дерево, а руки — в согнутые колени. Я чувствовала, что была в нескольких секундах от того, чтобы потерять свой обед.

Гравий громко хрустел, и я задержала дыхание, прислушиваясь к его движениям. Наконец, я услышала, как дверь-ширма закрылась. Я ждала до тех пор, пока, наконец, не почувствовала безопасность, после чего я побежала обратно в сарай. Лана все еще сидела там, но теперь ее джинсы были застегнуты. Она зажала жакет одной рукой и уперлась лбом в свое колено. Все ее тело яростно дрожало, когда она склонилась набок, чтобы прочистить желудок. Звуки, которые она издавала, заставили меня съежиться. Когда в ее желудке ничего не осталось, она села и вытерла рот тыльной стороной ладони.

Я шагнула вперед. — Лана?

Ее голова подскочила, и полоска света осветила темный сарай изнутри достаточно сильно, чтобы я смогла увидеть влажные полосы на ее щеках.

Я подошла ближе. Она встала на дрожащих ногах и устоялась на пустое лошадиное стойло.

— Ты в порядке? — прошептала я.

Выражение на ее лице и сутулость плеч заставили меня захотеть побежать вперед и обнять ее, настолько сильно, насколько я только могла.

Она вытерла щеки и послала мне дрожащую улыбку. — Да. Я в порядке.

Как манекен, я стояла там, безучастно глядя на нее. Мы будем притворяться, что все в порядке? Я повернулась к дому, чтобы убедиться, что никто не наблюдает. Я села на колени рядом с ней.

— Лана, я все видела, — прошептала я.

Ее единственной реакцией была громкая икота.

Я повторила. На этот раз громче и жестче.

Болезненный стон вырвался из ее горла. Казалось, словно прошли годы, прежде чем она, наконец, медленно кивнула. Это было ее единственное подтверждение ситуации.

— Мы должны отвезти тебя в больницу, — произнесла я.

— Нет! — быстро выговорила она.

— Что значит «нет»?

Она упрямо покачала головой. — Я не поеду.

— Почему?

— Это ничего не изменит.

— Нет, изменит! Это никогда не случится снова.

— Нет, случится, — сказала она очень тихо.

Наконец, она посмотрела на меня. Я видела ее страх. Видела ее унижение.

У меня в голове засело так много вопросов. *«Как долго это происходит? Твоя мама знает? Почему ты мне не сказала?»*. И я оставила их все при себе; Лана едва дышала, оставим разговоры на потом.

Я встала. Провела пальцами сквозь волосы, в сокрушении начав ходить взад и вперед.

Переживание всего этого походило на глотание стекла. Болезненно. Чертовски болезненно.

Я повернулась, и слова вырвались из моей груди, словно пуля, выпущенная из дула. — Он же твой отец, — произнесла я сломлено.

Мои колени ослабли. Я села рядом с Ланой, плечами касаясь ее. Я могла чувствовать ее боль, словно она была моей собственной. И это было так тяжело, так всепоглощающе, что из моего горла вырвался всхлип. Лана плакала, спрятав лицо в своих ладонях. Я чувствовала себя бесполезной из-за того, что ничего не могу поделать в этой чертовой ситуации, чтобы облегчить ее боль.

Она продолжала плакать, и я повернула голову, чтобы посмотреть на прекрасный дом ее семьи. Мои зубы сжались вместе, а глаза сузились. Неужели ничего нельзя сделать? Логичный шепот. *Борись за нее. Борись, когда никто другой не борется.*

ГЛАВА 7. ЗАКРОЙ СВОИ ГЛАЗА

Моя встреча с доктором Ратледж провалилась. И это все была моя вина. Мне стоило лучше все обдумать, прежде чем давать ей маленький кусочек своей истории; безусловно, она может уйти от всего, что я говорю ей, но мне-то приходится жить с этим каждый день.

Я сижу на кровати. Мои лопатки упираются об стену. Пальцами рук я обнимаю ноги. Пальцы ног впиваются в простыни. Я качаюсь взад и вперед, стараясь спокойно дышать, но дыхание выходит каким-то судорожным.

Мне нужно поспать, но я не могу.

Свет погасили несколько часов назад. Луна едва показалась, но света было достаточно,

чтобы придавать фиолетовый оттенок моей комнате. Я вижу тени, отбрасываемые обнаженными ветками дерева, на своем полу. Они покачиваются на фоне неба из стороны в сторону. Я вижу замороженные сосульки. Они все еще твердые. И все еще держаться. Я стараюсь напоминать себе, что тоже могу держаться.

Но моя решимость ускользает. Мои глаза дрейфуют в угол комнаты. И я вижу мужчину, который сидит в этом углу и наблюдает за мной холодными, немигающими глазами. Это отец Ланы. Он выглядит так, словно хочет разорвать меня на части.

Я слышу его голос. Твердый и резкий. Он заставляет мою кровь стынуть в жилах.

— Ты боишься меня? — спрашивает он.

Пот бисером выступает над моей верхней губой, пока я смотрю на свои ноги.

«*Не разговаривай с ним. Не смей*», — говорю я себе.

Я подняла голову.

Он присаживается. Я слышу, как трещат его суставы из-за подобного движения. Напоминает раскат грома. Этот звук рикошетом проносится в моей голове, пока я хватаюсь за неё руками, чтобы остановить подступающую боль.

Он — единственный, кто говорит со мной. Он — тот, кто ужасает меня. Он причина всех моих ночных кошмаров.

— Ты ничтожество. Но ты ведь уже это знаешь, верно? И та сучка-докторша видит тебя насквозь, несмотря на всю твою ложь. Когда она откажется от тебя, кто останется с тобой? — его голос повышается. — Никто! Никто, кроме меня!

Его слова, словно кислота. Они выжигают мою душу. Растворяют надежду. Открывают старые раны, заставляя их кровоточить. Я кричу в неистовых муках. Кричу во всю силу своих легких, чтобы заблокировать его голос. Но он принимает вызов и тоже начинает кричать.

Ногти впиваются в мой череп. Я чувствую металлический запах своей крови и продолжаю нажимать все сильнее и сильнее.

Мэри вбегает в мою комнату. Я продолжаю кричать, одновременно наблюдая за тем, как она смотрит на меня, после чего начинает оглядываться вокруг себя, осматривая комнату. Она не увидит его. Я прекрасно понимаю, что не увидит. Он не раскроет себя перед ней.

Он прекращает кричать. Я перестаю вопить. Его губы растягиваются в улыбке. Он подносит палец к губам, качая головой.

Я роняю голову на колени и начинаю реветь.

— Наоми, — раздражается Мэри, одергивая мою руку от ушей. — Что случилось?

Она наклоняется с выжидающим взглядом на лице. Я моргаю. Раз. Два.

— Мне... мне нужно что-нибудь, чтобы уснуть, — заикаюсь я.

Мэри роняет мои запястья, словно они пропитаны ядом. — Я же уже дала тебе твои лекарства.

Она пытается заставить меня лечь, но я продолжаю сидеть.

— Они не работают, — говорю я нетерпеливо. — Мне нужно больше.

— Я не могу дать тебе больше.

Она мягко пытается уложить меня на кровать, но я сопротивляюсь.

— Почему нет? Я нуждаюсь в них. — Крошечные уколы боли начали зарождаться за моими ушами по мере того, как я смотрю на Мэри. Моя рука дергается. Я крепко цепляюсь за ее руку. — Мне нужно поспать. Мне нужно...

Мне нужно забыть. Мне нужна одна минута в день, когда я не чувствую дурманящий

террор.

Она вырывает руку и идет обратно к двери. — Наоми, я не могу выйти за пределы того, о чем сказала доктор Ратледж. Она прописывает лекарства и дозировку.

— Что за гребаная шутка! — закричала я.

— Поговори завтра с доктором Ратледж.

— Я не могу ждать до завтра! — Мэри смотрит в сторону, и я начинаю умолять. — Пожалуйста, Мэри.

На секунду, я вижу проблеск сочувствия в ее глазах. Только секунду.

— Ты будешь прекрасно спать, — произносит она, прежде чем подходит к двери, которая закрывается с сильным щелчком.

Мэри думает, что сможет удержать меня в безопасности за захлопнутой дверью. Думает, что изнурение возьмет верх, и я усну. На самом же деле, она просто заперла меня внутри вместе с дьяволом.

Я в аду.

В аду.

После того, как ушла Мэри, я снова превращаюсь в сумасшедшую. В ту, кем она думает, я и являюсь. Я бросаюсь на дверь. Пинаю ее. Кричу. Подхожу к своему столу, поднимаю стул и бросаю его в дверь.

И все это время он наблюдает за мной, сидя в углу. Его лицо не покидает всезнающая улыбка. Он цепляется за мой страх, ведь именно это его и привлекает. Я даю ему все, что он хочет: контроль и власть. Каждый раз, когда я плачу или сотрясаюсь в страхе, он питается этим. Его тело становится сильнее, голос — громче, а этот умственный захват, которым он удерживает меня, становится болезненным. Внутренности выворачивает наизнанку, после чего они падают на землю в болезненной агонии.

Если бы я была сильнее, то могла бы удерживать ситуацию под контролем. Я сказала бы ему, чтоб он оставил меня в покое и катился ко всем чертам. Я бы сказала ему, что ему меня не испугать.

Но я прекрасно понимаю, что этого никогда не произойдет.

Мои пальцы хватаются за край стола. Дверь распаивается. Я поднимаю голову и смотрю на отражение Мэри в окне. Она включает свет, и мои глаза щурятся, стараясь приспособиться. Мой взгляд перемещается на фигуру, которая все еще находится в углу, наблюдая. Две медсестры заходят в комнату следом за Мэри. Они пытаются успокоить меня. Каждый мускул в моем теле напрягается под руками, которые укладывают меня на кровать. Я сгибаюсь, дергая свое тело в разные стороны. Кусаю предплечье медсестры, которая прижимает мои плечи к матрасу. Бью женщину, которая удерживает мои ноги. Не хочу, чтобы они ко мне прикасались.

Затем, словно по вызову, в комнату пришел врач. Я вижу в его руке шприц и перестаю напрягаться. Вот оно. Мое облегчение. Мои легкие расширяются, и я всасываю весь воздух, который только могу. Скоро, все будет в порядке. Я смогу отдохнуть, не видя *его*.

— Наоми, Наоми, — цыкает отец Ланы в углу. — Это лишь временная безопасность. Я всегда буду ждать здесь.

Я игнорирую его, фокусируясь на шприце. Мой рукав закатали выше локтя. Я чувствую, как доктор ищет вену. Я стараюсь не дергаться. Когда он находит вену, я ощущаю резкий

укол боли. Это того стоит. Я на пути к облегчению. Еще несколько минут, и я буду там.

«Держи глаза закрытыми. Если ты не видишь его, то его здесь нет», — говорит голос в моей голове.

— Я буду здесь, чтобы присматривать за тобой, — произносит он холодным голосом, который граничит с садистским.

Никто из людей, топчущихся возле меня, не реагирует на его злой голос. Лишь я. Хотя и я сейчас стала беспокоиться о нем все меньше и меньше. Препараты делают свое дело. Очень, очень медленно. Мне кажется, что все специально происходит, словно в замедленной съемке. Ведь только так ты сможешь запомнить это ощущение.

Я смотрю на свет, отражающийся на потолке. Он превращается в калейдоскоп белых фрагментов. Они собираются в шары, которые отделяются и разбиваются на миллион кусочков. Я наблюдаю, как они умножаются, и, поверьте мне, это прекрасное зрелище. Так или иначе, я отвожу глаза от потолка и смотрю на лица, окружающие меня. Медсестра, которая держала мои ноги, теперь стоит рядом со мной. Ее лицо размывается. Она гладит мои волосы и произносит мягким голосом:

— Просто расслабься.

Я киваю. Во всяком случае, пытаюсь это сделать.

«Просто расслабься, просто расслабься», — повторяю я себе.

После того как доктор и медсестры уходят, в комнате не остается ничего, кроме звука моего собственного дыхания. Я кладу руку на свое скачущее сердце и перекатываюсь на бок. Лекарство растекается по моим венам, захватывая меня. Мои мышцы расслабляются, а кости кажутся невесомыми.

Я легкая, словно перышко.

Я отпустила и покинула свое тело.

Я словно призрак.

Моя кожа прозрачная. Я чувствую себя очищенной. Мой разум наконец-то пребывает в покое. Я встаю с кровати и осматриваю маленькую комнату. Мне кажется, словно я стою на возвышении. Я смотрю вниз на то, что меня окружает, после чего решаюсь посмотреть на уродливую правду — на свое разбитое «Я».

Не могу поверить, что это я. Тусклые волосы. Бледная кожа. Ноги тесно прижаты к груди. Руки обнимают колени.

Мне больно. Боль начинается медленно, и также медленно она распространяется по телу. Я смотрю на свою прозрачную кожу, и тело начинает обретать форму. Начиная чувствовать тяжесть, я паникую.

Я отхожу от кровати. Продолжаю двигаться, пока не схожу с возвышения. Пока не оказываюсь на противоположной стороне комнаты, надеясь, что смогу остаться в этом побеге немного дольше.

Хотя уже слишком поздно.

Когда я открываю глаза, то стою у белой стены. Я вернулась в свое тело. В это сломанное, ослабленное тело.

Чувство безопасности окружает меня. И затем я ощущаю запах сосны. Секунды спустя, вокруг моего живота оборачивается чья-то рука. Лаклан.

— Закрой свои глаза, — шепчет он у моей шеи. — Ты можешь контролировать свой разум.

Сердце бешено колотится, прежде чем начинает замедляться. *Лак — лан. Лак — лан,*

выстукивает оно.

Его рука сжимается вокруг меня, словно он мог слышать эту мелодию.

— Я расскажу тебе историю, — его рука поднимается и убирает мои волосы в сторону. — Ты же хочешь, чтобы я рассказал тебе историю, ребенок? — спрашивает он.

Я ни разу не оборачиваюсь. Не хочу смотреть через плечо, ведь я понимаю, что не увижу там ничего, кроме скомканных простыней. Я не хочу, чтобы все это существовало лишь в моей голове. Поэтому я просто киваю и слушаю глубокий тембр его голоса. Такой уверенный. Такой спокойный. Каждое слово ощущается словно ласка, словно мягкое заверение о том, что со мной все будет в порядке.

Прежде, чем меня утянула темнота, я услышала, как Лаклан прошептал:

— Десять лет назад ты была храброй. Десять лет назад ты получала то, что хотела. Десять лет назад началась наша история...

ГЛАВА 8. ЛИЧНОСТЬ

10 лет назад

Сегодня мой отец весь день ругался из-за фейерверка.

Он ударил рукой по столу, когда мы ели, и прокричал:

— Этот чертов мальчишка Холстед запускал бенгальские огни, фейерверки, да и Бог знает что еще до четырех утра! Нужно было позвонить в полицию.

Они были прекрасны. Но я никогда не решилась бы произнести это вслух. Я сидела там еще около часа, тихо наблюдая за гневом отца, пока не спросила себя, не должна ли я извиниться. Затем я пошла в свою комнату, выключила свет и начала смотреть в окно, стараясь найти лучший вид на дом соседей. Соседей, которых меня учили ненавидеть.

Холстеды переехали в соседний дом четыре года назад. И на протяжении последних четырех лет, мой отец разглагольствовал о них каждый раз, когда появлялся шанс. — Чертова семейка Холстед. Я мог бы купить землю, где находится их дом... — И так далее. Поначалу подобные речи походили на ворчание, но постепенно его голос становился все громче и громче, а глаза — все темнее и темнее.

Это пугало меня. Я не понимала его ненависти к ним. Мне они всегда казались нормальными. Я встречалась лишь с мистером Холстедом, да и то в тот момент мое тельце пряталось за няню, пока та разговаривала с ним и их садовником. Мистер Холстед был высоким мужчиной. Высоким, как небо. Он носил шляпу, которая прикрывала его голову, но я могла разглядеть его глаза. Это были добрые глаза. Он сказал мне называть его Иеремия. Я слишком сильно переживала, чтобы хоть что-нибудь ему ответить.

Тогда же я впервые увидела Лаклана. Он находился позади отца, играя со своими друзьями в домике на дереве. Они были придурковатыми. Лазали по веткам и висели на них. Я с завистью и восхищением наблюдала, как Лаклан прошелся по ветке дерева.

Я знала, что должна повиноваться правилам. Знала, что должна ненавидеть Холстедов, потому что мой отец ненавидел их. Но я не могла.

В прошлом году на 4 июля они устроили фейерверк, разбудив и испугав меня. Но когда я подбежала к окну и увидела все эти красивые яркие огоньки, я не могла стереть улыбку со своего лица. Даже на том расстоянии, которое пролегало между нами, клянусь, я слышала подбадривания и крики из их дома.

Позднее, на следующий день, я сказала маме, что видела фейерверк. Она кивнула и вернулась к странице своего журнала. — Это хорошо, Наоми.

— Я бы хотела, чтобы мой день рождения был 4 июля, — призналась я. — Тогда эти

фейерверки будут для меня. Это был бы День Наоми. Национальный праздник.

Моя честность заслужила от нее резкий взгляд. Она сморщила свои красные губы. — Не будь смешной. Твой день рождения, это твой день рождения.

Я поняла, что она права. Мой день рождения был 19 июля.

Не национальный праздник.

Не День Наоми.

Просто день рождения. Я отпраздновала свой девятый день рождения без фейерверков.

Но стать десятилетней было большим делом. И вместо подарков и праздничного торта со свечками, которые необходимо было задуть, все, чего я хотела, так это увидеть эти яркие огоньки высоко в небе. Я хотела увидеть, как они освещают небо, из-за чего все вокруг кажется блестящим. Я хотела услышать больше подбадриваний и криков, и я с удовольствием бы притворилась, что они были для меня.

Сегодня мне хотелось быть настолько же яркой и ослепительной, как и эти фейерверки. Хотелось быть живой. Я планировала сделать кое-что, о чем думала на протяжении последних нескольких месяцев.

Я решила подождать, пока мои родители уснут, чтобы потом сбежать из своей комнаты. Ожидание было пыткой. Спать уже не хотелось, и я занимала себя тем, что смотрела на часы каждые пять минут. Когда, наконец, пришло время, я тихо открыла дверь и на цыпочках спустилась вниз по лестнице. Адреналин, смешанный со страхом, тек по моим венам. Но волнение перекрывало мои страхи, заставляя руки трястись от нетерпения.

Я закрыла за собой двери, ведущие во внутренний дворик, и побежала по гравию в сторону сарая. Быстро вывела свою лошадь из стойла. Румор был прекрасным арабским жеребцом с блестящей каштановой шерстью и спокойным темпераментом, который и объединял нас.

Я погладила его по шее и небрежно заговорила с ним. — Сегодня мы отправимся в приключение, Румор. — Он наострил уши. Я улыбнулась. — Всего лишь к соседям. Я заберусь в этот домик на дереве, которым никто уже не пользуется. Кто-то же должен его использовать, верно? — спросила я.

Мы остановились у разбитого пня, который я использовала в качестве опоры, чтобы быстро запрыгнуть в седло.

Из меня вырвался вздох, когда я осмотрела темный ландшафт. Я почувствовала себя единственным человеком, существующим в этом мире. Весь мир был моим и только моим. Я могла отправиться куда захочу. Темное небо с небольшим количеством разбросанных по нему звезд было моей картой.

Я почувствовала себя авантюристкой.

Искательницей острых ощущений.

На секунду я оттолкнула от себя волнение и сфокусировалась на тихом пересечении границ участка, принадлежавшего моей семье. Оказавшись на довольно хорошей дистанции от дома, я вдавила каблуки в бока Румора. Секунду спустя мы уже летели.

Это было невероятно волнующе. Пряди вылетели из моей косы, закрывая обзор, но это лишь заставляло меня смеяться. Копыта Румора гремели по холодной земле. *Ба-да-бум. Ба-да-бум. Ба-да-бум.* Это был прекрасный звук.

Свобода.

Слишком быстро я оказалась на участке Холстедов. Дом, представший передо мной, был таким же, как и мой. Невероятно большим. В нем достаточно места, чтобы уместить

внутри целую деревню.

Я едва взглянула на него.

С легкостью я перепрыгнула через забор и, вместо того, чтобы быстренько проехать по безукоризненному двору, выбрала более длинный маршрут. Мои глаза все время были сфокусированы на домике на дереве.

Я остановилась всего лишь в нескольких шагах от домика и слезла с седла, привязав поводья вокруг здоровой ветки. Прежде чем отойти, я осмотрелась кругом, чтобы убедиться, что на рядом никого нет.

Весь свет в доме был погашен, виднелось лишь телевизионное мерцание в комнате на втором этаже. Это заставило меня на секунду остановиться, но за тем я поняла, что все в порядке.

Торопливо пробежав по влажной траве, я остановилась перед большим дубом и усталилась на деревянные доски, прибитые к стволу дерева. Ничто не сможет отнять счастья, которое я испытывала в этот момент. Я была здесь. Я действительно стояла перед домиком на дереве.

— Что ты здесь делаешь?

Что-то близкое не то к вздоху, не то к хрипу вырвалось из моей груди. Я развернулась и прижалась к дереву. Мое сердце грохотало, когда я увидела Лаклана.

Он был выше, нежели я его помнила. Его темно-каштановые волосы уже отросли и нуждались в стрижке. Я не могла увидеть его глаз. Разобрала только угол его носа и контур губ, которые были сжаты в тонкую линию, пока он мрачно смотрел на меня.

Я была чертовски напугана. Вся моя решимость улетучилась, когда меня поймали. У меня никогда не будет шанса забраться в домик на дереве.

И Лаклан был тихим, потому что... Ну, если честно, я понятия не имела, почему он был тихим. Но с каждой секундой, в течение которой не было произнесено ни слова, я становилась все более напуганной.

Я откашлялась. — Т-т-ты ведь его уже не используешь, верно? — прокаркала я.

Хмурясь, он взглянул на домик на дереве, а затем снова на меня. — Нет, не совсем. — Он шагнул вперед, и я вцепилась пальцами в кору дерева. Он остановился в нескольких шагах от меня и послал мне любопытный взгляд, после чего протянул свою руку.

— Меня зовут Лаклан Холстед. А тебя?

Он мог сказать моим родителям, что я забралась к ним на участок. Он мог вовлечь меня в огромную проблему. Но вместо этого он протянул мне руку. Этого было достаточно, чтобы заставить меня бежать обратно к Румору. Но мои ноги, казалось, приросли. Я забыла, что у меня есть голос, есть имя. Несколько секунд я боролась за то, чтобы восстановить дыхание, и просто смотрела на него.

С трудом, но я заставила свой язык работать и протянула дрожащую руку, отвечая на его рукопожатие. — Наоми Кэррадайн. Я твоя соседка, — ответила я писклявым голосом.

Лаклан посмотрел через плечо в направлении моего дома.

«Пожалуйста, не сдавай меня. Пожалуйста, не сдавай меня», — скандировала я в своей голове.

— Так что ты здесь делаешь?

— Я просто хотела посмотреть на домик на дереве.

— Посреди ночи?

— Пожалуйста, не рассказывай моим родителям! — отчаянно просила я. — Я лишь

хотела подняться сюда. И все. Клянусь!

Он с непринужденностью рассмеялся. — Расслабься, ребенок. Я не сдам тебя. — Он засунул руки в карманы своей толстовки и посмотрел на дерево. — Как бы там ни было, но почему ты хочешь туда забраться? Его годами не использовали. Я удивлен тому, что он еще не развалился.

Я поежилась и посмотрела на землю. — С тех пор, как ты перестал пользоваться им, я подумала, что смогу сама пользоваться им, — пробормотала я.

Он удерживал свой взгляд на дереве, после чего кивнул. — Довольно хороший ответ. — Хлопая по основанию дерева, он выжидательно смотрел на меня. — Так ты поднимаешься?

Это именно то, зачем я сюда пришла. Но теперь, когда он был тут, рядом со мной, я нервничала. Я все еще была напугана тем, что он может рассказать о произошедшем моим родителям.

Я отвела взгляд от Лаклана и наклонила голову назад настолько далеко, насколько это было возможно, и медленно кивнула.

— Поднимаюсь.

Я ухватила за деревянные ступеньки дрожащими руками и начала подниматься. Когда я заглянула в домик, то улыбнулась и затащила себя внутрь. Лаклан находился позади меня. Он сразу пошел к углу, выглядя немного скучающим. У меня же была совсем другая история. Я была всего в нескольких футах от земли, но мне казалось, что я нахожусь в облаках.

— Как тебе здесь? — спросил Лаклан.

— Мне нравится, — выдохнула я.

— Ты какая-то не разговорчивая, — пробормотал он.

Мои плечи напряглись. — Даже слишком.

— Я шучу. — Он прошелся по домику. Доски скрипели под его ногами. Наконец, он облокотился на подоконник рядом со мной и посмотрел в небо. — Так все, чего ты хотела, это просто прийти сюда и посидеть?

— Да.

Он ничего больше не произнес.

— Я была права, — наконец, сказала я. — Здесь потрясающе.

Мы вдвоем сидели в тишине, но мне это нравилось.

— Если это все, чего тебе хочется, то можешь приходить сюда, когда пожелаешь, — сказал он.

Мои глаза расширились. Я с нескрываемым волнением повернулась к нему. — Ты серьезно?

Лаклан пожал плечами. — Конечно. Хотя я не уверен, что побег из дома посреди ночи восьмилетней девочки — хорошая идея.

Мой подбородок оборонительно поднялся. — Мне десять.

Он не выглядел впечатленным.

— Ты тоже не дома, — сказала я. — И ты не на много старше меня. Тебе разве не тринадцать?

Лаклан прищурился. — Пятнадцать.

Я взяла это на заметку, но происходящее было самым веселым, что случилось со мной за последнее время.

— Ну, повеселись здесь, — произнес он, — ... а я пойду внутрь. В кровать. Как все нормальные люди.

— Эй, подожди! — сказала я быстро. Лаклан остановился и выжидательно посмотрел на меня. — Что ты делал, когда поднимался сюда?

— Если честно, то играл в различные бессмысленные игры.

— Например?

Он громко вздохнул и сел. — Ну, например, я стрелял из невидимых пушек, после чего спускался вниз и бежал к дому за боеприпасами. Иногда, этот домик был моим космическим кораблем. Несколько раз он выступал в качестве штаб-квартиры секретного агентства. Большую часть времени, это место было моим тайным убежищем или же дрейфующим островом.

Я отлично представляла все игры, которые он описал. Мое воображение понеслось с дикой скоростью, ища и хватая все, о чем он говорил, жадными руками. Если бы я посмотрела налево, то могла бы увидеть горы, покрытые мягкой зеленой травой и цветами. Прямо передо мной находились пальмы и чистая голубая вода, которая касалась песка. Справа были руины замка, который раньше возвышался в Германии. Я могла увидеть все это.

— Вот почему я всегда приходил сюда, — объяснил он. — В этом домике на дереве я мог мечтать о чем угодно.

Я кивнула и попыталась убрать широкую улыбку со своего лица.

— Мечтать о чем угодно, — повторила я с трепетом. — Я тоже хочу это делать.

— А ты этого не делаешь? Тебе десять! Десятилетние всегда так делают.

Не все.

Были границы, которые я никогда не пересекала. Я играла в настольные игры, с Барби, ездила верхом, но при этом редко использовала свое воображение, которое никогда не было таким диким, как у Лаклана.

— Нет. — Я со стыдом посмотрела на деревянный пол.

— Ни разу? — спросил он.

Я снова сказала «нет».

Он упорствует. — Ты врешь!

Я откашлялась и посмотрела на небо.

— Я начну сочинять для тебя историю, но ты должна будешь ее продолжить. — Он вытянул ноги и скрестил их у лодыжек. Я не могла сказать, остался он лишь потому, что ему было жалко свою странную, десятилетнюю соседку, или же потому, что он наслаждается моим присутствием. Честно, я приму любой вариант.

— Хорошо. Мир был захвачен инопланетянами. А теперь ЦРУ полагается на тебя, чтобы защитить человеческую расу... — Он продолжил рассказывать свою историю, изображая идеальную картину, которую и я смогла себе представить.

Я с увлечением наблюдала за ним.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Мои брови сошлись вместе. — Наоми.

— Нет. Как тебя называть? — подчеркнул он медленно. — Просто представь, и ты будешь кем угодно.

Я улыбнулась, хватаясь за смысл его слов. Возможности бесконечны. — Клэр...нет, мне нравится Джулия. Ох! Нет! — Я взволновано села на колени. Я не могла здраво мыслить. Это было так волнительно. — Я хочу быть Эллиот Кид! Мне нравится!

— Хорошо, — ответил он, а затем улыбнулся. Это было правдиво и честно. Ничего лживого. Я заработала эту улыбку от Лаклана Холстеда и сделаю что угодно, лишь бы

заработать еще одну.

Он болтал со мной на протяжении нескольких часов до тех пор, пока не взошло солнце. Пока мои глаза не начали закрываться. Пока не пришло время уходить домой.

В ту ночь Лаклан Холстед разбудил меня и утянул мой разум в новый мир. Я была слишком молода, чтобы осознать, что в таком юном, десятилетнем возрасте, я охотно отдала ему свое сердце.

ГЛАВА 9. КОМНАТА № 62

— Ты хоть поспала?

Я смотрю на Мэри. — Немного.

Она наклоняет голову, на ее лице сочувствующий взгляд, и я могу сказать, что она прекрасно понимает, что я лгу.

Мы подходим уже довольно близко к двери доктора Ратледж, когда медсестра останавливается перед Мэри, отталкивая ее. Я уже видела эту медсестру поблизости. Она одного возраста с Мэри, но ее лицо постоянно хмурое. Она носит темную, однотонную одежду, которая соответствует ее жесткой личности.

Мои глаза сужаются, и я вижу, как губы медсестры быстро двигаются. Могу разобрать лишь обрывки фраз, но вижу, как они образуют слова «предлагать» и «групповая терапия».

Внезапно мне становится трудно дышать.

Групповая терапия.

Ни в коем случае. никоим образом. Я лучше сделаю себе лоботомию, чем буду сидеть в кругу и обсуждать свои проблемы.

Мэри смотрит на меня через плечо. Вы осознаете, что все плохо, когда ваша медсестра (причем, самая нормальная среди остальных) не выглядит счастливой. Мне нужно убежать от этого взгляда.

Встревоженная медсестра уходит, оставляя меня и Мэри в неловком молчании.

— Смена планов, — объявляет Мэри.

— Что ты имеешь в виду?

Она мягко берет меня под руки, и мы быстро разворачиваемся. — Доктор Ратледж хочет, чтобы ты попробовала групповую терапию.

Я перестаю идти и смотрю на нее.

— Я не хочу на групповую терапию.

Она тянет меня за руку. — Почему нет?

— Я просто...я просто не хочу этого делать.

— Групповая терапия очень эффективна, — рассуждает она.

— Может быть для кого-то другого, но только не для меня.

Мэри не отвечает.

— Я видела, как ты смотрела на меня, когда с тобой разговаривала медсестра! Ты тоже думаешь, что это плохая идея.

— Сделай попытку. Тебе же нечего терять.

Иными словами: У тебя нет выбора. Пока у тебя не появятся улучшения, придется делать то, что велят.

Я переставляю ноги, чувствуя, будто иду на казнь.

— Как долго она длится?

— Всего лишь час.

Мы заходим в комнату под номером 62. Большое открытое помещение, где проводят почти все терапевтические сеансы. Синие пластиковые стулья стоят в центре комнаты. Это похоже на маленький, уютный кружок. Словно мы сейчас в детском саду, готовые показывать и рассказывать.

Я стою в дверном проеме и наблюдаю за всеми. Одна девушка рассматривает ковер, бурча себе что-то под нос. Рядом с ней стоит женщина среднего возраста. Я видела ее несколько раз во время ужина и в комнате отдыха. Я называю ее Мамой Притворщицей. Она носит красные шелковые пижамы почти каждый день. Она всегда накрашена и пахнет сиренью. В руках Мама Притворщица укачивает пластикового ребенка. Когда она перестает это делать, то начинает петь ему колыбельную, успокаивая. Делает вид, словно он плачет.

Совершенно ясно, она сумасшедшая.

И совершенно ясно, что я на кратчайшем пути к тому, чтобы последовать за ней по этой дорожке, потому что ее присутствие успокаивает меня. Она так по-матерински ко мне относится. Если я закрою свои глаза, то смогу забыть, что нахожусь в психиатрической больнице. Я представляю, что Притворщица — это настоящая мама, которая держит на руках настоящего ребенка.

По другую сторону от Мамы Притворщицы сидит тощая девушка, которую зовут Эмбер. Она анорексичка. Она сидит здесь, уставившись на всех с негодованием.

Я пытаюсь развернуться. Мэри хватает меня за плечи и произносит мягким голосом, — Все будет в порядке.

— Могу я тебе доверять? — спрашиваю я слабо.

Она сжимает мои плечи. — Все будет в порядке. Я заберу тебя через час.

Мэри не собирается уходить, пока я не сяду. Я иду через комнату. Мне кажется, будто все смотрят на меня. У них у всех свои собственные проблемы и дела, но клянусь, они шепчутся друг с другом: «Ты видишь ее? Видишь, насколько дерьмовая. Она никогда не сможет покинуть «Фэирфакс»».

Я выбираю ближайшее от двери место. Если все это дерьмо дойдет до крайностей, то я буду готова убежать. Но это место оказалось рядом с Эмбер. Ее губа искривляется в отвращении.

Пошла на хуй, тощая сука.

Я скрещиваю руки. Мои ноги подпрыгивают вверх и вниз. Жду, пока нервное ощущение в моих кишках не исчезнет, но, чем дольше я здесь сижу, тем сильнее оно становится.

В комнату заходит все больше людей. Стулья постепенно заполняются.

Вот уже зашли врач (мужчина) и две женщины. Я внимательно за ними наблюдаю, пока они тихо разговаривают у двери.

«Покончим уже со всем этим!» — хочется мне прокричать.

Я прикусываю свою губу.

Доктор откашливается, и комната погружается в тишину. Он представляется доктором Купером, после чего начинает свое разглагольствование о групповой терапии и ее пользе. Он говорит, что это безопасное место. Единственный выход для нас — это по-настоящему раскрыться и все отпустить.

Я с сомнением смотрю на него.

Он продолжает говорить, и именно тогда я начинаю слышать другой голос.

Сначала он доносится откуда-то издалека, но постепенно становится все ближе и ближе, пока, наконец, не разносится рядом со мной. Я слышу, — Ты грязная сука.

Моя кожа покрывается мурашками. Мои пальцы хватаются за синий пластиковый стул, на котором сижу, пока я отчаянно осматриваю комнату. Слышат ли они отца Ланы? Могут ли они видеть его позади меня?

Но все со скукой смотрят на доктора Купера.

Поэтому я стараюсь следовать их примеру, думая, что это сможет отвлечь меня. Я фокусируюсь на губах доктора. Он говорит о когнитивном поведении...хотя... ну, во всяком случае, мне так кажется.

— Я, правда, хочу, чтобы вы все сфокусировались на своих положительных чертах. — Он смотрит в моем направлении. — Эмбер. Хотела бы ты рассказать о своих положительных чертах?

Она перестает дергать мертвые концы своих волос и пристально смотрит. — Неа. У меня нет положительных черт.

Мои пальцы тревожно барабанят, и я продолжаю осматривать комнату. Доктор прочищает горло. — Это не правда. Я уверен.... — *Видишь, что он делает здесь?* — ...что они у тебя есть.

Я оглядываюсь назад. Склоняю голову в сторону и смотрю на стулья, сложенные в углу. Он может прятаться там.

Эмбер смотрит на меня. — В чем, черт возьми, твоя проблема? — резко бросает она.

— Подожди, Эмбер, — говорит доктор Купер. Он встает и идет к нам. Прежде, чем он открывает свой рот, он опускается на колени, чтобы посмотреть Эмбер в глаза. Его кости громко трещат.

Звук отдается эхом в моих ушах.

Я знаю, что сейчас разговаривает доктор Купер. Я вижу, как двигается его рот. Но я не слышу ни слова.

Радиомолчание.

Мои барабанные перепонки начинают болеть.

Тишина становится сильной и мощной. Я тру уши, пытаюсь облегчить сильное давление. Оно ощущается так, будто моя голова вот-вот собирается взорваться.

И вот тогда я замечаю его.

Папа Ланы выглядывает из-за доктора Купера. Он стоит на коленях, локтями упираясь в бедра, в той же позе, что и доктор Купер.

Но он посылает мне садистскую улыбку. Это та же самая улыбка, которая появляется, прежде чем он собирается атаковать. Дыхание застревает у меня в горле.

Я мгновенно реагирую и откидываюсь на стуле. Он опрокидывается. Я падаю на пол. Ползу от него прочь. Не перестаю двигаться, пока спина не касается стены. Он встает и медленно идет ко мне. Он одет в военно-морской костюм, белую рубашку с галстуком в полоску. Он выглядит безобидно, но выделяются его холодные глаза. Это глаза, которые ничего не чувствуют. Они показывают, что у него нет сердца, и никогда его не было.

— Ты маленькая сучка, — произносит он.

Из меня выходит удушающий звук. Я захлопываю глаза и стараюсь сфокусироваться на дыхании. Он ближе. Я могу чувствовать, как его шаги отдаются эхом возле меня.

— Уходи. Уходи. — Мой голос становится сильнее. — Уходи!

Он хватается меня за лодыжку, и я начинаю пинать его. Мои руки сгибаются над головой. — Оставь меня в покое, — кричу я.

Он продолжает произносить мое имя, хватая меня за лодыжки. Я сопротивляюсь, но

мои мышцы болят. Я становлюсь слабее, и это делает его сильнее. Это делает его хватку более болезненной.

Отдаленно я слышу женский голос.

Доктор Ратледж.

— Что случилось? — требует она объяснений.

Кто-то отвечает, но я не могу понять, что они говорят. Все стало приглушенным.

— Наоми.

Я открываю глаза. Ее лицо расплывчатое. Все, что я могу разобрать, это контур ее тела.

Но прямо рядом с ней я вижу отца Ланы.

Я откидываю свою голову назад. Она болезненно ударяется о стену.

— Ты слышишь меня? — спрашивает доктор Ратледж.

Ему не важно, что рядом со мной доктор Ратледж. Он продолжает прикасаться ко мне.

Он сжимает мою челюсть, пока мне не начинает казаться, что она вот-вот расколется пополам.

— Ты все разрушила, — кричит он. — Твоя чертова жизнь теперь в моих руках!

На этот раз доктор Ратледж произносит мое имя очень громко. — Дыши, — командует она. — Ты должна дышать.

Я фокусируюсь на ее словах, и давление на моей челюсти пропадает, после чего его руки и вовсе исчезают.

Я открываю глаза и вижу перед собой лишь доктора Ратледж. За ней стоит Мэри, на ее лице паника.

— Сделай глубокий вдох, — убеждает доктор Ратледж.

Все в комнате смотрят на меня, будто я сошла с ума. На самом деле, я не могу их в этом винить.

— Выведите меня отсюда, — задыхаюсь я. — Выведите меня отсюда!

Она вытягивает свою руку, и я цепляюсь за нее, как за спасательный круг.

— Не заставляйте меня сюда возвращаться! — умоляю я.

Доктор Ратледж оборачивает руку вокруг моего плеча. Мэри встает слева от меня, мягко удерживая мое предплечье. Мы выходим из комнаты. Тело перестало слушаться меня. Ноги онемели. Я двигаюсь осторожно, будто иду по натянутому канату.

— Я сделаю что угодно, но не вернусь сюда, — умоляю я. Я все еще слышу скрип его костей. От этого мое тело подергивается в конвульсиях. Я продолжаю говорить. — Я пытаюсь стать лучше, клянусь. Но я не могу перестать видеть его. Он повсюду, куда бы я не посмотрела!

— Наоми, успокойся, — успокаивающе говорит доктор Ратледж. Она торопит нас по коридору. — Просто сосредоточься сейчас на своем дыхании.

Я все еще задыхаюсь, когда мы заходим в ее кабинет. Мэри закрывает дверь позади нас, создавая нам приватность.

И на этот раз тишина ощущается прекрасно. Его нет здесь. Я в безопасности. Я могу дышать.

Дрожь все еще сотрясает мое тело, когда я сажусь. Моя кожа липкая. Отголоски его атаки были хуже, чем настоящие атаки. Я все еще чувствую его захват на своих ногах, который сжимает их все крепче и крепче, пока не начинает казаться, будто мои кости сейчас сломаются.

— Наоми, — говорит доктор Ратледж. — Продолжай делать глубокие вдохи.

Я слушаю ее, и заставляю себя дышать медленнее, вдох и выдох.

Вдох и выдох.

Вдох и выдох.

Я всасываю весь воздух, который только могу, и боль медленно исчезает.

Когда я смотрю на доктора Ратледж, она указывает головой на свой стол. Там стоит стакан с водой. Я хватаю его и с жадностью опустошаю.

Я удерживаю его двумя руками. Ее стул скрипит, когда она наклоняется ближе.

«Пожалуйста, не делай хуже, чем уже есть», — думаю я про себя.

— Ты можешь сказать мне, что случилось во время групповой терапии?

— Нет.

Мой захват на стакане усилился.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — произнесла я. Сейчас мой голос звучит довольно сильно.

И впервые, с тех пор как я встретила доктора Ратледж, она не произнесла ни слова. Она просто терпеливо сидела там, вращая скрепку, лежащую на ее столе.

— Я вижу отца Ланы, — наконец, призналась я.

Его лицо вспыхивает в моем мозгу.

— Он что-то говорит?

Я киваю. — Он кричит на меня. Он продолжает называть меня сукой. Говорит мне, что моя жизнь принадлежит ему... — Мой голос ломается.

— Здесь ты в безопасности. Ты это знаешь, верно? И Лана тоже в безопасности. Ее отец больше не может причинить ей боль.

Имя Ланы заставляет меня сесть прямо, и я начинаю дрожать. — Откуда вы это знаете?

Доктор Ратледж перемещается в кресле. — Я с ней разговаривала, — признается она.

— Когда? — Мой голос повышается. — Где она?

Она пропускает мой вопрос мимо ушей, будто его никогда и не было.

— То, что случилось с тобой сегодня, было просто....

— Где она? — прервала я.

— Она в безопасности, это все, что я могу тебе сказать.

— Почему вы не можете мне сказать, где она?

— Потому что ты должна исцелиться. Ты не можешь помочь ей, Наоми, пока ты сама сломлена.

Ее слова сильно меня ударяют. Я должна быть поддержкой и опорой для Ланы, а без этого, кто я на самом деле?

Мне хочется заплакать, но сдерживаюсь. Одного провала достаточно на сегодня.

— Все, что ты видела во время групповой терапии, это лишь игры твоего разума.

— Он был там. — Мой голос дрожит от осуждения. — Я видела его, чувствовала, как он удерживает меня.

— Его там не было, — она тщательно произносит каждое слово.

Я использую тот же тон. — Он там был.

Знаю, мы можем продолжать двигаться туда-сюда. Но все сводится к тому, что вменяемая здесь доктор Ратледж.

Не я. Я та, которую здесь упрятали.

Мой мир против ее мира, и я знаю, что все поверят ей.

— Почему бы тебе не прилечь? — предлагает она медленно. — Увидимся с тобой

завтра утром, и продолжим с того места, где мы остановились.

Я едва могу думать о том, что происходит прямо сейчас, не говоря уже о завтра.

Так что я просто киваю и встаю. — Хорошо.

Доктор Ратледж открывает для меня дверь. Мэри выходит вперед и провожает меня обратно в мою комнату.

Оставшуюся часть ночи я проживаю в полном оцепенении.

ГЛАВА 10. НЕ СПИ

— Наоми, пора идти.

Я отвернулась от своего окна и уставилась на Мэри. Она стоит в дверном проеме, нетерпеливо постукивая ногой. Но даже ей не удастся заставить меня пойти обратно к доктору Ратледж.

Я скрестила руки и смерила ее пристальным взглядом. — Нет.

Мэри наклоняет голову на бок, на ее лице застыло строгое выражение, которое говорит: «Неужели нам привести тебя туда насильно?»

За прошедшие недели это стало нашей рутиной. Мэри говорит мне, что я должна увидеться с доктором Ратледж. Я говорю ей, что не пойду к ней. Мэри зовет на помощь, после чего приходит другая медсестра, чтобы помочь ей протащить меня по коридору. Я борюсь, пытаюсь вырваться из их захвата, но, в конце концов, я всегда обнаруживаю себя, сидящей напротив доктора Ратледж. После групповой терапии, я возвела стены, боясь, что другие методы, которые держит в уме доктор Ратледж, уничтожат меня.

Так что она снова сидит там за столом, задавая свои типичные вопросы:

«Как ты?»

«Хорошо спала прошлой ночью?»

«О чем ты сейчас думаешь?»

Я никогда не отвечаю. Я лишь наблюдаю, как часы отсчитывают время, и это становится нашим тупиком. Я не произношу ни слова, отказываясь отступить, в то время как доктор Ратледж настойчиво говорит, пытаюсь заставить меня открыться. В конце концов, я держусь дольше доктора Ратледж, и она позволяет мне уйти. Но я никогда не покидаю ее кабинет с чувством победы, ведь вся правда заключается в том, что мои кошмары становятся хуже с каждым разом. Независимо от того, куда я иду, я вижу его. Доктор Ратледж прописала мне «Амбиен»[1]. Он помогает немного, но его явно не достаточно.

Я боюсь, что скоро лекарства перестанут быть моим спасительным домиком. Боюсь, что он найдет меня и разорвет на куски.

Я хожу в полном оцепенении. Граница между реальным и нереальным начинает размываться. Все вокруг меня начинает запутываться, сбивая с толку. И самое страшное из всего этого, что я становлюсь одной из тех пациентов, которые сидят в комнате отдыха, уставившись в телевизор на протяжении нескольких часов подряд.

Я вздыхаю и отхожу от окна. Сегодня, я слишком устала, чтобы бороться.

Мэри посылает мне ободряющий кивок. Она горда. Думает, что это шаг в правильном направлении.

Мы медленно идем по коридору, относясь к этому как к прогулке по парку. Если вы спросите, то этот спертый воздух и стерильные стены в действительности стали моим парком.

Мэри стучит один раз в дверь доктора Ратледж, после чего открывает ее. Она смотрит

на меня и кивает головой, указывая мне заходить. Неохотно, я иду внутрь. Доктор Ратледж поднимает голову и улыбается. Она сидит на своем стуле, выглядя невероятно чопорной и невозмутимой, словно у нее есть готовые решения для всех моих проблем.

Я смотрю на нее с явным неподчинением.

Она жестом указывает на стул перед ее столом. — Присядешь?

Я скрещиваю руки.

Доктор Ратледж вздыхает. Просто вздыхает. И я была поражена этим сладким, успокаивающим шумом. Я хочу сидеть, сложа руки, и вздыхать, делая вид, словно не существует никаких проблем, отягощающих меня.

— Ты все еще намерена отмалчиваться на наших встречах?

— Я не отмалчиваюсь на наших встречах.

Она смотрит на меня с сомнением. — Вот тут ты ошибаешься. Ты все еще злишься из-за групповой терапии, а игнорировать меня — единственный способ, который помогает тебе справиться с ситуацией.

Я вздрогнула, словно она только что бросила нож, который вошел в меня на целый дюйм.

— И Вы еще можете винить меня за это? — спросила я.

— Конечно, нет. Я уже призналась, что групповая терапия была не лучшим вариантом. — Она замолкает, после чего продолжает мягким голосом. — Но я не против тебя, Наоми. Когда я задаю тебе свои вопросы, то на это у меня есть определенная причина.

Я иду вперед. Все время, пока иду, я смотрю на доктора Ратледж осторожными взглядом. — И какая же причина?

— У тебя нет диагноза, — объясняет она. — И я хочу, чтобы он у тебя появился. Ты здесь уже почти два месяца, а, два месяца, поверь мне, очень большой срок.

Я медленно сажусь. Кажется, у нас, наконец, появилось нечто, с чем мы обе можем согласиться. Но я не собираюсь сразу же ей открываться. Почему я должна так просто ей сдать?

— Как прошел твой день?

— Нормально, — неохотно отвечаю я.

— Чем ты занималась сегодня днем?

— Немного времени провела у себя в комнате. Ходила в комнату отдыха... — Мой голос колеблется. Она приподнимает бровь. — Я заперта в сумасшедшем доме. Чего вы от меня ожидаете?

— Значит, ты ничего не делала?

— Ничего, — подтверждаю я.

— Ты любишь читать? — быстро спрашивает она.

— Нет, — так же быстро отвечаю я.

— Как насчет фильмов?

— Нет. — Еще одна ложь.

Она продолжает задавать вопросы. Я отвечаю, и мои ответы выходят наружу со слишком быстрой последовательностью. Я жду, когда она наконец-то сдастся, но она, похоже, никогда этого не сделает.

— Ты завела здесь друзей? — спрашивает она, ее глаза не отрываются от моего лица.

— Несколько. — Все еще лгу.

— Как твой аппетит?

Я нахмурилась. Что за тупой вопрос. Он такой бессмысленный и глупый, что я честно отвечаю. — Нормально.

— И как ты спишь?

— Я не сплю, — незамедлительно отвечаю я.

Доктор Ратледж с удовлетворением откидывается в своем кресле. Я попала в ее ловушку. Это был лишь вопрос времени, пока один из нас облажается. Я смотрю в сторону, злясь на себя. Но в каком-то смысле, рассказав ей правду, мне стало хорошо.

Секунды тикают, никто из нас не произносит ни слова. Я ковыряю болтающуюся нитку на своем рукаве. Все это время я чувствую на себе ее взгляд.

Она заговаривает первая.

— Почему ты не спишь?

Я сжимаю зубы и ничего не отвечаю. Минуты утекают.

— Ты выглядишь расстроенной, — говорит она. — О чем ты думаешь?

Я не комфортно ерзаю на своем стуле. — О Лане.

— Что насчет Ланы?

Моя голова наклоняется. — Неужели, Вы только что спросили об это? «Что насчет Ланы?» — подражаю я ее голосу. — Моя подруга нуждается во мне, а я застряла здесь, в психушке, без права выхода. Конечно, я буду думать о ней.

— И как ты чувствуешь себя, когда думаешь о ней?

— Я только что Вам это сказала, — нетерпеливо произношу я.

— Нет, ты сказала, что думаешь о ней. Что она нуждается в тебе. И что ты застряла в психиатрической лечебнице. Сейчас же я спросила тебя о том, что ты *испытываешь*, когда думаешь о ней.

Я мучаюсь от ее слов.

— Вину, — отвечаю я медленно. — Я *испытываю* чувство вины.

Мои пальцы сжимают локти. И что-то зловещее начинает покрывать мои плечи. Мои мышцы мгновенно напрягаются.

— Почему ты испытываешь чувство вины? — спрашивает она.

Я начинаю отвечать, но быстро замолкаю. Наступает блаженное молчание. Я не слышу голоса в коридоре. Птицы не щебечут снаружи. Ветер не завывает за окном.

И затем мои уши прорывает.

Вдруг, появляется эхо голосов. Они медленно находят на меня, после чего внезапно все сразу появляются у меня в голове. Так много шума. Искаженные голоса, говорящие все и сразу. Вопли, крики, смех, плач и стоны. Становится невозможно думать ясно. Меня вытолкнули из собственной головы.

Мои руки трясутся.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я, правда, начинаю терять себя, и все это вина доктора Ратледж. До наших встреч и групповой терапии все было, конечно, не идеально, но определенно не так плохо, как сейчас.

Все начинает накапливаться во мне. Я чувствую, что медленно исчезаю из собственного тела. Невыносимо страшно терять умственный контроль. Даже несмотря на то, что сижу, я чувствую, словно теряю равновесие. Мое тело подается вперед. Мое тело бросается вперед.

У меня начинается настоящая паника.

Я соскакиваю со стула. Спотыкаясь, отхожу от ее стола, пока не касаюсь стены.

— Я знаю, что Вы делаете. — Мой голос дрожит. Доктор Ратледж смотрит на меня с тревогой. — Вы говорите, что хотите видеть меня, выбравшейся отсюда, но это не так. Вы точно такая же, как и все остальные врачи здесь. Задаете свои вопросы, чтобы пройти через контрольный список симптомов. И, если у меня есть совпадение по нескольким из них, тогда, вуаля! У меня появится то или иное расстройство. Но я не хочу Вашей помощи! Я не нуждаюсь в ней! — перекрикиваю я голоса. — Черт побери, я единственный разумный человек в этом месте, но теперь вы начинаете превращать меня в других пациентов!

Доктор Ратледж выпрямляется. — Успокойся, Наоми, — осторожно говорит она.

— Нет! — Я указываю на нее. — Попробуйте запихнуть свою собственную семью в психушку. Попробуйте сначала быть с теми, в ком нуждаетесь и кого любите, а потом заставьте их исчезнуть, когда они Вам так нужны!

Я сжала ладони в кулаки и ударила ими по своей голове.

Если я ударю достаточно сильно, то выключу все голоса.

— Хватит. — Она встает со стула, выглядя безумной, почти испуганной. — Прекрати это! — кричит она.

Я закрываю глаза и продолжаю бить себя кулаками.

— Наоми! Хватит!

Ее голос ближе. Это заставляет голоса, поселившиеся в моей голове, паниковать. Их громкость усиливается; их голоса кричат, и в моих ушах начинает звенеть. Боль настолько сильная, что по моему лицу начинают катиться слезы

И потом я чувствую, что она хватается меня за руки.

Я замираю. Создается такое ощущение, будто лопается шар.

Я поднимаю глаза. Не пытаюсь спрятать страх и боль. Я позволяю доктору Ратледж увидеть все.

Я наблюдаю, как ее зрачки расширяются, когда она принимает все это.

Мою тьму.

Мое расстройство.

Мою боль.

Мое унижение.

Она опускает мои руки. Они падают по бокам, словно тяжелые грузы. Она обходит свой стол и опускает на него ладони. Ее тело горбиться, глаза закрываются.

Мы молчим. Я раскачиваюсь взад и вперед около стены, пока она беспомощно смотрит на свой стол. Затем она поднимает голову и смотрит на меня. Звание доктора медицинских наук исчезает. Она личность. Со своими недостатками. Со своими шрамами.

— Ты знаешь, почему я стала психиатром?

Я тупо смотрю на нее, вытирая щеки тыльной стороной рук.

— Почему? — спрашиваю я неохотно.

— Я всегда была очарована человеческим умом. Как мы обрабатываем окружающие нас предметы. Как чувствуем. Какие эмоции мы проецируем, — признается она.

Я все еще не впечатлена.

— Во время аспирантуры я поняла, что, может быть, за моим решением исследовать эту область стоит что-то большее.

Я не понимаю, куда движется этот разговор. Но знаю, такие разговоры между пациентом и доктором никогда не происходят. Врачи всегда лишь задают вопросы и ждут на них ответы. Они никогда не открываются и не рассказывают ничего личного о себе.

Я медленно встаю. — Что Вы имеете в виду?

— У меня есть члены семьи, которые боролись с психическими расстройствами. Мое увлечение связано именно с ними. Я хотела выяснить, откуда идет вся эта боль. Почему всем всегда казалось, будто они не могли поколебать тьму, которая постоянно маячила вокруг них, — вздыхает доктор Ратледж.

Не думаю, что сейчас все так же легко и сладко, как было раньше. На этот раз я вижу боль и горе за всем этим. В ее прошлом есть своя темнота.

Я смотрю вниз и обвожу вену на тыльной стороне своей руки. — Вы нашли ответ?

— Иногда думаю, что да, — осторожно отвечает она. — Но когда читаю что-то новое, или начинаю встречаться с новым пациентом, то понимаю, что пытаюсь разрешить невозможное. У нас никогда не будет однозначного ответа. Каждый пациент отличается тем, как он чувствует, думает, любит или выражает себя. Думаю, это именно то, что заставляет мир вращаться.

Я думаю о Лане. Она стоит в ванной и смотрит на свое отражение. Она сдается. Она устала от боли. Я стою в дверном проеме, говорю ей не сдаваться, но она не хочет меня слушать.

Мурашки покрывают мою спину. И я пытаюсь стряхнуть это видение.

Доктор Ратледж переплетает пальцы и делает глубокий вдох. Я понимаю, время признаний закончилось, и она вернулась к своей обычной роли. — Я не доктор Вудс. Когда ты говоришь, я слушаю тебя. Я верю тебе. Но мне нужно, чтобы ты доверилась мне и открылась. Хорошо?

Я прекрасно понимаю, зачем она вернулась к роли доктора, но я уже скучаю по другой ее стороне. Когда она разговаривала со мной, мое унижение начало слабеть. Я не чувствовала себя неудачницей, которая не обладает контролем над собственным разумом. Во время нашего разговора даже начал появляться маленький фрагмент доверия. Он был едва заметен, но, по крайней мере, это было уже что-то.

— Хорошо, — отвечаю я.

— Знаю, для тебя это нелегко. Просто помни, что даже самые чистые души хранят в себе тьму. Возможно, ее трудно заметить. Может быть, они усовершенствовали искусство скрывать ее от мира. Или может быть, она скрыта в темном уголке их разума. Но она там. Никто в этом мире не освобожден от шрамов.

Мои плечи расслабились. Я кивнула, и это казалось достаточно хорошим результатом для меня.

— Я лишь хочу, чтобы ты рассказала свою историю так, как это будет лучше для тебя.

Я делаю глубокий, очищающий вдох. Сказать, что я лишь начала свою историю, будет преуменьшением. Я еще даже не была близка к царапанию поверхности.

— Я сказала Лане, что, может быть, нам лучше остаться в моем доме. Что там она будет в безопасности...

ГЛАВА 11. НЕТ ЛЕГКОГО ВЫХОДА

— Нам нужно вытащить тебя отсюда, — прошептала я.

Несмотря на то, что в сарае были только мы с Ланой, я все еще была слишком напугана, чтобы говорить. Боялась, что ее отец услышит меня и вернется. Мне хотелось использовать то время, что у нас есть и покинуть это место как можно быстрее.

Но Лана не двигалась. Она уставилась на пол отсутствующим взглядом, прикасаясь

пальцами к красным отметинам на своей шее. Не думаю, что она понимала, что делает. Я нежно кладу руку ей на плечо, кивая головой в сторону открытых дверей:

— Ты слышишь меня? Нам нужно идти.

Лана резко отдернулась от моего прикосновения.

— Нет.

У меня отвисла челюсть.

— Ты же не серьезно?

Она поднялась на шатких ногах, стряхивая с них грязь и сено.

— Я не могу уйти, — пробормотала она.

Мне хотелось схватить ее за плечи, чтобы привлечь внимание, но она напоминала раненое животное, готовое убежать от меня в любую секунду.

Я действовала осторожно, сделав маленький шаг вперед.

— Знаю, ты напугана, но тебе нужно выбираться отсюда. Я помогу тебе. Куда ты хочешь пойти? Ты можешь пойти куда захочешь.

— Я хочу пойти в свою комнату и лечь спать.

— Ты не можешь пойти туда.

Она пронеслась мимо меня. Я в изумлении смотрела, как она начала убирать помещение. Веревки, которые висели на стене, спутанные, валялись на земле. Одна была близка к тому, чтобы соскользнуть вниз со стены, раскачиваясь взад и вперед, словно маятник. Седло упало в большое ведро с водой. Ведра, стоявшие у стены, были опрокинуты, а корм для лошади рассыпан по полу.

Лана принялась за работу. Она двигалась из одной стороны сарая в другую, ее шаги были проворными и уверенными. Когда она наклонилась, чтобы убрать ведро, я кинулась к ней.

— Остановись, — я хватаю ручку. — Лана, что ты делаешь?

Она выпрямила спину. Отпустила ручку этого ведра и пошла к следующему.

— Я не могу пойти лечь спать, зная, что сарай остался в таком состоянии.

Была ли я соучастником преступления, позволяя ей все здесь убрать? Именно так я себя чувствовала. Но, у меня не было опыта в подобного рода ситуациях. Казалось, у меня была повязка на глазах.

Я двигалась вперед, но очень медленно, надеясь, что какое бы направление я не выбрала — оно было правильным. Худшей частью всего этого было то, что, чем больше вещей она ставила на свое место, тем сильнее краска заливала ее щеки. Ее дыхание пришло в норму, а слезы перестали литься.

Мои внутренности скрутило. Я поняла, с непреодолимым чувством страха, что это заставляет ее чувствовать себя лучше. Уничтожение доказательств помогало ей прийти в себя.

Она не прекращала двигаться, пока не расставила все по своим местам. Затем она вытерла руки и осмотрела сарай.

— Я устала, — сообщила она.

Я сейчас сплю? Должна бы. То, что я испытываю, не могло происходить на самом деле. Я моргнула, но Лана все еще стояла прямо передо мной. Все тот же отсутствующий взгляд был на ее лице.

— Не ходи туда, — прошептала я.

Она выдержала мой пристальный взгляд и произнесла:

— Ты все еще собираешься остаться здесь, не так ли?

Я наклонила голову в сторону.

— У меня есть иной вариант?

— У тебя много вариантов.

— И не один из них не включает твой отъезд отсюда, — ответила я. — Я не могу отрицать то, что видела.

Она вышла из сарая, но не раньше, чем я услышала, как она сказала:

— Ради твоего же блага, я бы хотела, чтобы ты смогла.

Я была слишком потрясена, чтобы двигаться. Чтобы дышать. Чтобы говорить.

Технически, я должна была оставаться здесь до конца лета. Но, как я могла ступить на порог этого дома, зная, что произошло? И как я могла не уехать, зная, что моя подруга нуждается во мне? На секунду я закрыла глаза и поплелась позади Ланы. Наконец-то, мне удалось догнать ее, и мы вместе пошли к черному ходу. Она открыла дверь, и петли заскрипели. Клянусь, это было предупреждением остановиться прямо там.

Я колебалась. В течение многих лет этот дом был словно моим собственным. Я могла свободно приходить и уходить. Но сейчас это ощущалось неправильным.

Я вошла внутрь, приготовившись к тому, что отец Ланы выпрыгнет и нападет, но как и в большинстве домов в это время суток, здесь было абсолютно тихо. Единственным отличием было то, что эта тишина была жуткой. Холодильник гудел, и кондиционер раздувал холодный воздух через вытяжку. Я была близка к тому, что моя душа уйдет в пятки.

Никто из нас не сказал ни слова, пока мы спускались по лестнице в коридор. Рядом с лестницей находилась гостиная. Единственная лампа была включена. Комната была одним сплошным цветом: цветом слоновой кости. На каминной полке стояли семейные фотографии. На одной была изображена Лана, где ей было одиннадцать. Она смотрела прямо в камеру с легкой ухмылкой на лице. Это была ухмылка, которую я видела снова и снова. Я приписывала ее стеснительной личности Ланы. Но, сейчас я видела, что за этой маленькой ухмылкой скрывалась не ее застенчивость, а ее предусмотрительность. Страх.

Я пыталась осторожно подняться по ступенькам, но не важно, как усердно я старалась, ступеньки скрипели подо мной. Не могла сказать того же о Лане. Она двигалась так тихо, как будто шла по воздуху.

Комната ее родителей была в самом конце коридора. Дверь была закрыта. Всего в нескольких шагах находился ее отец. Мне следовало отвести глаза от двери как можно скорее, потому что, если я буду пристально смотреть на ее гладкую поверхность еще хотя бы секунду, то она бы превратилась в экран, на который проецировалось то, что сделал отец Ланы. Я зажмурила глаза и пошла в комнату подруги.

Закрыла за собой дверь, я не могла поверить, что действительно остаюсь здесь.

Лана включила лампу на тумбочке. Я скрестила руки и уставилась оценивающим взглядом на ее комнату, пытаюсь найти что-то, что бросилось бы в глаза. Что-то, что бы свидетельствовало о том, что что-то не так.

Но все было как обычно.

В углу стоял туалетный столик. Кремовое, в полный рост зеркало располагалось рядом со шкафом. Ее кровать была застелена легким стеганным светло-серым одеялом.

Сейчас, когда я смотрела на ее комнату другими глазами, я могла увидеть, что это не была спальня. Все было представлено так, что любой, кто приходил в их дом и видел ее комнату, думал, что Лана собрала воедино свою жизнь.

Она могла схватить свою зубную щетку и кошелек, и никто бы даже не подумал, что она жила здесь.

Я задумалась, сколько раз ей приходилось убирать свою комнату так же, как и сарай. Я страшилась этой мысли.

Лана обошла комнату вокруг, открывая и закрывая ящики. Она прижала к груди свою пижаму и тихо прошла в ванную, которая была соединена с ее комнатой, и закрыла за собой дверь. Спустя несколько секунд я услышала, как включился душ.

Я закрыла глаза и наклонила голову назад, опираясь о дверь.

Вслепую, я ищу замок на двери. Найти не могу.

Я наклонилась и осмотрела ручку двери.

Там не было замка.

— Сукин сын, — прошептала я.

Отошла. Обхватила себя руками под грудью. Я чувствовала, как скрутило живот. Стремление уехать было сильным, но я не могла оставить Лану.

Когда она вышла из ванной, за ней тянулся след пара. На ее пижамных штанах были розовые овечки. Она одела белую футболку, которая была на три размера больше. Лана выглядела слишком маленькой и хрупкой для того, что с ней произошло. Как она не рассыпалась на части?

Я закусила щеку, стараясь не плакать.

Лана убрала декоративные подушки со своей кровати, сбрасывая их в угол. Я отошла от двери. Провела пальцами вдоль ее компьютерного стола.

Она забралась в кровать и потянулась, чтобы выключить лампу, предварительно бросив взгляд на меня.

— Спокойной ночи.

И выключила свет. Зашелестела простынь, когда она устраивалась удобнее.

— Спокойной, — прошептала я.

Вот так она собиралась закончить ночь.

Никаких слез.

Никаких эмоций.

Ничего.

Я легла навзничь. Каждая мышца моего тела была напряжена. Я боялась расслабиться. Боялась пошевелиться. Или даже дышать. Поэтому смотрела, как надо мной на потолке медленно двигались лопасти вентилятора. Я старалась сосредоточиться на счастливых вещах. Хороших вещах. Лопасти вентилятора напомнили мне о колесе обозрения. Я представляла государственную ярмарку, и как из трех летних месяцев ярмарка выпадала на самый жаркий день. Я воображала жирную еду, вопли смеха и шум голосов.

Я сузила глаза, делая все возможное, чтобы удержать эту сцену. Но воспоминания о Лане и мне, когда нам было по тринадцать, всплыли у меня в голове. Мы стояли в очереди на колесо обозрения. Она уставилась вверх на аттракцион. Ученики зашевелились, очередь начала двигаться. Я убеждала ее двигаться вперед. Она обернулась и посмотрела на меня безумными глазами.

— Я не пойду туда.

Она вышла из очереди и встала в сторонке. Пришла моя очередь. Когда я достигла верхушки, то посмотрела вниз на нее. Она все еще стояла там одна с отсутствующим выражением лица.

— Какого это было? — спросила она, когда я вышла.

Это было никак. Я была занята тем, что не сводила с неё глаз, пытаюсь убедиться, что с ней все в порядке. Я пожала плечами и сказала ей, что это было неплохо. После этого мы перешли к другим аттракционам.

Но сейчас я поняла, что Лане не нужно контролировать свою жизнь. Ей просто нужно быть готовой ко всему, что встретится на ее пути. Я все еще могла слышать воду, капающую в ванной, и обычный скрип, исходящий от деревянного дома. Я очень старалась игнорировать шум. Мои глаза непреднамеренно возвращались назад к двери. Я быстро отводила взгляд, но мои пальцы сжимали простыни.

Дыхание Ланы начало выравниваться. Я повернулась и уставилась на ее затылок.

Действительно ли я знаю человека, которого называю лучшей подругой?

Раньше я так и думала.

Я знала, что она не умела танцевать. Любила фильмы, потому что через два часа, а порой и меньше, тебе был гарантирован счастливый конец. Знала, что небесно-голубой был ее любимым цветом, и что она любила рано просыпаться и смотреть на восход солнца. Знала, что она ненавидела дождливые дни.

Я думала, это были части ее истории. Но все обстояло не так. Они были простым знаком препинания — началом того, кем она действительно является.

— Лана, — прошептала я.

Я не рассчитывала на ее ответ. Мне просто нужно было на чем-то сконцентрироваться.

Спустя несколько минут тишины простыни зашелестели, и она сказала хриплым голосом, — Да?

Я знала, что она не хочет об этом говорить. Но в моей груди поселилась боль, такая глубокая и сильная. Она не исчезнет, пока я не поговорю с Ланой.

— Как долго это продолжается? — прошептала я.

Затем я услышала, как она сглотнула. — С тех пор, как мне исполнилось десять.

Ее слова отозвались эхом по всей комнате, забирая воздух вокруг меня, лишив меня возможности дышать.

— Кто-нибудь знает?

— Только моя мама. — Сказала она, ее слова были такими небрежными, словно мы трепались о том, что съели на ужин.

— И...и она ничего не сделала? — прошептала я.

— Это было бы позором для семьи, — прошептала в ответ Лана, — Так что она все замаяла и теперь притворяется, что ничего не происходит.

Я была настолько ошеломлена, что не могла говорить.

Когда вы смотрите на маму Ланы, то видите шпильки, жемчуг и помаду. Она всегда собрана. Она из эпохи Сьюзи Хоуммэйкер.

Я быстро поняла, что созданный ею образ был обманом. Эта пыль начала исчезать, и я увидела правду.

У меня не было слов. По крайней мере тех, который могли стереть то, что с ней произошло.

— Мне очень жаль, — сказала я, обрывочно.

Это были всего три простых слова. Но сказанные правильно, правдиво и с состраданием, они могли бы заново собрать душу воедино.

Приглушенный звук исходил от Ланы, напоминающий звук, исходящий от умирающего

животного, и это было мучительно. Слезы сразу же наполнили мои глаза, все передо мной поплыло.

Я не обнимала ее и не засыпала другими вопросами. Я просто легла рядом и позволила ей выплакаться.

Через несколько минут ее рыдания стали икотой, а затем — сопением. Она повернула лицо и уставилась в потолок вместе со мной.

— Я не вернусь в школу, — заявила она.

Я с грустью посмотрела на нее. Мне бы хотелось быть шокированной и спросить почему, но я не могла. Мое сердце ушло в пятки.

— Я не смогла ее осилить, — продолжила она. — Это была пытка. Я пыталась завести друзей, но понятия не имею, как это сделать. Не знаю, как перевести эти маленькие разговоры во что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее дружбу. Я пыталась учиться, но никогда не могла сосредоточиться. У меня были панические атаки во время занятий и довольно-таки скоро я вообще перестала на них ходить.

Лана смахнула слезы тыльной стороной руки.

— Я оставалась в школе, пытаюсь убедить себя, что каждый день будет лучше. Я закрывалась в квартире и ..., — ее голос надломился. — Было такое чувство, что я сходила с ума. Казалось, что у меня нет других вариантов. Я всю свою жизнь планировала уйти из этого дома. Пойти в колледж, где я наконец-то смогу начать новую жизнь. Но, осознание того, что у меня никогда это не получится, что я это не осилила ... убивает меня больше, чем что-либо еще.

Мой мозг достиг своего предела, переваривая все то, что она мне сообщила.

— Я думала тебе хорошо в школе. Я ... я разговаривала с тобой каждый день, и ты выглядела нормально.

— Я заставила тебя поверить, что все хорошо, — ответила Лана.

Я покачала головой, мои волосы зашелестели на подушке. Не знала, что сказать, или куда уйти отсюда.

Впервые в жизни я была в полной растерянности.

В конце концов, Лана медленно уснула.

Уже было раннее утро, когда я погрузилась в сон. Казалось, я могла не спать всю ночь, но птицы начали щебетать за окном. И как бы странно это не звучало, но их пение производило успокаивающий эффект. Было приятно осознавать, что кто-то живой уже проснулся.

И прямо сейчас ослепляющий свет опустился на мое лицо.

Я еле-еле открыла один глаз и тут же вздрогнула. Этим ослепительным светом было дурацкое солнце, которое лилось через окно.

Я была не в настроении для ясных небес и чего-либо, связанного со «счастливыми днями». Я хотела пойти домой, залечь на дно в своей комнате и перезимовать, пока случившееся не стало бы отдаленным воспоминанием.

Я хотела найти легкий выход из ситуации.

Сев, я размяла шею, а затем посмотрела вниз на свое тело. Думаю, что в течение этой ночи я успела переодеться в какую-то пижаму. Мои волосы были спутаны вокруг лица, а глаза все еще оставались заспанными. Мне не нужно было зеркало, чтобы понять — я

выглядела дерьмово.

Мой внешний вид был наименьшей моей проблемой.

Я посмотрела на Лану.

Она сидела на подоконнике. Блестящий свет, казалось, ее не беспокоил. Она думала о своем, а мне казалось, что если она достаточно долго будет нежиться на солнышке, то возможно, всего лишь возможно, вся темнота из ее жизни исчезнет.

Я откашлялась.

Она повернулась ко мне. Подарила одну из своих улыбок. — Доброе утро.

Я проворчала в ответ.

— Который час? — спросила я.

— Восемь.

Я протерла глаза. Я даже не знала, как могла сейчас соображать.

— Тебе нужно еще поспать.

— Нет, все хорошо. Мне пора встать.

Она скрестила руки, опуская ноги на ковер.

— Хочешь завтракать? — предложила она.

Я осторожно на нее посмотрела. — Нет, я не голодна.

— Уверена? Потому что я чувствую запах яиц и бекона, и знаю, как ты их любишь. Или мы можем съесть что-нибудь другое, — бессвязно говорит она. — Как на счет французского тоста? Ты любишь французский тост?

Она была не в своем уме, если думала, что я пойду вниз есть завтрак, где я с большой вероятностью увижу ее родителей.

— Лана.

— Да, — ответила она звонко.

До того, как я заснула этим утром, я все распланировала. Я собиралась поговорить с ней о ее уходе от отца, не важно, как сильно она была напугана. Но ее взгляд был отчаявшимся.

Я сглотнула и, одев фальшивую улыбку на лицо, произнесла:

— Давай полежим у бассейна.

— Звучит отлично, — ответила она.

Я могла притворяться несколько часов.

Может быть целый день.

Я сделаю это ради нее.

ГЛАВА 12. ВОЛНОВОЙ ЭФФЕКТ

Спустя час я перестала притворяться.

Я ходила на цыпочках вокруг дома, стараясь избегать ее родителей. Ее отец уже уехал на работу, а мама как раз выходила за дверь к тому моменту, как я спустилась вниз.

Все было хорошо... сейчас, но я же не могу избегать их все лето. Если я планирую остаться здесь, то должна понять, как обуздать свой гнев. Должна понять, как мне находиться рядом с отцом Ланы. Хотя, я даже не знаю, как это возможно.

Бассейн располагался в паре шагов от нас, вода в нем была чистая, словно небо. Аромат свежескошенной травы наполнял воздух. Работало радио. Играющая песня заставляет ногу Ланы отбивать ритм.

Мы лежим там, и солнце светит прямо на нас. Капли пота начинают формироваться в

изгибе моей шеи. Я была уверена, что, если вытяну руку перед собой, то она дрогнет на жаре, а затем начнет таять.

Я начинаю беспокоиться. Слишком много тишины между нами и слишком много мыслей в голове.

— Мы должны что-нибудь сделать, — предложила я.

— Мы и делаем, — устало ответила Лана.

— Нет. Я имею в виду что-нибудь веселое, например, отправиться в дорожное путешествие.

Я понимала, что Лану контролирует ее страх, но, может быть, если я превращу отъезд в веселые каникулы, то она согласится. Безусловно, это был тяжелый удар, но это единственное, о чем я могла думать прямо сейчас.

Она подставила щеку солнцу и посмотрела на меня. — Что?

— Да! — произнесла я с волнением. — Мы должны отправиться в Калифорнию вместо того, чтобы лежать у бассейна. Там у нас будет океан под рукой и песок под ногами!

Чем больше я думала об этом, тем больше смысла эта идея приобретала. Но Лана подстрелила мою идею в мгновение ока.

— Почему нет? Сейчас лето. Именно этим наши ровесники и занимаются летом.

Она мрачно смотрела на меня, ничего не отвечая. Мы с ней одного возраста. Это должно отражаться в наших глазах. Но ее глаза показывали, что она прожила жизнь, больше наполненную тьмой, нежели светом, слезами, нежели улыбками, жестокостью, нежели счастьем.

— Ты обещала, что не будешь поднимать эту тему.

Мои плечи напряглись. — Я и не поднимала.

Лана опустила свои солнечные очки. — Как долго мы знаем друг друга?

— Десять лет.

— Да. Десять лет. И эти десять лет я хранила этот секрет. Знаешь, почему? — Она наклонилась, не давая мне шанса ответить. — Потому что хотела защитить тебя.

Лана была той, кто нуждался в защите. Не я. Со мной все в порядке. Я устояла на ней, не в состоянии произнести ни слова.

— Наоми, — медленно произнесла она. — Я знаю, ты не сможешь смириться с этим. Ты сейчас едва с этим справляешься.

— А ты сможешь?

Лана пожала плечами. — Это все, что я знаю.

Она упорно принимала свою боль. Настолько, что это почти парализовало ее. Ее мысли, мечты и страхи были сотканы и созданы ее прошлым.

— Значит это все? — спросила я. — Ты просто собираешься жить с этой болью всю оставшуюся жизнь?

Лана поерзала на своем месте. — Мы можем перестать говорить об этом, пожалуйста?

Если я продолжу упорствовать, то она начнет убегать, и я сделаю только хуже.

— Да, — наконец, ответила я. — На данный момент.

Она улыбнулась мне и поправила полотенце. Прежде чем лечь, она посмотрела на меня, улыбка пропала с ее лица. — Ты сохранишь этот секрет, ведь так?

Я отвела взгляд.

— Наоми, — она мягко произнесла мое имя. — Никому не рассказывай.

Позднее тем же днем, Лана уснула в своей комнате. Я оставила ее и спустилась вниз. Я не успела еще устать, но через мое тело прошла масса адреналина. Рано или поздно, я сломаюсь. Не сейчас.

Я только закончила говорить с Максом. Скоро он будет здесь. Я видела его лишь несколько часов назад, но наше свидание и поцелуй ощущались так, словно это произошло несколько недель назад. Я была так сфокусирована на Лане, что у меня действительно не было даже возможности подумать о нем... или о нас.

Действительно ли я хочу провести с ним это лето? Когда я сказала «да», я именно это и имела в виду. Даже сейчас я этого хотела. Но ситуация с Ланой все изменила. Я не представляла, как они смогут сосуществовать в моей жизни, при этом не пересекаясь. Лана была моей лучшей подругой, даже больше, она была мне как сестра. Макс...безусловно, он занимал определённое место в моей жизни, причем довольно значимое. Я понимала это по тому, как мое сердце сжималось и екало, когда я думала о нем. И быть с ним означало, что рано или поздно он узнает о Лане. Это слишком большой секрет, чтобы его прятать.

Я села за компьютерный стол, открыв ноутбук Ланы, который сперла у нее, прежде чем выйти из комнаты. Кликнув на иконку интернета, я ждала, пока появится домашняя страница Гугла. Я грызла свой ноготь, нетерпеливо ожидая. Когда оно открылось, мое сердце забилося сильнее. Я чувствовала себя напуганной и нервной, задаваясь вопросом, зачем я это делаю.

Я ввела «Сенатор Штата Вирджиния» прежде, чем смогла отговорить себя от этого. Сразу же появилось имя отца Ланы, выделенное черным прямо под строкой поиска. Я нажала на этот вариант и начала ждать, пока загрузится страница. Я знала, что была в безопасности. Здесь никого не было, кроме Ланы, но я параноидально оглядывалась через плечо.

Высветились страницы сайтов. Веб-сайт кампании. Его личный сайт и страница в Википедии. У него есть даже чертова страница на Фэйсбуке.

Но я проигнорировала сайты. Сначала я кликнула на фото. Большинство из них — фотографии ее отца в разных ракурсах, разговаривающего с толпой перед кучей микрофонов. Была одна фотография, где он идет по улице Маклина вместе с неизвестным мне человеком. Ее отец указывал на что-то, находящееся на расстоянии, а неизвестный мужчина выглядел впечатленным.

С ним не было связано никаких провокаций. Его послужной список был идеально чистым.

Хотя, чего я ожидала, один клик в поисковике интернета, и у меня будут ответы на все мои вопросы? Мои навыки Нэнси Дрю были невероятно жалкими.

Я открыла отдельную страницу и ввела слово «изнасилование». Мой желудок начал сжиматься. Я не была идиоткой. Я знала смысл этого слова. Просто я не знала, как справиться с тем, что несло в себе это слово. Я была невежественна, а после того дня, я была опустошенной и более запутанной, чем когда-либо. Я оперлась подбородком на ладонь. Мои пальцы барабанили по нижней губе, пока я быстро прокручивала страницу вниз.

— На что ты смотришь?

Я обернулась, почти падая со стула. Моя спина болезненно ударилась об стол.

Макс стоял позади меня. Его руки были скрещены, брови сосредоточенно сведены, пока

он изучал экран.

— Ты до смерти напугал меня! — выдохнула я.

— Извини, — ответил Макс, помогая мне подняться. Не было похоже, что он извинялся. Его голос был напряженным и контролируемым. — Так на что ты смотришь?

— Как ты, черт побери, зашел?

— Я стучал в дверь. Никто не открыл.

— Поэтому ты просто зашел?

— Я знал, что ты здесь. Я видел твою машину на дорожке, — Макс нахмурился. — Я сказал тебе по телефону, что приеду сразу после встречи. Помнишь?

— Помню, — ответила я, хотя полностью об этом забыла.

Макс внимательно изучал меня, прежде чем сказать, — Я не думал, что прерываю нечто серьезное. — Он посмотрел через мое плечо на экран. — Очевидно, я ошибся.

Я потянулась за спину и захлопнула ноутбук. — Это ерунда.

— Ерунда?

— Да.

— То, что ты гуглила, не кажется ерундой.

Я выпрямилась и прошла мимо него. — Не знаю, что тебе сказать.

— Наоми, — произнес Макс позади меня. Его голос прорезал воздух, заставляя мои плечи напрячься.

Я сглотнула, смотря в потолок. Я обещала Лане не рассказывать. Макс стоит здесь, не сводя с меня глаз. И я знала, что он не уйдет, пока не узнает правду.

— Как прошел твой день? — с легкостью спросила я. Макс ничего не ответил, поэтому я продолжаю говорить, будто ничего не произошло. — У тебя был хороший день на работе? У меня все было хорошо, — произнесла я нервно. — Просто сидела у бассейна. Сейчас Л.....

— Наоми, — прервал меня он. Его голос стал тяжелым. — Скажи мне, что происходит.

Я облизнула губы и выдохнула. Мой рот открылся и закрылся. Из него ничего не вышло. Слова были на кончике моего языка, но лицо Ланы, когда она умоляла меня никому не рассказывать, пронеслось в моей голове. Я видела ее боль и унижение.

Макс скрестил руки и задумчиво посмотрел на меня. — Из-за того, что ты мне ничего не говоришь, я сделаю собственный вывод. Хорошо?

Я кивнула.

— Я видел, что ты гуглила. Оба раза. И, возможно, что я даже вчитался в то, что выдал поисковик. Может быть это ерунда. Или может....

Его голос затих, когда он увидел, как мрачно я смотрела на него. Мне хотелось сказать ему, что он сделал неверный вывод, но я не могла.

— Майкл? — его рот открылся, чтобы произнести что-то еще, но это не произошло. Я ждала, что он скажет что-нибудь еще, но он молчал.

Я кивнула. Это был единственный ответ на его открытый вопрос.

Он закрыл глаза. — Вот дерьмо, — прошептал он.

Тупая боль поселилась у меня в груди, пока я смотрела на него.

Он сделал шаг вперед, его руки были разведены по сторонам, готовые обнять меня, но я отошла в сторону. Не то, чтобы я не хотела, чтобы он обнял меня. Просто я очень сильно злилась на себя за то, что была такой беспечной и позволила ему узнать правду. Я предала Лану.

Лицо Макса пересекает боль. Мне хотелось сделать шаг вперед в его руки, чтобы просто

забрать его боль.

Он начал ходить по комнате, оперев руки на бедра. Его глаза были устремлены в пол. Его челюсть была сжата настолько крепко, что выглядела так, будто собиралась сломаться. Я не сказала ни слова.

Чем дальше мы стояли здесь, ничего не говоря, тем быстрее менялся Макс. Его брови нахмурились, формируя букву «V», а глаза стали ужасно холодными. Он начал злиться, и я прекрасно понимала это, но я не ожидала, что его злость достигнет такого уровня. Его гнев был таким мощным и таким сильным, что, отскакивая от него, окружал нас обоих.

Он опустил руки на кухонную стойку и на секунду сторбился, но затем быстро снова выпрямился. Он провел руками по своим волосам, сильно сжимая пряди.

— Дерьмо! — выдохнул он.

Я съежилась. Его голова дёрнулась в моем направлении. Он несколько раз моргнул и наклонил голову, смотря на меня. Такое ощущение, будто он забыл, что я была здесь.

Я ждала его вопросов. Потому что, уверена, они были. Я видела их в его глазах. Но он не произносил ни слова. Все, что он сделал, так это подошел ко мне. Мое тело начало трястись, когда он запустил свои пальцы в мои волосы. Моя голова упала ему на грудь. Слезы текли по щекам, когда я слушала сильный стук его сердца.

Мы молча стояли там, потерявшись в своих мыслях. Он пытался переварить то, что я сказала ему, и мне стало безумно страшно. Теперь, когда Макс все знал, что он будет делать с этой информацией?

Макс мягко отодвинулся. Он выглядел спокойным, но я видела гнев в его глазах.

Я наблюдала за тем, как он достал из кармана ключи от машины.

— Ты остаешься здесь, — произнес он тихо, после чего развернулся и ушел.

Все перешло от «плохо» к «хуже некуда» всего лишь за несколько секунд.

Я последовала за ним. — Куда ты направляешься? — спросила я, мой голос звучал оглушающе.

— Мне надо кое-что сделать.

Я чувствовала, как мое сердце опускается к желудку. — Остановись!

Макс схватился за ручку. Дверь открылась. Я вышла за ним и захлопнула дверь. Ничего не слышно, кроме нашего тяжелого дыхания.

— Я просто собираюсь поговорить с ним. — Он ударил ногой по двери.

Я была уверена, что ему хотелось бы ударить ногой по этому жесткому дубу, пока гнев не улетучится, и дверь не слетит с петель. Я бы на самом деле предпочла, чтоб он сделал именно это, вместо того, чтобы он просто ушел от меня прямо сейчас.

— Нет, ты не сделаешь этого.

Он закрыл глаза и засмеялся, но этот смех напомнил мне стон. — Почему ты не позволяешь мне сделать это?

— Потому что ты не можешь....

— Кто-то же должен что-нибудь сделать.

— Ты не должен быть втянут в это. — Он смотрел на меня немного шокировано. Я быстро бежала за ним. — Пожалуйста, подумай об этом, — умоляла я. — Ты собираешься уехать отсюда и сделать то, о чем потом будешь жалеть.

— Я могу пообещать, что не буду ни о чем жалеть.

— Сейчас ты себя не контролируешь, и ты сам прекрасно это понимаешь.

Макс отвел взгляд. Он знал, что я права.

Я прислонилась к стене. — Думаю..... — начала я медленно, — .... ты должен сделать глубокий вдох и просто подумать.

— Тебе страшно.

Он понятия не имел, как мне страшно. Я посмотрела сквозь него отсутствующим взглядом, и перед моими глазами встало изображение Ланы, прижимающей колени к груди и плачущей в сарае. Я кивнула.

— Да, страшно.

Его глаза были закрыты, и когда он их открыл, я увидела, что часть гнева исчезла. — Иди сюда.

Я оттолкнулась от стены. Он обнял меня своими руками и крепко держал в объятиях, целуя в макушку. Я закрыла глаза. — Я не хочу сегодня разговаривать с Майклом, — произнес он в мои волосы. — Но я *поговорю* с ним.

Это то, чего я и боялась.

Я вздохнула, прежде чем отстраниться. Часть его гнева испарилась, но в его глазах горела искра решимости. Сегодня, может, я его и остановила, но завтра будет совсем другая история.

— Ты пойдешь со мной завтра вечером...?

Он безучастно смотрел на меня, застигнутый врасплох моим вопросом.

— ... на вечеринку, — добавила я. — Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Я обещала родителям несколько месяцев назад.

— Пойду, — ответил Макс.

— Хорошо, — с облегчением произнесла я. Я прикусила нижнюю губу, зная, что должна была сказать ему остальное. — Но...он тоже будет там.

Весь гнев, что раньше был в его глазах, снова появился буквально за секунду. Мы оба знали, кем он был.

— Он идет? — спросил Макс.

— Да, — подтвердила я.

— И ты идешь, — сказал он мрачно.

Я киваю.

— Могу я попросить тебя ничего не...делать? — спросила я осторожно.

— Да, — выплюнул Макс. Его губы растянулись в гримасу, когда он произнес «да», словно это причиняет ему физическую боль.

— Не знаю, могу ли я верить тебе.

Я прекрасно понимала, что не могу вечно избегать отца Ланы. Это было неизбежно. Большая часть меня хотела его увидеть. Я жутко хотела посмотреть ему прямо в глаза и сказать, что знаю все, что он сделал. Другая же часть меня была в ужасе. Но Макс — это совсем другой вопрос.

— Ты заставляешь меня нервничать, — произнесла я.

— Расслабься, — ответил Макс, посылая мне улыбку, которая не коснулась его глаз. — Я буду чертовым бойскаутом. Ничего ему не скажу, — произнес он и ушел через дверь.

На этот раз я не пытаюсь остановить его.

Его рука сжала ручку, когда он посмотрел на меня. Наши глаза встретились. И, возможно, мои глаза выражали мою боль, заботу и страх, потому что он подошел ко мне и обхватил мое лицо своими руками. Я наклонила голову, чтобы посмотреть на него.

— Все будет в порядке, — прошептал он.

Я кивнула. Это все, что я могла тогда сделать.

Макс поцеловал меня в лоб и вышел за дверь.

Дверь закрылась с щелчком. Я упала напротив нее и закрыла глаза.

ГЛАВА 13. ЛЕСТНИЦА

Макс стоял, окруженный мужчинами. Один из них был невероятно пьяный, очень шумный и безумно раздражал. Он говорил, не переставая.

— ...И знаешь, что я сказал? Я сказал, что это глупо! — Рука пьяного мужчины твердо приземлилась на плечо Макса. — Мой биржевой брокер не поведет меня по ложному пути! У него острый глаз! Парень покупает акции, когда ситуация на рынке наиболее благоприятная! У него чуйка на такие вещи. И мой банковский счет благодарен ему за это! — Мужчина засмеялся, и до меня донеслось его дыхание, отдающее виски.

Я продолжала улыбаться окружающим, но сейчас мне хотелось отвернуться, соорудить через плечо гримасу и сделать глоток своего напитка. Это был мой третий бокал вина. Все мои переживания и страхи из-за того, что я увижу отца Ланы, начали ослабевать. Мы были здесь уже около часа и еще не видели родителей Ланы.

Эта вечеринка резко контрастировала с той, что организовал Макс. Она проводилась в бальном зале: на полотке висели хрустальные люстры, а под ногами у нас расположились полированные гранитные полы. Мужчины были одеты в смокинги с черными бабочками, а женщины — в платья от кутюр ярких тонов. Я не обратила внимания на напыщенное упоминание, прописанное в приглашении, и пришла в белом кашемировом топе с вырезом в виде «капли» спереди, в паре с приталенной длинной черной юбкой, которая доставала до пола.

Смех пьяного мужчины затих. Макс ловко отвязался от группы мужчин.

— Если вы, ребята, извините меня, то я намерен вернуться к этому прекрасному созданию... — он приобнял меня за бедро, — ...до того, как кто-нибудь украдет ее у меня.

Когда мы уходили, я наклонилась к нему и спросила:

— Ты настоящий?

Он подмигнул мне и сказал:

— Такой же реальный, каким и кажусь.

— Клянусь, все в этой комнате любят тебя.

— Они любят деньги, которые я могу для них сделать, — ответил он.

— Нет, думаю, ты заколдовал их. Я слышала, как все хвалят тебя. И женщины смотрят на меня так, словно я враг номер один и немедленно должна быть казнена.

Макс приподнял брови.

— Не веришь мне? Позволь показать, как бы выглядела твоя ночь, если бы меня здесь не было, — произнесла я.

Я отошла в сторону и снова пошла к Максиму. Он с удивлением смотрел на меня. Моя улыбка была коварной. Кто же сейчас Наоми? Я была в образе. Сейчас я была решительной женщиной на охоте. Я шла вперед уверенной походкой и якобы случайно врезалась в его плечо.

Прикрыв рот ладошкой, я взяла его под руку и произнесла:

— Мне так жаль, — я смотрела на него широко раскрытыми глазами. — Ох! Да я, кажется, Вас знаю. Так много о Вас слышала...

Он присоединился к моей игре. На его губах появилась манящая улыбка. Кровь ревела в

моих венах.

— И что же Вы слышали? — спросил Макс низким, сексуальным шепотом.

Я понизила голос и указала на него пальцем.

— Я слышала, что Вы — лучшее из того, что когда-либо происходило с Маклином, — еще одна хищная улыбка. — Слышала, что Вы можете перевернуть всю мою жизнь.

Он широко раскрыл глаза, выходя смущенным.

— Ты закончила?

Я выгнула бровь.

— О, я только начала...

Мы обменялись улыбками, и между нами образовалась невидимая нить, связавшая нас и притягивающая друг к другу. Мою кожу покалывало.

Макс посмотрел через мое плечо. Его глаза распахнулись. С губ сорвалось ругательство. Будет ли когда-нибудь положительная реакция?

Хотя мне и не хотелось, но я обернулась. Моя улыбка исчезла, когда я увидела родителей Ланы.

— Хочешь уйти? — произнес Макс мне на ухо.

Я осторожно прижалась к его телу.

— Нет-нет, давай останемся.

— Думаешь, это хорошая идея?

— Все в порядке, — заверила я его.

Макс удерживал мой взгляд. Он не верил мне. Даже я не верила себе. Я была ошеломлена, когда увидела, что ее отец уверенно заходит в комнату. Взгляд отца Ланы встретился с моим, словно он знал, что в данный момент я смотрела на него. Он удерживал мой взгляд дольше положенного. Моя кожа покрылась мурашками, пока он шел рука об руку со своей женой.

— Вот черт, — пробормотал Макс.

Ее родители встали перед нами. Мы все стояли, выстроившись, словно фигуры на шахматной доске, в ожидании того, кто же сделает следующий шаг.

Отец Ланы улыбнулся и протянул руку Максусу.

— Рад тебя видеть.

И затем ее отец посмотрел на меня.

— Наоми...

Я заставила себя с ним поздороваться. Он понятия не имел о том, что я знаю, и я напомнила себе об этом. На данный момент нужно, чтобы все осталось как есть. Поэтому я играла роль гостя, хорошо проводящего время. Улыбаясь этому, кивая тому. Хотя, признаюсь, это и было нелегко. Я так сильно сжала пальцы за спиной, что почти перекрыла циркуляцию крови.

Я представила параллельную вселенную, где я могла бы просто покинуть свое тело. Я бы двигалась сквозь толпу, и никто бы меня не замечал. Когда бы я оказалась на безопасной дистанции от отца Ланы, я бы наблюдала за тем, как он притворяется идеальным мужем. И в этой параллельной вселенной, я бы подняла руку. Выпрямила указательный палец. Большой подняла вверх. Вот мое оружие.

Я целюсь в его сердце из оникса.

Нажимаю на курок.

Бах!

Разве не было бы прекрасно, если бы, порой, картинки из нашего воображения становились бы реальностью?

Тогда отец Ланы исчез бы с лица Земли. Ее боль испарилась бы, и перед ней появилось бы новое начало. В конце концов, мы все жили бы счастливо.

Я продолжала представлять эту параллельную вселенную, пока Макс не посмотрел на меня.

Свист.

Хлопок.

Меня выкинуло обратно в реальность.

— Потанцуй со мной, — произнес Макс, и прежде чем я смогла ответить ему, он опустил руку мне на плечо, мягко направляя меня к танцполу.

— Я знаю, что ты делаешь, — прошептала я уголком губ.

— Тогда просто следуй со мной.

Он обнял меня за талию, притягивая все ближе, пока мы не оказались так близко друг к другу, что между нами не проскочил бы даже волосок. Я двигалась в такт музыке и улыбалась людям, находящимся вокруг нас, но мое сердце в этом не участвовало. Я чувствовала, что холодные глаза отца Ланы следуют за нами по комнате. Макс сжал мое бедро. Я подняла взгляд.

— Не позволяй ему разрушить сегодняшний вечер, — сказал он.

— В подобной ситуации его очень легко испортить.

— Где Наоми, которая была раньше? Та, в чьих глазах горела искра?

— Прячется, — пробормотала я. — Как и любой здравомыслящий человек.

Макс наклонился ко мне и тихо произнес, чтобы его слова услышала только я:

— Забей на него. Притворись, что его здесь нет.

Это было невозможно сделать. И именно в тот момент я услышала смех отца Ланы. Мои плечи напряглись. Внутри меня начал расти гнев. Песня закончилась. Пьяный мужчина вновь оказался около Макса, заводя новый разговор. Рука Макса обвилась вокруг моей талии. Пока они разговаривали, я оглянулась через плечо и сразу же увидела отца Ланы. У него в руке был бокал, из которого он делал маленькие глотки, пока другой гость разговаривал с ним. Но затем, договорив, гость похлопал отца Ланы по плечу и ушел. Ее отец остался один.

Это был мой шанс. Макс был отвлечен беседой, поэтому я могла попытаться улизнуть.

— Я скоро вернусь. Только схожу за напитком...

Макс кивнул, и я пошла в сторону бара, откуда направилась напрямиком к отцу Ланы. Его жена стояла спиной ко мне. Она разговаривала с группой женщин, драматически размахивая руками, рассказывая очередную историю.

Я прошла мимо нее и подошла поближе к отцу Ланы. Я видела лишь красный цвет. Мой гнев пересилил здравый смысл, и я пошла на убийство.

Я остановилась около него. Он развернулся, словно в замедленной съемке. Его губы изогнулись в улыбку, и чем дольше я там стояла, смотря в его глаза, тем злее становилась. Мне хотелось высказать ему так много. Меня переполняла неудовлетворенная ярость, из-за которой я даже не знала, с чего мне стоит начать.

Чем дольше я там стояла, ничего не говоря, тем быстрее таяла его улыбка. Я открыла рот, сделала глубокий вдох, готовая сказать отцу Ланы все, что думаю о нем. Мне хотелось, чтобы он узнал о том, что я все знаю. Что я все видела, и что никогда не позволю этому случиться вновь.

— Наоми, — Макс опустил руку мне на плечо, крадя мою единственную возможность все рассказать отцу Ланы. — Уже поздно. Нам нужно идти.

У меня перехватило горло. Легкие сжались. Макс потянул меня за руку. Я хотела оттолкнуть его. Хотела так много сказать, но не сказала. Казалось, будто я в нескольких секундах от обморока. Я ощущала себя так, словно мой гнев на отца Ланы был настолько мощным и уничтожающим, что мое тело не могло самостоятельно справиться с ним.

Макс плавно провел нас через толпу, попрощавшись по пути с несколькими гостями. Я же оставалась молчаливой все время, периодически оглядываясь через плечо. Отец Ланы смотрел на нас расчетливыми глазами. Какая-то идея назревала внутри его чокнутой головы. Я разгадала его план, и, признаюсь, что соврала бы, сказав, что не была немного напугана.

Хорошо, очень сильно напугана.

Когда мы вышли из помещения, я выдернула свою руку из цепкой хватки Макса. Он выдохнул через нос и не сделал ни одной попытки снова схватить меня за руку. По пути к его машине мы не произнесли ни слова. Забравшись внутрь, я захлопнула за собой дверь.

Он завел машину, и сразу заорало радио. Играла какая-то оптимистичная песня, которая была последним из того, что я хотела бы сейчас слышать. Макс мгновенно выключил радио, словно причитал мои мысли. Я смотрела в окно, наблюдая за силуэтами в окнах бального зала. Я была близко, очень-очень близко.

Макс повернулся на своем сидении. Я знала, он смотрит на меня и ждет, когда я заговорю. Но я могла ждать дольше, чем он. Могла ждать всю чертову ночь, если придется. Наконец, он сдался и выехал с парковки.

Внутри нас обоих горел неудовлетворенный гнев. Он кружился вокруг нас, делая воздух плотным и напряженным. Мы должны были что-нибудь сказать, что-нибудь такое, что смогло бы хоть немного разрядить обстановку. Но я не могла. Слишком много мыслей скакало в моей голове. Мой разум отказывался задерживаться на одной.

Взгляд Макса был сосредоточен на дороге. Он убрал одну руку с руля и нетерпеливым рывком ослабил узел галстука. Уличные фонари выстроились вдоль дороги. Косые желтые лучи освещали его лицо, позволяя мне увидеть мрачное выражение, застывшее на нем. Его хватка на руле усилилась.

Он первым нарушил молчание.

— Когда я увидел его, мне пришлось контролировать себя, чтобы не обхватить руками его шею и не придушить, — признался он, после чего посмотрел на меня. — Не думал, что мне придется беспокоиться о тебе.

Я смотрела прямо перед собой. Дорога, казалось, тянется бесконечно. Огни встречного автомобиля осветили наши лица на миллисекунду, прежде чем мы погрузились в темноту. Я посмотрела в окно, и не увидела ничего, кроме темноты.

До конца поездки никто из нас не произнес ни слова.

Он заехал на свою подъездную дорожку и припарковался. Двигатель замолк.

— Так вот, значит, как закончится сегодняшней вечер? — спросил он.

Мне не хотелось, чтобы все заканчивалось подобным образом. В подобное время люди расслаблялись и веселились. Но нам обоим было не до развлечений. Мы тикали, словно бомбы, находящиеся в паре секунд от взрыва. Мне нужно выбраться отсюда.

Я схватилась за ручку двери и бросила на Макса взгляд, прежде чем хлопнуть дверью. Мои каблуки стучали по земле. Сразу же хлопнула другая дверь, и я услышала позади себя шаги. Я поднялась по ступенькам крыльца.

Макс схватил меня за руку.

— Подожди.

Я остановилась. Он отпустил мою руку.

Я измеряла шагами крыльцо, просто слушая пение цикад, раздающееся издали. Наконец, я остановилась и уперлась ладонями в перила.

— Я просто не могу так, — произнесла я. — Я не могу спокойно находиться рядом с ним.

— Так и не находишь.

— В твоих устах все звучит так просто! — сказала я и обернулась. Мой гнев, наконец, вырвался наружу. Макс не сводил с меня глаз, в глубине которых я увидела, как сильно происходящее съедало его. — Скажи, как мне справиться с этим, — попросила я тихо.

Я скрестила руки, растирая кожу, покрытую мурашками. Макс молчал. Он внимательно смотрел на меня, поднимаясь по ступенькам.

— Я говорил с ним, — произнес он.

Я медленно выпрямилась. Прежде чем он заговорил, мое сердце, наконец, успокоилось, но теперь оно снова гроыхало, дико стуча.

— Что? — спросила я.

Он оперся на перила и скрестил руки, уставившись в пол.

— Сегодня он пришел в мой офис, и я сказал ему, что все знаю.

— Что? — казалось, это единственное слово, которое я могла произнести.

— Вчера я сказал тебе, что ничего не буду делать, — напомнил он мне. — И я не делал.

Мои ногти впились в кожу, пока я смотрела на него.

— Я начинаю сходить с ума из-за того, что знаю обо всем и ничего не могу с этим поделать. Поэтому я поговорил с ним, — объяснил Макс. — У него была назначена встреча со мной этим утром. Он говорил о сбережениях и деньгах, а я все это время представлял, как тянусь через стол, хватаю руками его за шею и душу его до смерти.

Я сглотнула. У меня были такие же мысли. Я не могла не признать этого.

— Что он сказал? — наконец, спросила я.

Он сжал губы.

— Он все отрицал.

— Лжец! — выкрикнула я.

— Думаешь, я этого не знаю?

— Он говорил что-то еще?

Макс не сводил с меня глаз. На его лице застыло загадочное выражение.

— Я должна знать, — медленно произнесла я.

— Он сказал, что ничего этого не было. Сказал, что никогда и пальцем не тронул свою дочь, — глаза Макса потемнели. — Он улыбнулся мне и сказал, что надеется, что это обвинение не повлияет на наши бизнес-отношения.

Мое сердце сжалось от его слов.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

Он откашлялся и отвел взгляд. Когда он снова посмотрел на меня, его глаза смягчились.

— Не хотел испортить твой вечер.

— Думаешь, он собирается что-нибудь с тобой сделать? — спросила я.

— Нет, — ответил он уверенно. — И я не хочу, чтобы ты беспокоилась о нем.

— Как я могу не беспокоиться?!

Макс оттолкнулся от перил и встал посередине крыльца.

— Я не хочу, чтобы он испортил нашу ночь. — Он пошел вперед. Я двинулась к нему навстречу. — Пожалуйста, игнорируй его.

Я вздохнула и резко кивнула.

— Нам было весело до того, как они приехали, верно? — ласково спросил он.

Глубокий тембр его голоса и пристальный взгляд его глаз заставили мой гнев испариться. Вместо него появился голод. Кровь бурлила под моей кожей. Мои руки начали дрожать от потребности, растущей внутри меня.

Он приподнял одну бровь и придвинулся ближе.

Мое тело напряглось от осознания физической близости. Медленное покалывание распространилось по моему телу, а дыхание стало судорожным и неровным.

Последним словом, которое вылетело из моего рта, было: — «Да».

Затем он сделал шаг вперед, схватил мое лицо, и поцеловал меня.

Не было мягкого прикосновения губ. Это был поцелуй, призванный похитить мое дыхание. Поцелуй, который украл мою судьбу всего лишь за несколько секунд.

Все вокруг нас окутало туманом. Звуки стали приглушенными. Мы были заперты в нашем собственном мире. Я не могла сбежать. Да я и не хотела.

Я приподнялась на носочках и обняла руками его за шею. Мои пальцы запутались в его волосах. Мы двинулись назад. Он прижал меня к двери. Его руки очерчивали изгибы моего тела, большие пальцы рук вжимались в плоть. Проскользнув руками вверх по моему телу, он пальцами схватил меня за шею, удерживая на месте. Его губы и руки работали одновременно.

Я наклонила голову на бок, открыла рот и почувствовала, как его язык двигается около моего.

Я стянула его пиджак, который упал к его ногам. Макс задрал мою юбку, пока она не собралась вокруг моей талии. Он поднял меня, и я инстинктивно обвила ногами его за талию.

Я расстегивала пуговицы его рубашки, когда он открыл входную дверь. Он протолкнул нас внутрь. Я крепко держалась за него, убеждаясь, что мои ноги не касаются пола.

Дверь за нами захлопнулась.

На одно мгновение я оторвала свое лицо от него. В его кабинете была включена лампа, которая бросала на нас мягкий, теплый свет. Мы тяжело дышали. Я дернула его галстук, сняла через голову и бросила на пол.

Ладонью я взяла его за челюсть, большим пальцем поглаживая нижнюю губу. Он не сводил с меня глаз. Голод, который я к нему испытывала, напоминал зависимость. Он контролировал меня. Он забрал силу и самообладание, которые, как я думала, были у меня, и контролировал каждое мое движение. Я прижалась губами к его открытому рту, все еще удерживая его подбородок пальцами. Я застигла его врасплох, и ему это понравилось. Я лизнула уголок его мягких губ, после чего впилась зубами в нижнюю губу.

Он простонал в ответ и пошел вперед. Я спустила его рубашку вниз по рукам. Мои руки были неистовыми. Прикасались к его плечам. Гладили спину. Мы врезались в стол. Я услышала, как разбилась ваза. Но это нас не остановило.

Он вел нас вверх по лестнице. Мы все еще были соединены, все еще повсюду прикасаясь друг к другу. Эта всепоглощающая потребность была захватывающей. Не было никаких оговорок. Никаких границ. Ничего не останавливало нас от того, чтобы трахнуть друг друга

прямо здесь.

Мои пальцы слепо потянули за пряжку его ремня. Она громко звякнула, когда я дернула ремень. Расстегнув молнию, я скользнула рукой внутрь его боксеров и коснулась его члена. Посреди лестницы Макс упал на колени.

Я сидела на ступеньке выше него. Несмотря на новое положение, я не могла удержаться от того, чтобы потянуться дальше в его штаны, и снова слегка прикоснулась к нему. Он тяжело задышал. Я обернула вокруг *него* руку. Мягкая кожа была такой теплой. Я увеличила давление и провела рукой от основания до кончика. На его лице появилось ошеломленное выражение.

Одной рукой он приобнял меня за талию, одновременно удерживая мою задницу и прижимая меня ближе к нему. Другая рука держала меня за бедро, постепенно проскальзывая под платье. Его ладони коснулись моих бедер. Кончики пальцев двинулись выше. Мое дыхание вырывалось неглубокими вздохами. Он посмотрел на меня. Воздух потрескивал вокруг нас. Макс пристально смотрел мне в глаза, пока медленно стаскивал мое нижнее белье вниз. Материал слегка касался моей кожи, спускаясь ниже колен, затем дальше вниз по ногам, пока не зацепился за каблуки.

Прохладный воздух коснулся моей кожи. Мне следовало прикрыться, но я не сделала этого. Потому что передо мной находился мужчина, который словно жил только ради того, чтобы делать для меня все, что угодно.

Я чувствовала себя могущественной, и мне не хотелось, чтобы это чувство уходило.

— Я хочу прикоснуться к тебе здесь. — Его пальцы потерли мой клитор.

Мои ноги дрогнули.

Он вытащил презерватив из бумажника и быстро надел его.

— Но еще больше я хочу оказаться в тебе, — его руки уперлись в ступеньку выше меня, и вдруг мы оказались на одном уровне. Мои бедра начали дрожать. — Поэтому я собираюсь трахнуть тебя. И я собираюсь наблюдать за твоим лицом, когда ты будешь кричать. — Его голос был таким спокойным и низким, что я могла бы кончить прямо здесь и прямо сейчас.

Пауза. Один взгляд в мои глаза. Секунда, чтобы собраться. Я обернула пальцы вокруг одной из лестничных перекладин.

Он придвинулся ближе и произнес напротив моих губ:

— И ты будешь кричать, любимая.

Затем, одним быстрым толчком, он полностью вошел в меня. Я закрыла глаза и ничего не видела, кроме ослепляющего белого света. Секс с Максом, как и его поцелуи, был быстрым и всепоглощающим. Сделай или умри. Сейчас или никогда.

Мы нашли ритм, который заставил меня закрыть глаза и стонать. Но я и хотела большего, поэтому я послушно приподняла бедра, встречая его толчки. Но на этот раз я вжалась пятками в его задницу, удерживая его так крепко во мне, как только могла. Я наблюдала, как Макс закрыл глаза. Его рот открылся. Но он не издал ни звука.

Его рука накрыла мою на перекладине. С каждым толчком его хватка усиливалась.

Он начал ускоряться. Каждый толчок был сильнее и мощнее, чем предыдущий.

Мои пальчики на ногах дрогнули. Я приподняла ноги еще выше. Туфли на шпильках упали с ног и скатились вниз по лестнице.

Мой оргазм был на подходе. Назревал внутри моего тела. Он был достаточно сильным, чтобы я выгнула спину и приподняла бедра. Ощущалось так, словно я поднималась выше и выше, пока, наконец, не стала парить. Я была невесомой. Бескостной. Ничто не удерживало

меня на земле.

Это было мое успокоение. Это было сногшибательно. Хотя я слишком быстро падала обратно на Землю.

Мои руки тяжело упали по бокам. Мое сердце было уже готово вырваться из груди.

Макс кончил сразу после меня. Я коснулась его спины, и его тело напряглось. Его грудь вздымалась. Кончики пальцев впились в мою кожу. Мышцы изогнулись. Он вздрогнул; болезненный стон вырвался из его горла.

Его движения замедлились, прежде чем он рухнул на меня, тяжело дыша.

Через секунду он поднял голову.

Никто из нас не произнес ни слова.

ГЛАВА 14. ВЫЙТИ ЗА РАМКИ

Я замолчала.

Воспоминания начали отдаляться. Я все еще стояла, но они медленно уходили. Все дальше, и дальше, и дальше. Становились маленьким пятнышком в моей памяти, после чего полностью исчезнуть.

Из меня вырывается дрожащий вздох, и я встречаю пристальный взгляд доктора Ратледж. Каждый раз, когда я рассказываю ей больше из своей истории — воспоминания поглощают меня. Возвращаться к действительности болезненно. Я хочу остаться в прошлом, где меня ждет Макс, и где Лана все еще со мной.

Доктор Ратледж смотрит на меня с пониманием, прежде чем опускает взгляд на часы.

— Уже 17:00. Мы продолжим завтра.

Спасибо, Господи. Я бы больше не выдержала. Мне нужно выбраться из ее офиса и убедиться, что все мои воспоминания о Лаклане, Максе и Лане на месте. Я представляла себя, закрывающей дверь, выбрасывающей ключ за спину, и убегающей как можно дальше.

Я встаю и иду к двери.

— Наоми?

Я вздрагиваю и поворачиваюсь. Не говорите мне, что это еще не все.

— Ты хорошо поработала сегодня, — мягко, с намеком на гордость, произносит доктор Ратледж.

Меня не должны согреть ее слова, но это так. Она слушает меня. Она дает мне шанс, что позволяет мне понять, что, возможно, не все доктора в «Фэйрфакс» полные кретины.

Мэри ждет меня в коридоре. Мы идем в столовую на ужин. Ни один из нас не произносит ни слова. Я пытаюсь оставить Макса и Лану в офисе доктора Ратледж, но это невозможно. Они повсюду следуют за мной.

Мне не спастись от них.

Мы останавливаемся перед столовой. — Я заберу тебя через 45 минут, — говорит Мэри, после чего уходит.

Я шестая в ближайшей двадцатке. Черт, здесь были все. За всем, что я делаю, здесь обязательно наблюдают. Поначалу это раздражало, но сейчас я привыкла.

Ирония этой комнаты была в планировке. Она была похожа на классический ресторан. Белые колонны, камин между французскими дверьми. Темно-синий ковер. Бледно-желтые стены, и, конечно же, две больших картины с цветами, висящие на стене. Я обязательно смотрю на них, хотя бы раз в течение всего приема пищи. Я расцениваю это, как свою

дневную художественную терапию.

Я хватаю свою еду, которая состоит из жидких макарон с сыром, щедрого совка зеленой фасоли и одного куска сухого, шоколадного пирога. Пластиковая посуда и вода.

Столы рассредоточены по всей комнате. Некоторые люди сидят вместе и разговаривают. Некоторые нет. Кто-то, вроде меня, сидит один. Единственной моей привычкой было то, что я сидела недалеко от Притворяющейся Мамочки. Она была за своим обычным столом, укачивая на руках свою малышку.

Я медленно жую, и наблюдаю за людьми. Рядом с Притворяющейся Мамочкой сидит Эмбер. Она перебирает свои макароны, просеивая лапшу, пока не находит ту, что соответствует ее требованиям. Наконец-то, она выбирает одну и сосет сыр. Она собирается осторожно вытереть лицо, но я вижу, как она выплевывает лапшу в салфетку.

Она повторяет процесс. Медсестра видит тоже, что и я. Она подходит к Эмбер и что-то тихо говорит ей на ухо.

Эмбер скрипит зубами, держа другую макаронину у рта и не сводя с нее глаз на протяжении нескольких секунд. И потом ее переключает.

— Я хочу вернуться в свою чертову комнату! — Она берет свой поднос и бросает его в стену.

Везде вспыхивает раздражение. Пациенты начинают вопить. Некоторые хихикать. Одни кричат и прячутся под столом. Притворяющаяся Мамочка качает у груди своего ребенка и напевает колыбельную.

Есть один парень, который сидит со мной за столом. Он невозмутим. Он откидывается назад на своем стуле и усмехается. Скорее всего, он приговорен к пожизненному. Это бы объяснило его счастье посреди всего этого хаоса.

Все, что я могу делать — это смотреть. Есть всего несколько вещей, к которым я никогда не привыкну.

Я оставляю свою еду и иду к медсестре, разговаривающей с Эмбер. — Я могу уйти? — спрашиваю я, перекрикивая шум.

Она бросает на меня раздраженный взгляд. Я уже могу сказать, что она собиралась отказать мне.

— Я не собираюсь убегать или буйствовать, — говорю я быстро. — Просто хочу пару минут покоя.

Она обводит меня взглядом с головы до ног. Должно быть, я прошла ее осмотр. Или, возможно, она устала от происходящего хаоса или же ее просто не беспокоило то, что я делаю. Так или иначе, она живо говорит «да» и поворачивается обратно к Эмбер.

Я пинком открываю дверь. Холодный воздух обрушивается на меня так мучительно больно, что я тяжело дышу. Но, когда дверь закрывается за мной, и шум изнутри затихает, я понимаю, что предпочту этот морозящий воздух любому дню, проведенному в той столовой.

Я иду сквозь снег, прокладывая дорогу к перилам лестницы. Передо мной тянутся островки с травой, покрытой снегом, и голыми деревьями, величественно стоящими при минусовой температуре. Знаете, если бы я захотела, то сбежала бы от всего этого. У меня будет тридцать минут, максимум час, когда никто даже не заметит, что меня нет. Я испугалась такой заманчивой мысли. Продолжала оглядываться через плечо, боясь, что кто-

то наблюдает за мной изнутри и может прочесть мои мысли.

Засовываю руки в карманы толстовки и иду к лестничному пролету. Сажусь на верхнюю ступеньку. Здесь я ближе всего к свободе. Балконные двери скрипят, открываясь позади меня. Я смотрю вперед, когда дверные замки защелкиваются.

— Наоми.

Только от одного его голоса я покрылась гусиной кожей. *Лаклан.*

Он садится рядом со мной и делает глубокий вдох. От этого в воздухе появляется как бы дымка тумана. Я пытаюсь схватить ее, пока она не исчезла, но я опоздала.

— Я искал тебя, — говорит он.

Я смотрю прямо перед собой. — Кто сказал тебе, где я?

Его плечо касается моего, но он не пытается передвинуться. Я закрываю глаза и просто растворяюсь в этом. Его теплоте, ощущении его рядом. Руки обхватывают нижнюю часть бедер. Я продолжаю пялиться на деревья.

— Никто, — отвечает он. — Когда я вошел в столовую, ты выходила и ... вот ты здесь.

— Вот я здесь, — произношу я, пробуя на вкус эти слова, пытаюсь понять их смысл.

Действительно ли я здесь? Конечно, в физическом смысле я здесь, но это ничего не значит. Моя душа, моя сущность — раздроблена. Макс, Лаклан и Лана удерживают по кусочку.

В конце концов, я смотрю на Лаклана. Хочу дотянуться до него и схватить ту часть себя, что он украл.

Стоит мне только посмотреть на него, как я хочу сказать, что испытываю к нему. Я так сильно его люблю. Моя любовь к нему так сильна, что меня можно считать почти выздоровевшей. Я это знаю. Но, моя любовь к Максиму так же глубока. Делает ли это меня ужасным человеком? Любить двух мужчин одновременно? Полагаю, да. Но я жажду их обоих больше, чем воздуха.

Если бы мне пришлось выбирать между ними прямо здесь и сейчас, то я бы не смогла этого сделать. Я не знаю, как жить без каждого из них.

Лаклан немного изменился. Я знаю, что это невозможно. Прошло не так уж и много времени с нашей последней встречи. Его волосы выглядят длиннее. Обычно он всегда чисто выбрит, но сейчас на его лице щетина. Его глаза выглядят утомленными и очень печальными. Я хочу спросить, из-за чего он не спит по ночам, но я почти уверена, что знаю ответ.

— Ты сказал мне, что не вернешься.

Чувства переполняли меня сейчас. Поэтому мои глаза наполнились слезами. Эмоциям же нужно искать какой-то выход. — Ты не можешь просто входить и уходить из моей жизни. Это убьет меня, — отрывисто говорю я.

Он проводит рукой по своим густым волосам. — Я даже не знаю, должен ли быть здесь прямо сейчас, — признается он. — Я просто чертовски сильно скучаю по тебе.

Я позволяю себе окунуться в его слова и незамедлительно чувствую скачок энергии, которого не чувствовала с тех пор, как видела его в последний раз.

— Я тоже скучаю по тебе, — шепчу я.

Острые карие глаза Лаклана сосредоточились на мне, выражая решимость. — Они позволяют вам выходить или что-то вроде этого. Ты же это знаешь, да?

Я не знала. — Откуда ты знаешь?

— Я спрашивал. Если бы ты могла уйти отсюда на выходные... ты бы хотела, чтобы я

тебя забрал?

Я хотела этого больше, чем свой следующий вздох. Обретаю дар речи и шепчу. — Я бы этого хотела.

— Хорошо. Так и будет, — говорит он с уверенностью.

У Лаклана оптимистичности было на нас двоих. Я действительно не верила, что они мне дадут уйти на выходные. Я начала верить, что никогда не выберусь отсюда.

Я отвожу взгляд. — Я всегда была сумасшедшей? — спрашиваю рассеянно.

— Не говори так о себе.

Я киваю головой в сторону здания. — Они думают, что я сумасшедшая. Продолжают пытаться диагностировать меня.

Я играю с тканью своих тренировочных штанов. — Даже мой новый доктор... Кажется, и она меня не может понять.

— Она тебе нравится?

— Лучше, чем мой предыдущий врач. Почему-то, я ей верю. — Я неловко пожимаю плечами.

— Это уже хорошо, — ответил Лаклан.

Я смотрю на него. — Я видела тебя несколько ночей назад.

Лаклан хмурится.

— Ты лежал со мной, — продолжаю я. Он резко вдыхает и сцепляет руки за шеей. Он зажмурил глаза, как будто ему было больно. — Сумасшествие, правда? Тебя там не было, но ты был. Клянусь, ты был. Говорил со мной. Рассказывал мне историю, помогая уснуть. Даже сейчас, я не могу сказать, сидишь ты здесь, или я представляю это себе.

Он встает и резко становится на колени на ступеньку ниже от меня. Его колени зарылись в холодный снег, но его, кажется, это не заботило.

— Прямо сейчас, я здесь.

Его руки оборачиваются вокруг моих коленей. Его пальцы мягко проводят по моей коже. Я остаюсь совершенно неподвижной и смотрю, как его руки путешествуют от моих коленей в сторону моих бедер, и дальше к талии. Он крепко держит меня, как если бы я могла сбежать в любую секунду.

— Однажды, ты выберешься отсюда, — он медленно произносит последние свои слова. — И все будет хорошо.

Я верю его словам, только потому, что это все, что у меня осталось. Опускаюсь ниже, сворачиваюсь вокруг него и прячу лицо у его шеи. Вдыхаю его аромат, как будто это последняя вещь, которую я в состоянии сделать.

— Скажи мне, с чем ты борешься, и я буду бороться с тобой, — шепчет он в мои волосы.

Я обняла его за шею, удерживая на месте. Болезненный стон вырывается из моего рта. Если бы я могла вытащить из себя хоть слово, то сказала бы Лаклану, что каждый день скучаю по нему. Что каждый день порознь, заставляет меня чувствовать, как жизнь медленно утекает из меня. Но, мне не нужно ничего говорить. Лаклан слышит правду без произносимых мною слов.

— Я знаю, — шепчет он. Он пододвигается ближе, и наши лица в дюйме друг от друга, наше дыхание соединяется воедино. — Я собираюсь забрать тебя отсюда.

Надежда почти полностью исчезла из моей души. Но сейчас я ее чувствую. Крепче держусь за нее. Кто знает, как долго продлится это чувство.

Он неохотно отодвигается. Его руки касаются моих щек, делая медленные круги. — Мне

нужно идти.

— Нет, — протестую я. Мои руки напрягаются вокруг его шеи. — Останься.

— Я не зарегистрировался в приемном отделении. Мэри найдет меня, и, ты знаешь, она не побоится выкинуть меня отсюда.

— Останься, — шепчу я напротив его губ.

— Я..., — он начал что-то говорить, но его слова растворились в воздухе.

Его губы двигаются напротив моих. Сначала медленно. Но потом поцелуй набирает обороты, и мы вдвоем почти становимся отчаянными. Мои пальцы накручивают его волосы. Он дышит через нос. Его тело ложится на мое, и ощущение его веса заставляет тепло растечься по всему телу.

Потом Лаклан резко отстраняется. Мы оба глубоко дышим. Его руки хватаются за перила. — Мне нужно идти, — я не знаю, говорит он это себе или мне. — Но я не собираюсь избегать тебя, понятно? Я люблю тебя, — говорит он отчаянно.

— Я тоже люблю тебя.

Он встает и поднимается по лестнице. Я слышу хруст снега под его ногами.

Закрываю лицо руками. Погружаюсь в свою память, и иду сквозь года, пока не нахожу то, что смягчает уход Лаклана.

Я нахожу воспоминание, которое заставляет мои губы расплыться в улыбке. Я нахожу воспоминание, которое поражает холод и чувство одиночества.

ГЛАВА 15. ДЕНЬ НАОМИ

8 лет назад

— Не могу поверить, что позволяю ребенку зажечь спичку.

Я сконцентрировалась на фейерверке. — Мне двенадцать лет, Лаклан. Я не ребенок.

Он фыркнул. — Просто поторопись, пока ты еще что-нибудь не подожгла.

И в этот момент я задуваю спичку в его руке и ухмыляюсь.

— Больше так не делай, — он роется внутри своего кармана и вытаскивает другую спичку. — У меня осталась пара штук.

Сегодня 19 июля. Мой день рождения. У меня ушло два года на то, чтобы у меня появился фейерверк. Я не могла перестать крутиться. Я была так взволнована. Потянулась и попыталась поймать светлячка в восьмой раз, но ничего не получилось. Лаклан вздохнул и за пару секунд поймал одного. Придав рукам чашевидную форму, со светлячком внутри, он передал его в мои ждущие ладони. Отдал его, как это бы сделал старший брат. Проворным жестом, говорящим: «Держи. Я сделал это для тебя, чтобы ты перестала пытаться».

— Откуда берется вся эта энергия? — спрашивает он.

— Я просто взволнована, видя все эти яркие краски! — улыбнулась я. — Думаю, это самый лучший подарок на день рождения, — призналась я.

— Как твоя семья отпраздновала твой знаменательный день?

— У нас были торт и подарки.

— И все? — Лаклан насупился. — Никакой вечеринки по случаю дня рождения? Никакой вечеринки с ночевкой? Разве девочки не занимаются всей этой ерундой?

— Не все девочки занимаются этой ерундой, — ответила я и сменила тему. — Теперь

мы можем поджечь фейерверк?

— Боже, ты нетерпелива, — дразнит он и вручает мне спичку.

Только с третьего раза мне удалось поджечь ее. Мои руки трясутся, когда я подношу пламя к запалу. Спустя пару секунд послышались шипящие звуки и посыпались искры. Мы отбежали подальше и вовремя повернулись, чтобы увидеть, как освещается небо.

За последующие пятнадцать минут мы подожгли так много фейерверков, как только смогли. Все это время я благоговела.

Хотела поджечь еще, но Лаклан сказал:

— Нет. Нам лучше остановиться до того, как мы попадем в передрагу.

Он убрал спички обратно в свой карман. — С днем рождения, ребенок, — сказал он прежде, чем повернуться и уйти.

— Эй, вернись! — закричала я.

— Ребеееееееннок, — протянул он. Но ко мне вернулся. — Что?

— Ты не можешь уйти.

Он посмотрел на свои часы. — У меня свидание через пятнадцать минут.

Год назад Лаклан получил водительское удостоверение. У его родителей был блестящий черный автомобиль, который ждал его во дворе. Он мог свободно уйти и прийти, когда бы ему ни вздумалось. Я это ненавидела.

И вот опять, он собирался уходить. Ярость вспыхнула внутри меня.

— С кем? — спросила я.

— С выпускницей.

Я скрестила руки. — С кем?

— Лаура Кляйн. Знаешь ее? Именно. Не думаю.

Я не знала Лауру Кляйн, но она уже мне не нравилась.

— Ну, ты не можешь уйти, — ответила я сухо.

Он нахмурился, но в его глазах появился озорной блеск. — Назови хотя бы одну причину, с чего это вдруг. Почему я не могу уйти?

— Мне больше не с кем праздновать день рождения, — воскликнула я. Это походило на хныканье.

— А как же Лана?

Лана была моей лучшей подругой. Ее отец работал с моим папой. Однажды, спустя неделю после моего десятого дня рождения, она приехала со своим отцом. Вместо того чтобы зайти внутрь, она сидела на ступеньках крыльца, уставившись в землю. Я села рядом и с радостью представилась. Она уставилась на меня со смесью шока и любопытства. Я говорила без умолку, а она сидела и слушала все время. К концу дня, она медленно начала оттаивать. Я чувствовала ее добрую душу и знала, что она будет моим другом.

Это было два года назад. С того времени мы стали лучшими подругами.

— Ее здесь нет, — ответила я.

— Ладно... У тебя больше нет друзей?

— Нет.

Он нахмурился. — Больше никого?

Я отвернулась. — Только ты.

— Тебе нужен кто-нибудь еще, кроме меня, ребенок.

— Или же у меня можете быть вы с Ланой. Так лучше, чем, если бы у меня было много друзей. Правда, это простая математика.

— Как ты это поняла?

— Моя бабушка всегда мне говорила, что предпочла бы четырех дорогостоящих друзей, сотне тех, которые не стоят и гроша.

— Тебе все еще недостает два четвертака.

— Нее, вас двоих предостаточно.

Лаклан усмехнулся. — Кто может с этим поспорить?

Он опять посмотрел на свои часы, потом на автомобиль на дороге и тяжело вздохнул. — У нас осталась еще одна ракета. Хочешь осветить небо?

Мои глаза расширились, и я с тревогой кивнула.

Мы опять становимся коленями на землю. Я расцарапывала комариный укус на ноге, пока Лаклан подготавливал последнюю ракету. Он зажег спичку. Когда она поднялась в небо, я вытянула шею и смотрела шоу. Он стоял рядом со мной. Он ни разу не вытащил телефон и не посмотрел на время. Нас обоих затянул великолепный показ. Этот фейерверк не был больше или ярче остальных. Но, чувствовалось, словно это было так.

— С днем рождения, — произнес Лаклан. — Загадай желание.

Я загадала, чтобы каждое 19 июля было таким. С яркими красками, улыбками и смехом.

Я загадала, чтобы Лаклан был со мной всю оставшуюся жизнь

ГЛАВА 16. ЧЕРНАЯ ДЫРА

Кто-то касается моего плеча.

Я резко вздыхаю и поворачиваюсь. Мэри стоит рядом со мной.

Я вернулась в «Фэйрфакс». Все еще снаружи. Снежинки цепляются за мои волосы, а мои руки напоминают сосульки. Краешком сознания я все еще там. Если я закрою глаза и хорошо сосредоточусь, то смогу услышать отдаленное эхо фейерверка, и крики «Ура» маленькой двенадцатилетней девочки.

— Ты готова идти? — спрашивает Мэри.

Я стою на дрожащих ногах. — Сколько времени я провела снаружи?

— Около часа. Ты была глубоко в своих мыслях.

Она даже не представляет.

Мы заходим в столовую. Все убрано. Только несколько пациентов тихо едят. Все выглядит так, как будто вспышки Эмбер никогда и не было.

Я все еще ошеломлена, когда мы возвращаемся в мою комнату. Люминесцентные лампы над нами окрашивают мою кожу в нездоровый желтый оттенок. Я вхожу в свою комнату. Лампы уже включены. Резко останавливаюсь и осматриваюсь.

Я только что вернулась из воспоминаний, таких невинных и замечательных. Моя реальность, живущая в «Фэйрфакс», была полной противоположностью. Я не хочу здесь находиться.

Повторяю свою ночную рутину: иду в ванную. Умываюсь. Меняю одежду. А когда заканчиваю, Мэри стоит в моей комнате, держа лекарство в одной руке и маленькую чашечку воды в другой. Только сегодня вечером я прохожу установленный порядок в оцепенении. Мой разум не хочет покидать Лаклана и двенадцатилетнюю Наоми.

— Поспи немного, — убеждает Мэри. Она выключает свет и закрывает дверь.

Не проходит и секунды, как я вижу отца Ланы в углу.

Он кипит гневом. Низко наклонился, готовый атаковать в любой момент. Мое сердце пропускает удар, но я не реагирую. Лекарства делают свою работу. Они делают меня равнодушной. Но визит Лаклана более действенный, чем что-либо другое.

И он, отец Ланы, знает это. Его голос становится громче. В любую другую ночь это бы меня испугало..., но не сегодня. Прямо сейчас все это проходит мимо меня, и все его порочные слова начинают исчезать, пока не становятся отдаленным эхом. Моя голова чувствует, как опускается на подушку. Я двигаюсь дальше, пока не опускаюсь на матрац. Это похоже на свободное падение, отталкиваясь, мимо пола и замороженной земли. Я продолжаю двигаться, наблюдая, как годы моего прошлого проходят мимо меня.

Я хочу еще одно воспоминание. Возможно, я жадная и прошу слишком многого, но я хочу увидеть Лаклана еще раз.

Мое тело перестает двигаться. Я закрываю глаза и засыпаю.

ГЛАВА 17. ЛУЧ НАДЕЖДЫ

6 лет назад...

«Лаклан. Рада тебя видеть. Неужели уже летние каникулы?»

— Нет, — простонала я и положила ладонь себе на лоб. — Я похожа на дуру.

Делаю глубокий вдох и пробую еще раз.

«О, привет, Лаклан. Как ты? Я совершенно забыла, что ты возвращаешься домой».

В течение часа я практиковала свою реакцию и те слова, которые я бы сказала Лаклану. Я лежала в домике на дереве, уставившись в ясное, темное небо. Здесь я могла свободно проговорить свои слова, не смущаясь.

Лана сказала, чтобы я попрактиковалась в том, что буду говорить Лаклану. Вчера, она сидела со мной в моей комнате, говоря мне, что делает это постоянно, ведь она всегда нервничала перед знакомством с кем-то новым. Она клялась, что это поможет. Но эта техника на меня не действовала. Я даже близко не подошла к тому, чтобы взять под контроль свой дрожащий голос.

Опять наступило это время. Лето. Когда Лаклан возвращается домой из колледжа и все в моей жизни возвращается на свои места.

Он уехал туда в прошлом году. Я помню ночь перед его отъездом, которую провела сидя в домике на дереве, зная, что все изменится. Прорыв. Он собирался перерастить меня. Конечно, он собирался. Какой 18-летний парень захотел бы продолжать общаться с 13-летней девчонкой?

Я сказала ему, что хотела бы поехать с ним. Он только вздохнул и, дернув меня за косу, сказал: — Ты не можешь, ребенок. Ты должна остаться здесь и повзрослеть, стать мудрее и умнее.

— Мне тринадцать, — ответила я. — Я уже старше, мудрее и умнее.

Он рассмеялся. — Ладно. Что ж, ты должна окончить школу. Тогда ты сможешь уехать куда захочешь.

— Не говори так.

— Если бы ты могла уехать куда угодно ... куда угодно в мире, то куда бы отправилась?

Так далеко я еще не заглядывала. Я мечтала о разных местах, но никогда не думала, что эти мечты когда-нибудь станут реальностью. — Я... я не знаю.

— Не знаю? Что значит, я не знаю? — он вытянул руки перед собой. — Будь предприимчива, ребенок! Когда ты туда доберешься, то сможешь делать все, что захочешь!

У Лаклана выходило все так просто. Легко. Словно пошаговый план.

— Буду, — пообещала я. — Ты же будешь все рассказывать мне о колледже, да?

Его руки опустились. Он ухмыльнулся так, как будто я сказала что-то смешное. Мне хотелось спросить, чего такого смешного я произнесла. Хотелось наклониться вперед и сказать: *«Скажи мне, что заставило тебя смеяться. Я хочу знать, в чем суть шутки»*.

Но я этого не сделала.

— Не все, но большую часть, — ответил он.

— Я буду скучать по тебе, — прошептала я.

Лаклан улыбнулся мне, прежде чем встать и уйти.

— Я буду тоже скучать, ребенок.

Я отвожу взгляд.

— Выше голову. Все еще будем видеться летом. Хорошо?

Он был моим счастьем. И мое счастье оставляло меня, уезжая на 2,100 миль, в поисках своего собственного счастья. Как я могла быть в порядке?

На следующий день он уехал, а мне нужно было понять, что делать с этой огромной зияющей дырой в моей жизни. Он будет поддерживать связь короткими, дружескими электронными письмами. Каждый раз, видя новое сообщение от него, мое сердце дико трепетало в груди, и я нажимала на сообщение, не ожидая много. Лаклан был моим источником жизни, и те сообщения поддерживали меня.

Я читала сообщения столько раз, что смогла их запомнить. Я читала их Лане, а она сидела на моей кровати, улыбаясь и качая головой мне так, как если бы я сошла с ума. Ее визиты в мой дом становились все чаще и чаще. Мы стали поддерживать связь, которая стала неразрушимой. Стали близки настолько, что могли затеять драку, как сестры, и пару секунд спустя перейти к другой теме, как если бы ничего не произошло.

И именно так я провела первый год его отсутствия. Но сейчас был август. Он был дома. Я не знаю, насколько он задержится, но единственное, что было важно — это то, что он был *здесь*.

Наконец-то.

Я сделала глубокий вдох и пыталась сосредоточиться на своих словах:

«Я буду занята этим летом, Лаклан. У меня не будет возможности часто видеться с тобой».

— Нет, нет, нет, — произношу я и потираю лицо руками. — Все неправильно. Он узнает, что я лгу.

Дерево громко скрипит, и пару секунд спустя я слышу:

— Ты разговариваешь с кем-то?

Я принимаю сидячее положение и наблюдаю, как Лаклан поднимается в домик на дереве. Мое смущение исчезает и, при виде него, на смену приходит счастье. Он так сильно вырос, что ему приходится пригнуться, чтобы не зацепить ветки, когда он подходит ко мне.

Каждый год я подмечаю что-то в нем. В десять, я думала, что он милый. Писала его имя на страницах. Снова и снова. Иногда наши имена были обведены в сердечки. Иногда было только его имя. В одиннадцать мне хотелось его поцеловать. Не знаю почему. У меня просто возникло желание прижаться своими губами к его голове. В двенадцать были его волосы. Они всегда выглядели неряшливо, и мне хотелось прикоснуться к ним, чтобы узнать, мягкие они или нет. В тринадцать я пыталась запомнить, как он улыбается. И сейчас, в четырнадцать, я замечала все в нем. Плечи. Руки. Кисти.

Все.

Я отбрасываю свои мысли. — Я просто ... говорю сама с собой.

— Звучит разумно.

Мои щеки стали краснее свеклы.

— Я уезжаю учиться, а ты сходишь с ума по мне? — дразнит Лаклан.

— Ха, ха.

Он садится напротив меня и вздыхает. — Не могу поверить, что ты все еще приходишь сюда.

Я похлопываю по деревянным доскам под собой. — Я же говорила, что буду им пользоваться.

— Да. Ты не лгала.

Мы сидели в полной тишине. Он смотрел на небо, а я смотрела на него. Его голова начала поворачиваться, и я отвела взгляд прежде, чем он меня подловил.

— Как провела лето? — спросил он.

Я пожалала плечами и напредила себе, что нужно отвечать небрежно. — Хорошо.

— Болталась с Ланой?

— Да.

— Я когда-нибудь с ней встречу?

— Конечно, — я прислоняюсь к перилам, устраиваясь поудобней. — Сразу же, как только ей хватит храбрости прийти сюда со мной.

— И это будет? — его вопрос повис в воздухе.

— Никогда, — отвечаю прямо.

— Это ее пугает?

— Это ее пугает, — подтвердила я.

— Ты рассказывала какие-то ужасные глупости обо мне? — спросил Лаклан, дразня.

— Только худшее, — отвечаю я, не пропуская удар. — Я рассказала ей обо всех тех разгах, когда я приходила сюда увидеться с тобой, а тебя здесь не было.

Я больше не могла сдерживать горечь.

Лаклан удивленно посмотрел на меня. Я тоже была потрясена собственной вспышкой.

— Ты уверена, что в порядке? — сказал он с беспокойством.

— Да.

Лаклан скосил глаза, когда наклонил голову в сторону.

— Что-то не так.

— Все в порядке, — поклялась я.

Лаклан не хотел оставлять эту тему. — Ты ведешь себя не как обычно, не веселая.

— Честно, — медленно произношу я. — Я в порядке.

Лаклан громко выдохнул и осмотрелся. Это было неловко.

Я была не в порядке, у меня не было все хорошо или замечательно. Я была ... ничем. Но, как я могла сказать такое Лаклану? Я едва могла себе признаться в этом. Лана говорит, что это все возраст. Она говорит, что все подростки проходят через это. Я спросила ее, а почему она через это не проходит, на что она пожалала плечами и спросила, что я чувствую. Я ответила, что минута — и я могу быть такой счастливой, чувствовать, что могу сделать все в этом мире и внезапно, непонятно как, я могу быть полностью сломлена. Тогда я становлюсь капризной и такой грустной, как будто не могу дышать. Она беспомощно уставилась на меня. Я спросила ее, чувствовала ли она себя так когда-нибудь. Она уставилась в пол и

сказала: «Я бываю грустной, но счастливой — никогда».

— Итааак..., — тянет Лаклан. Я быстро трясу головой, отгоняя воспоминания. — Есть новые истории, которые ты готова мне рассказать? Что-нибудь должно назреть у тебя в голове.

Улыбнулась с облегчением, когда он сменил тему. Новые истории были каждый день. Когда мое воображение дает себе волю, я сажусь за свой стол и пишу до тех пор, пока рука не начнет болеть.

— Я все еще пишу истории. Но не думаю, что это к чему-нибудь приведет.

— Ты позволишь прочитать мне одну из них?

Я покраснела. — Нет.

Я знала, о чем были мои истории. Любовные письма к Лаклану. В каждой истории именно он был музой для героя. Когда я писала, когда представляла, мое сердце готово было выпрыгнуть из груди из-за правдоподобности.

— Почему нет? — спрашивает он.

Я пожалала плечами и стерла грязь, которой были покрыты половицы. — Это просто истории.

— Просто истории, — повторяет он.

— Я бы рассказала тебе, — сказала я в порыве, — но ты, вероятно, слишком стар для них.

— Я? Стар? Вернись к реальности. Я никогда не буду слишком стар для твоих историй.

Мой пульс ускорился, стоило мне переиграть его слова. Надеюсь, он имел в виду то, что говорил. — Ты уверен? — спросила я. — Потому что ...

— Серьезно. Я хочу услышать хотя бы одну.

Я расслабилась, посмотрела вверх на бескрайнее небо и закрыла глаза. Снова, Лаклан увлекал меня в небольшой мир грез. Я могла жить там вечно. И кто смог бы винить меня? Воображение — это лучшее место, где можно быть.

Мои плечи расслабились, и все те комки нервов, казалось, исчезли, пока я говорила.

Я рассказала ему мою историю. Был конец света, и только несколько человек осталось на Земле. Но они были не одни. Была еще одна группа людей, которые называли себя Восьмерками. Они выглядели как люди, но на самом деле были монстрами, посланными уничтожить человечество. Эти пятеро, оставшиеся в живых, должны были объединиться, чтобы выжить.

Я рассказывала до тех пор, пока мой голос не погрубел, пока мой пульс не стал ускоренно биться от волнения. Пока история не была рассказана от начала до конца.

Лаклан присвистнул. — Хорошая.

Тревожась, я наклонилась ближе. — Ты так думаешь?

— Я думаю, что ты и сама знаешь, что она хорошая.

Я улыбнулась так широко, что мои щеки начали болеть. Я могла часами балдеть от его похвалы, но мне хотелось узнать, как он.

— Как у тебя дела?

Лаклан прислонился к деревянным перилам и скрестил руки. Я перевела взгляд на его руки. В сравнении с моими маленькими ручками, его длинные пальцы были крупными. Бабочки затрепетали у меня в животе. Я перевела взгляд на его лицо.

— Сейчас летние каникулы и мне не нужно учиться часами, так что у меня все действительно очень хорошо.

Я нахмурилась. — Тебе не нравится колледж?

— Мне нравится колледж.

— Звучит так, словно это не так.

— Мне нравится, — начал он медленно, — но есть вещи, которые мне нравятся *больше*.

Он бросил мне коварную улыбку.

Я была достаточно взрослой, чтобы понять, что он говорил о девушках, и это было хвастовством с его стороны. Появилось ощущение, словно кто-то ударил меня в грудь.

Я прикусила нижнюю губу и уставилась на теннисные туфли. Был один вопрос, который я ужасно хотела задать. Я нервничала, смотря на него.

— У тебя есть девушка?

Я была горда собой. Мой голос не дрогнул и мои щеки не покраснели... пока.

— Прямо сейчас? Нет. Но, у меня было несколько.

— Я помню... Лаура Кляйн, — я сгримасничала, изображая рвотные позывы.

Он ухмыльнулся. — С чего такое любопытство? Ты попала на всю эту парни-девушки подростковую чушь?

Я наклонила голову. — Подростковая чушь?

— Ну, знаешь ..., — он помахал руками в воздухе, — Держание за руки и прочая *ерунда*.

— Не знаю... Думаю, да.

— И кто парень?

«Я смотрю на него», — подумала я.

— Есть один парень, — ответила уклончиво.

— Ах... он парень. Не мальчик. Должно быть, старше... сколько, пятнадцать? — дразнит он.

Я сузила глаза. — Намного старше пятнадцати.

Он нахмурился. — Ребенок, любой, кто старше пятнадцати — слишком стар для тебя.

— Нет, вовсе нет.

— Вообще-то, да, — спорил он.

Я взяла листик, лежащий передо мной, и покрутила его. Он не знал, как было лучше для меня. Никто не знал, кроме меня.

— Могу я дать тебе совет?

Я подняла на него глаза и сказала неохотно. — Попробуй.

— Любой парень твоего возраста — придурок. Не доверяй им.

— А что насчет твоего возраста?

Он бросил мне ухмылку, которая заставила меня резко вздохнуть.

— Мы все еще придурки. Фактически, ты не можешь доверять никому из нас. И все эти глупости с поцелуями? — он покачал головой. — Тоже этого не делай.

Я сузила глаза. — И что же мне делать?

— Пиши письма или обменивайся рукопожатиями.

— Обмениваться рукопожатиями? — спросила я, скептически.

— Да. Это все, что тебе нужно.

Я нахмурилась и не произнесла ни слова. Не знала, чего хочу, но в одном была уверена. Его руку я пожимать не хотела. Я посмотрела на Лаклана и поймала его на том, что он уставился на меня. Его брови были сведены, и я была слишком напугана, чтобы спросить, о чем он думает, слишком боялась, что он даст мне еще один «совет от парня».

Я быстро проговорила. — Который час?

Он на секунду дольше задержал на мне взгляд и схватил телефон. — 2:15.

— Утра?

— Нет, обеда. У солнца не было желания просыпаться сегодня.

Я слегка пнула его ногой, встала и отряхнула сзади свои шорты от грязи. — Мне нужно идти домой.

Уходить не хотелось. Казалось, что Лаклан только что поднялся по лестнице, а наше время уже вышло.

— Долго ты пробудешь дома? — спросила я.

— Неделью. Потом я должен буду вернуться в колледж.

Я уставилась на половицы. Неделя и близко не стояла с тем временем, которое я хотела с ним провести. Но я буду брать то, что дают.

Лаклан встал. — Что-то не так?

— Ничего.

Лаклан выпрямился и подошел ко мне. Он похлопал меня по голове. Моя челюсть сжалась от этого братского жеста.

— Вся та чушь, что я говорил о парнях... ты же знаешь, что я просто присматриваю за тобой, да?

— Знаю, спасибо, — пробормотала я, после чего вынырнула из-под его руки.

Мне не хотелось, чтобы он меня предупреждал. Я не была его маленькой сестрой. И если я могла увидеть это, то почему он не мог?

— Я здесь на неделю, — крикнул он. Я остановилась. — И я привез для тебя пару фейерверков. Знаю, что пропустил твой день рождения, но подумал, что мы все равно можем их запустить.

Это звучало как задабривание.

Прежде чем спуститься по лестнице, я ему улыбнулась. — Звучит замечательно.

— Ты уверена, что в порядке? — спросил Лаклан.

Прежде чем запрыгнуть в седло, я оглянулась, чтобы увидеть его. Он наблюдал за мной с беспокойством, которое читалось на его лице. Всего мгновение я нежилась в лучах этой заботы. Даже несмотря на то, что его не было так долго, фактически ничего не изменилось. Он все еще находился там ради меня. И я молилась Богу, чтобы он был там всегда. И чтобы ни время, ни возраст, ни опыт не смогли этого изменить.

— Я в порядке, — произнесла я и поехала обратно домой.

И я была... по крайней мере, сейчас.

Я просыпаюсь, задыхаясь.

Мои руки крепко сжимают простыни. Струйка пота стекает вниз по позвоночнику, а сердце бешено бьется.

У меня заняло всего минуту, чтобы понять, где я нахожусь и что вообще происходит, после чего я закрываю лицо руками. Мне хотелось бы вернуться в свои воспоминания и жить там, где все было просто.

Сделав глубокий, успокаивающий вздох, я подняла голову и осмотрелась. Я ожидала увидеть его, склонившимся в углу, смущая меня, хихикая и крича ругательства мне в лицо. Но, там не было никого, кто бы смотрел на меня с ненавистью.

Была только я. Одна.

Я обняла себя за талию, повернула голову и смотрела, как медленно поднимается солнце.

Все это время я думала о Лаклане.

ГЛАВА 18. ГРАНЬ

— Как ты, Наоми?

Я не свожу глаз с доктора Ратледж на протяжении всего времени, пока сажусь. — Я в порядке.

— Тебе хорошо спалось?

— Полагаю, да.

— Превосходно. — Она делает глоток кофе, после чего берет ручку со стола. — Может, начнем тогда. Не хочешь рассказать мне....

— Скучала по мне? — шепчет Макс.

Внезапно он оказывается рядом со мной. Мое сердце делает сальто в груди.

Его присутствие настолько мощное, что способно приостановить реальность. Я подаюсь головой вперед, но мои глаза направлены туда, откуда раздается звук его голоса. Я впитываю черты его лица. Изгиб его темных бровей. Его ярко-карие глаза. Кривую линию губ. Мои пальцы хватаются за подлокотники кресла, чтобы я не смогла протянуть руку и прикоснуться к нему. Господи, как же сильно я скучала.

Его руки ложатся на подлокотники всего лишь в нескольких дюймах от моих. Несколько секунд спустя я ощущаю прикосновение его крепкой груди к своим плечам. Это так волнительно. Пряди его волос прикасаются к моей скуле, когда он наклоняется так близко, что я могу почувствовать запах его лосьона после бритья. Его губы касаются моего уха, и я вздрагиваю.

— Продолжай говорить с ней, ведь это твой единственный шанс выбраться отсюда.

Я откашливаюсь и смотрю на доктора Ратледж. Её губы двигаются, но я не слышу ее. Я слышу только Макса.

Я понимаю, что сказанное им — правда. Доктор Ратледж мой единственный билет отсюда. И, когда я выберусь, то смогу помочь Макс и Лане, и тогда все станет гораздо лучше. Не идеально, но уж точно лучше.

— Я скучал по тебе, — шепчет Макс мне на ухо. Его голос, словно острые когти, сжимает мое сердце в тиски. Каждое слово, произнесенное им, сбивает мое дыхание. И хотя мое лицо все еще устремлено вперед, я вижу, как его губы изгибаются в невероятно сексуальной улыбке. — Мне нужно, чтобы ты вернулась.

И затем, он исчезает. Его запах. Его голос. Его присутствие. Все исчезает. Я склоняю голову, в ожидании приступа невероятного отчаяния, от которого захочется громко кричать.

Он был со мной. Всего лишь минуту Макс был со мной, но это оказалось еще хуже, нежели не видеть его вовсе.

Когда я перевожу взгляд на доктора Ратледж, то вижу, как она уставилась на меня с немного растерянным выражением лица. Она не понимает. Только что произошло нечто такое, что сделает мой сегодняшний день. А может, и целую неделю.

— Ты слышишь меня? — спрашивает она.

Я качаю головой. — Простите....что?

— Я спросила, можем ли мы начать с того момента, на котором закончили прошлый сеанс?

Я киваю. — Да.... — отвечаю медленно. — Звучит здорово.

Слова начинают слетать с моих губ, и все это время голос Макса эхом раздается в моей голове.

«Продолжай говорить с ней, ведь это твой единственный шанс выбраться отсюда».

ГЛАВА 19. ПЛАН

— Я отказался работать с ним.

Стекло с моей стороны было приопущено, позволяя теплему ветру развивать волосы вокруг моего лица. Я не стала убирать пряди с лица. Вместо этого я просто наслаждалась моментами свободы. Моментами, в которых у меня не было никаких забот. Но был Макс, который и вырвал меня из этого умиротворения.

Я повернулась на сиденье и изумленно уставилась на него. — Что?

Макс переключил передачу, не сводя глаз с дороги. Сегодня он был одет в пару простых джинсов и темно-синюю футболку. Солнце прокралось сквозь открытый люк, чтобы прикоснуться к его предплечью.

Это был жаркий летний день. Один из таких, когда хочется просто откинуться назад, закрыть глаза и ничего не делать. Просто мечтать. Мы ехали вниз по извилистой проселочной дороге, которую не окружало ничего, кроме зеленой травы. У нас не было места назначения; мы просто ехали вперед, пытаюсь сбежать из Маклина.

Прошла уже неделя с тех пор, как я узнала правду о Лане. Мне хотелось бы сказать, что все начало меняться в лучшую сторону, но на самом деле ничего не изменилось.

Отец Ланы все еще был на свободе. Лана продолжала жить в доме, принадлежавшем ее семье. Там же жила и я. Я не покину этот дом, пока она не уйдет оттуда. Я умоляла ее уйти, но все было тщетно. Она всегда говорила одно и то же: говорила, что ничего не произошло. Конечно, в настоящий момент он оставил Лану в покое, но надолго ли? Где точка отсчета? Я не знала, как скоро это произойдет, но чувствовала, что этот момент подкрадывается к нам обоим все ближе и ближе.

Встречи с отцом Ланы были неизбежны. Я думала, что он скажет мне что-нибудь после вечеринки, но он этого не сделал. Вместо этого он просто начал с настороженностью посматривать на меня. Иногда, когда он улыбался, мне казалось, что он знал, как сильно мне хотелось ему все высказать, но я не могла. Когда же сталкивалась с ним лицом к лицу, я всегда реагировала одинаково. Мою грудь начинало сдавливать, и я испытывала приступ паники, которая превращала меня в парализованную. И только тогда мне удавалось снова начинать спокойно дышать, когда он покидал комнату или дом.

А иногда, ему даже не нужно было находиться рядом, чтобы я начала чувствовать себя подобным образом. Я могла находиться с Ланой где-то на публике, смеясь над тем, что она мне говорит, или же просто прогуливаться вниз по улице, когда на меня накидывалась невыносимая боль. Она начиналась в районе моих бедер и расплзалась по всему телу, словно ветви деревьев.

Были времена, когда я внезапно просыпалась посреди ночи и сидела на кровати, задыхаясь и отчаянно осматривая комнату. Я чувствовала себя дезориентированной, словно на какое-то время я потеряла сознание и вместе с ним несколько часов из своей жизни. Но

реальность всегда догоняла меня, напоминая, что вся моя жизнь представляет собой клубок беспорядка, медленно распутывающийся у меня на глазах.

То, что происходило со мной, до смерти пугало меня. Я могла списать это на панические атаки, но я понимала, что вскоре мне должно стать лучше; в противном случае, не знаю, насколько еще меня хватит.

Когда я была не с Ланой, я была с Максом. Я восприняла его просьбу о том, чтобы провести с ним все лето, всерьез. Я проводила с ним почти каждый день, но никогда не оставалась на ночь. И это начало сеять раздор между нами.

Он просто не мог понять, почему я так охотно остаюсь с Ланой, зная, что ее отец живет с нами под одной крышей.

Больше всего на свете мне хотелось остаться с ним. Я хотела просыпаться утром, чувствуя близость его тела. Я хотела иметь возможность наклониться и поцеловать его. Мне хотелось, чтоб он ответил на мой поцелуй, перекатился, вжимая меня в матрас и держа так крепко, что все мои проблемы тут же улетучились бы.

— Я сказал, что отказался работать с ним, — повторил Макс.

Мои ресницы дрогнули. Я выпрямилась на сиденье. — Когда?

— Вчера.

Я сглотнула и проигнорировала чувство страха, приближающееся ко мне.

— И что он сделал?

Макс поерзал на сиденье. Инстинктивно его руки сжались на руле. — Моя секретарша сидела прямо за дверью, поэтому он сделал то, что всегда делает перед аудиторией. Он сохранил спокойствие и просто ушел.

Я кивнула. В этом есть смысл. Отец Ланы был очень умным человеком. Он не будет закипать от ярости и устраивать сцен. Он сделал бы это только за закрытыми дверями, одновременно готовя план мести.

Я взглянула на Макса с тревогой. — Ты же не думаешь, что он собирается что-нибудь предпринять, не так ли?

— Нет, — посмотрел на меня Макс. — Думаешь, он способен?

Я побарабанила пальцами по панели. — Мне кажется, мы все пытаемся выйти победителями из этой проигрышной игры.

— Не думай так об этом, Наоми. Это не игра. Существует различие между черным и белым. Правильным и неправильным. И это не игра. Он испоганил чужую жизнь и ему это не сойдет с рук.

Злость проникла в его слова. Я понимала, что сейчас он с трудом держит себя в руках.

— Знаю, — сказала я мягко. — Но не все так просто. Если б все было так легко, он бы давно уже сидел за решеткой.

— Я обещаю тебе, это не сойдет ему с рук, — уверенно сказал Макс.

Я выглянула в окно. Мне не хотелось больше говорить об отце Ланы. Основной причиной этой поездки было желание снять стресс и перестать думать о проблемах.

— Я тут подумала кое о чем, — осторожно начала я.

— И о чем же?

— Давай уберемся подальше от всего этого... дерьма. — Я пожала плечами под его взглядом. — Может в Вашингтон[2]?

Макс отпустил газ и остановился на обочине, поставил машину на ручник и повернулся, чтобы посмотреть на меня. Я повернулась на своем сидении. Моя голень коснулась его

бедра. Я не отодвинулась. Даже тогда, когда момент не был сексуально заряженным, мое тело искало его. Он был утешением для меня. Думаю, он всегда будет заставлять меня чувствовать себя подобным образом.

Я поделилась с ним своей идеей о том, чтобы убедить Лану переехать в Вашингтон.

Несколько дней назад совершенно неожиданно мне пришла в голову идея о том, что нам с Ланой нужно найти компромисс. Она не может бросить колледж, не хочет держаться подальше от всего того, что она знала на протяжении стольких лет. Но что, если я скажу ей, что она может уйти, но по-прежнему быть рядом со своим родным городом? Что, если она будет окружена местом, которое она знала всю свою жизнь, и в то же время она будет в безопасности?

Мой план все еще оставался расплывчатым, но он уже начал принимать свою конечную форму. С течением времени, он наполнялся все большим и большим смыслом.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спросил Макс.

— Это лучшая идея, — сказала я уверенно. — И это единственная идея, имеющая смысл.

Он кивнул и перевел взгляд на дорогу. Знаю, он согласился с моим планом, но все еще обдумывал все возможные варианты, пытаюсь сразу продумать все, что могло пойти не так. — Когда начинать искать квартиру?

— Как можно быстрее.

— Как долго ты думала об этом?

— Не очень долго, — я взглянула на него сквозь уголки своих глаз.

Он снял свои солнцезащитные очки. Его глаза смотрели прямо сквозь меня.

— Я думала об этом несколько дней, — сказала я.

Он приподнял брови. — И все?

— Что еще ты хочешь, чтобы я сказала?

— Я считаю, что если бы ты обдумала это дольше и тщательнее, то твой план выстроился бы в лаконичную линию, а не состоял бы из обрывков и кусков. Подумай об этом тщательнее, обдумай все возможные варианты и выбери наиболее правильный.

— Думаешь, я не достаточно тщательно все продумала? Всю последнюю неделю я думала только об этом. Тщательно прощупывая все возможные варианты... — я посмотрела в сторону. — Другого варианта нет.

— Эй, — произнес мягко Макс. Он наклонил мой подбородок, чтобы я взглянула на него. — Ты же знаешь, что я среди тех, кто хочет, чтобы это сработало, верно?

— Да, — прошептала я.

Он удерживал мой пристальный взгляд. — Сделай это, а я буду рядом с тобой все это время, — сказал он, его голос был твердым и уверенным.

Это дало мне небольшой прилив уверенности. Я благодарно улыбнулась и поцеловала его.

— Спасибо, — произнесла я.

Он опять вернулся на дорогу.

Первое препятствие было преодолено. Единственное, что оставалось сделать, так это убедить Лану.

ГЛАВА 20. В ПОИСКАХ

— Как вы, наверное, уже заметили, у него есть патио[3], с которого открывается

удивительный вид на город, — сказала риелтор.

Мне потребовалась целая неделя, чтобы уговорить Лану снять квартиру и переехать. Я сразу же договорилась о встрече с риелтором, чтобы посмотреть несколько вариантов. Лана пыталась отменить эту встречу, придумывая различные отговорки.

Но на этот раз все было не так просто. Макс присутствовал при этой встрече. Он ушел с работы пораньше, чтобы посмотреть квартиру вместе с нами. Он все еще был одет в свою «рабочую» одежду: черные брюки, рубашку с воротником-поло и длинным рукавом. Галстук его был слегка ослаблен, а рукава рубашки были закатаны до локтей. Он осмотрел помещение критическим взглядом. Его брови были приподняты. Челюсть сжата. Мое сердце затрепетало и остановилось, создавая свой собственный новый ритм, пока я наблюдала за ним. Не его внешний вид, заставил мое сердце биться иначе, а его забота. Его желание убедиться в том, что Лана в безопасности. Это был огромный плюс. Мне нужно было приложить усилие, чтобы не схватить его за руку и не притянуть его ближе к себе.

Лана осмотрела пустую гостиную. Ее глаза цеплялись за все. Я видела, что она представляет себе, как украсит это место, если оно будет принадлежать ей. И не было никаких причин, объяснявших, почему эта квартира не может принадлежать ей.

Здесь уютно. Две ваннe комнаты, маленькая кухня с новой техникой и кухонным островком. Довольно большая гостиная. Оливкового оттенка стены и паркетные полы.

Но самой важной вещью для Ланы было местоположение этой квартиры.

Местоположение, местоположение и еще раз местоположение. Она нуждалась в безопасности и чувстве защищенности. И эта квартира отвечала всем этим требованиям.

— Что вы думаете? — спросила Макса риелтор. Риелтору не понадобилось много времени, чтобы понять, что именно он будет тем, кто примет конечное решение.

Но Макс не ответил. Он посмотрел на Лану, ожидая ее ответа.

Она провела пальцем по стене. — Могу я немного подумать?

Я нахмурилась и отошла от стены. Что она делает? Мне хотелось что-нибудь сказать, но я не стала этого делать.

Риелтор вежливо улыбнулась и произнесла «конечно», после чего покинул квартиру.

Макс с нескрываемым нетерпением посмотрел на Лану и последовал за риелтором. Мне хотелось помочь Лане, хотелось сказать Максy, что для нее прийти сегодня сюда — уже дорогого стоит. На самом деле, я была ошеломлена тем, что заставила ее прийти сюда.

Когда я подняла эту тему, она сказала мне, чтобы я сама выбрала квартиру, но я продолжала настаивать на своем. Я сказала ей, что она должна увидеть квартиру своими собственными глазами. Это не та ситуация, в которой я должна решать за нее. Это должен быть ее выбор. Ее решение. Я заметила небольшой проблеск оптимизма в ее глазах. Я знала, что она представляет себе, какого будет пустить корни здесь. Подальше от родителей и темного прошлого.

Я сказала ей, что позабочусь о том, чтобы всегда быть рядом с ней. Сказала, что Макс тоже будет рядом с нами. И эти слова заставили ее сомневаться.

— Все-таки с ним? — спросила она.

Я нахмурилась. — Да. Почему ты спрашиваешь об этом?

Она никогда не отвечала мне на подобные вопросы, но я видела застывший ответ в ее глазах: Лаклан.

Мы не говорили о нем в течение уже нескольких недель, но он все еще парил вокруг меня, следуя за мной повсюду, куда бы я не пошла. Я изо всех сил пыталась сделать вид,

будто его не существует, но в последнее время становилось все труднее и труднее его игнорировать.

Это была уже четвертая квартира, которую мы сегодня посмотрели. И всегда Лана находила что-то такое, что ее не устраивало. В первой квартире был плохой замок на входной двери. В доме, где располагалась вторая квартира, ужасно воняло в подъезде. Третья квартира находилась в опасном районе.

Она пыталась найти недостатки и в этой квартире. Я видела, как ее мозг судорожно пытался что-нибудь придумать.

Она вышла на балкон и стала наслаждаться открывавшимся видом. Я последовала за ней. Мы были окружены высотными зданиями. Через улицу находился небольшой парк, который придавал этой части города семейную атмосферу. Улицы были пусты. Этот район определенно был безопасным и тихим.

Другими словами, это было идеальное место для Ланы.

— Тебе нравится здесь? — спрашиваю я.

— Да.

Я развела руками перед собой. — Тогда это все может стать твоим!

Лана фыркнула. — Ага. Верно. А они принимают деньги из «Монополии» в качестве оплаты? — устало спросила она.

— Арендная плата не очень большая.

Лана посмотрела на меня.

— Хорошо, — вытянула я. — Плата довольно большая, но Макс обещал помогать.

— Нет. Этого не будет, — решительно произнесла Лана. — Неужели у меня на лбу не написано, что я нуждаюсь в чей бы то ни было благотворительности?

Я скрестила руки и прислонилась к перилам. Я отлично приспособилась к той роли, которую знала лучше всего: роли подруги, которая всегда поддержит несмотря ни на что. — Ты не нуждаешься в благотворительности, — сказала я. — Ты сможешь расплатиться с ним потом.

— Я предпочла бы лучше взять кредит.

— Тогда возьми! — сказала я с тревогой. — Делай то, что заставит тебя чувствовать себя комфортно. — Я сделала паузу и внимательно посмотрела на нее. — Что подсказывает тебе интуиция?

Она прикусила губу, устремив взгляд на улицу, пролегающую под нами. — Что это место идеально.

— Тогда послушай уже свою интуицию, которая, к слову, абсолютно права! — улыбнулась я.

— Я даже не знаю с чего начать и что делать.

— Ты можешь устроиться на работу, — предложила я. — Я помогу тебе с поиском вариантов. Или же ты можешь снова вернуться в колледж. Ты можешь постепенно начать все сначала. Посетить пару занятий и, если все пойдет хорошо, продолжить учиться.

Я увидела надежду в ее глазах. Ей хотелось верить, что каждое сказанное мною слово — правда.

Я посмотрела на детей, качающихся на качелях. Их нескрываемые радостные визги были слышны даже здесь. Лана тоже взглянула на них, но со свойственным ей в последнее время печальным, задумчивым выражением лица.

— Это может стать реальностью, ты же знаешь, — тихо произнесла я.

— Знаю. Этого-то я и боюсь. Что если я все испорчу?

Я нахмурилась.

Она громко вздохнула и отвела взгляд. — Я хотела сказать, что в настоящий момент со мной все в порядке. Но что произойдет ночью, когда я останусь совсем одна? Все, кого я знаю, очень далеко. — Она наклонилась вперед. — Я не знаю, что такое свобода.

Я сплотнула и посмотрела ей прямо в глаза. — Я сделаю все возможное, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке, — поклялась я. — Лана, ты сильнее, чем думаешь.

Ее губы дрогнули.

— Ничто не встанет на нашем пути, — сказала я.

Она взглянула на меня. Сомнение читалось на ее лице.

— Ничто, — медленно повторила я.

Входная дверь открылась. Мы с Ланой обернулись и увидели, как Макс зашел внутрь. Его руки находились в карманах брюк. Он приподнял брови, пока смотрел на нас. — Итак?

Я послала ей быстрый взгляд, который призывал ее сказать ему правду. Я понимала, что ей очень хотелось сделать шаг вперед, но она была ужасно напугана. Ее руки дрожали, пока она обводила взглядом парк, и я осознала, какую жизнь она себе тут представила.

«Скажи «да», скажи «да», скажи «да»», — программировала ее я в своей голове.

Она, наконец, посмотрела на меня и кивнула, после чего повернулась к Максиму.

— Она идеальна.

Я с облегчением вздохнула.

Его губы растянулись в разрушительной улыбке. — Правда?

— Правда, — ответила она.

Риелтор медленно вошла в комнату и улыбнулась. Она понимала, что продала эту квартиру. — Итак, что Вы думаете? — спросила она Макса.

Макс постучал по стене, а затем повернулся к риелтору, улыбаясь своей очаровательной улыбкой. — Где подписывать?

Риелтор покраснела и подошла к своему портфелю. Думаю, если он еще раз ей так улыбнется, то Лана получит несколько бесплатных месяцев аренды.

Пока они обсуждали детали договора и назначали дату, когда им удобнее будет его подписать, я подошла к Лане, крича «Ура!» и победоносно поднимая руки.

Надежда, которая еще совсем недавно была еле заметна в ее глазах, начала распространяться, заставляя их сиять.

Я перестала беспокоиться и просто наслаждалась моментом.

Все начинает меняться к лучшему.

ГЛАВА 21. ТИК,ТАК

Сегодня Лана переехала в свою новую квартиру.

Это было очень волнительное событие для меня. И для Ланы, волнение которой пересиливал страх. Она не сказала родителям, что переезжает. Она боялась, что они смогут заставить ее передумать. Еще больше она боялась того, что если ее родители увидят, как она собирает свои вещи, то они ее остановят. Мы поедем домой вместе, но упаковывать все вещи буду я. У меня уже все было распланировано. Я поеду к ней домой, пока ее отец будет на работе, а мать — в городе, делая покупки или сплетничая за обедом с подругами.

У меня в багажнике лежало несколько коробок, а также я захватила с собой мешки для

мусора на случай, если коробки закончатся.

Я подъехала к дому ее родителей. Шесть окон на втором этаже. Четыре — на первом. И все они по бокам были украшены черными ставнями. Двойные входные двери были большими и внушительными, цвета эспрессо с коваными деталями и матовым стеклом. Вокруг дома росли деревья и кустарники, которые были аккуратно подстрижены. Вдоль тротуара цвели красные, оранжевые и желтые цветы.

Нарисовалась картина идеального дома. Одного из таких, проезжая мимо которых ночами и видя желтые огни окон, ты думаешь: «Держу пари, у этой семьи есть все. Абсолютно все».

Я выбралась из машины. Пока я направилась открывать багажник, Лана вылезла из машины и села на ступеньках крыльца. Она сидела точно также, когда я встретила ее в первый раз. Это было десять лет назад, когда мы с ней были еще маленьким девочками. Маленькими девочками с совершенно разными характерами.

— Хэй, — сказала я, схватив кучу коробок. — Готова?

Она посмотрела на меня. — Честно, не очень.

Я шла по тротуару по направлению к ней, когда заметила, какой бледной она была. Увидела капли пота, сформировавшиеся на ее лбе.

— Тогда сиди здесь, — сказала я, улыбаясь. — Вернусь, как можно скорее.

— Хорошо, — тихо произнесла она.

Я вошла внутрь, держа в руках коробки, и поспешила вверх по лестнице. Было тихо. Лишь напольные часы отбивали ритм, сопровождая мои тихие шаги. Были только я и родители Ланы. Их фотографии весели в рамках на стенах. У них были очень мрачные лица, и возможно, это просто паранойя, но клянусь, их глаза следили за мной, пока я шла по коридору.

Волосы на руках у меня встали дыбом, когда я вошла в комнату Ланы. Я быстро приступила к работе. Сгрэбла в коробки всю одежду из шкафов. Упаковала книги и ее дневник, который лежал на тумбочке. На столе стоял ноутбук. Его я тоже прихватила с собой. Вместе с зарядными устройствами для него и сотового телефона. Я быстро просмотрела все ящики стола, проверяя, не оставила ли я чего-нибудь важного. Я не стала брать фотографии и памятные предметы. Я только взяла личные вещи Ланы. Вещи, которые хранили в себе хорошие воспоминания. И они заняли целых три коробки.

Я осмотрела ее комнату. Проходящий мимо не заметит, что она собрала вещи и уехала. Но стоит только сделать шаг в комнату, как все сразу станет понятно.

Спускаясь вниз по лестнице вместе с коробками, я задумалась о том, кто же первым из родителей заметит, что Лана уехала.

— Готово, — объявила я.

Лана все еще сидела на ступеньках. Она подпрыгнула, услышав звук моего голоса. — Ты быстро.

— Ну, что я могу сказать. Я высокоскоростной упаковщик.

Мы загрузили коробки. Я закрыла багажник и посмотрела на нее.

Лана оглянулась на дом, выглядя несчастной. Я не могла представить себе, о чем она думала, да и если честно, то и не хотела. То, что произошло в этом доме, должно остаться в нем, взаперти. Никогда больше не повторяясь снова.

Я потеряла брелок от ключей. — Готова?

— Всего лишь пять шагов отделяют меня от свободы.

Ключи ударились о костяшки пальцев. Брови сошлись на переносице. — Что?

— Лестница. Ступеньки расшатались за последние шесть лет, из-за чего я до сих пор иногда поскользываюсь на них, когда поднимаюсь по лестнице. — Лана ступала по траве, словно была в трансе. Встав напротив окна своей спальни, она указала на него пальцем. — На подоконнике, в самом углу, я вырезала свои инициалы...

— Лана....

— Это все, что я знала в своей жизни, и я оставляю это позади.

Я подошла к ней и устремила свой взгляд на окно спальни. — Ты права. Ты оставляешь все это позади.

Я могла почувствовать на себе ее взгляд.

— Но у тебя еще столько всего удивительного впереди. Жизнь, которая позволит тебе принимать свои собственные решения. Нет ничего лучше этого.

Она продолжала смотреть в окно. Я отчетливо видела нерешительность, поселившуюся в ее глазах. Она сражалась сама с собой.

— Ты уверена, что хочешь уйти?

— Да, — она сделала пару шагов назад. — Уверена, — твердо сказала она.

Мы покинули ее дом несколько минут спустя. Чем сильнее мы отдалялись от дома ее родителей, тем спокойнее ей становилось. Легкая улыбка появилась на ее лице.

— Что ты собираешь делать с мебелью?

Она пожала плечами. — Не знаю. Может посмотреть ее в комиссионке? У меня сейчас туговато с деньгами.

— Комиссионка — это отличный вариант, — сказала я.

Она ничего не ответила. Просто смотрела на бесконечный ряд проносящихся мимо нас домов.

— Неужели я сошла с ума, раз решилась на подобное? — спросила она тихо.

Мои пальцы вжались в руль. — Нисколечко.

— Порой я начинаю бояться того, что все происходящее сейчас, в конце концов, укусит меня за задницу, — призналась она.

— Этого не произойдет. Все, что происходит сейчас — это шаг в правильном направлении.

Кажется, это мой ответ на все, что говорит Лана. Я повторила эти слова уже столько раз, что даже сбилась со счета.

— Мой отец попробует вернуть меня домой.

— Лана..... — я осторожно подбирала слова.

Её телефон прервал меня. Я посмотрела на экран вместе с ней.

Звонил ее отец.

Я знала, что есть только одна причина, по которой он может звонить ей прямо сейчас. Думаю, он был первым, кто узнал, что она исчезла.

Я оставалась совершенно спокойной, стараясь не сводить глаз с дороги, но они то и дело возвращались к Лане. Её палец завис на несколько секунд над кнопкой «ответить», прежде чем она все-таки нажала «игнорировать».

Это может показаться пустяком для большинства людей, но для Ланы это было весомое событие.

— Кто это был? — безразлично спросила я.

Она бросила телефон в сумку и закрыла молнию. — Никто.

Мне хотелось отпраздновать этот момент. Я быстро свернула налево.
— Что ты делаешь? — спросила она. — Нам же нужно ехать прямо.
Я усмехнулась. — Мы, подруга, едем за мебелью.

ГЛАВА 22. РЕВОЛЮЦИЯ

— Останься, — шепотом произнес Макс.

Я вздрогнула. Мои глаза были закрыты. Моя голова сильнее вжалась в подушку. Запах Макса окружил меня, из-за чего сказать «нет» стало в два раза труднее.

— Не могу, — произнесла я тихо. — Мне нужно...

Мне нужно что-нибудь сделать. Я просто не знала, чем именно это «что-нибудь» будет. Все, что было важно в моей жизни, казалось, исчезало, когда я находилась в руках Макса.

Его голова была приопущена, пока его губы путешествовали по моей шее. Его волосы щекотали мою кожу, заставляя меня дрожать. В ту минуту, как мы зашли в его дом, мы ринулись друг к другу, безумно поглощенные жаждой прикосновений.

— Мне, правда, нужно идти, — раздраженно простонала я.

Он поднял взгляд. Губы Макса перестали двигаться. Они были влажными и слегка раскрытыми. Мне ни хотелось ничего, кроме как остаться сейчас здесь, рядом с ним, запутаться руками в его волосах и прикоснуться своими губами к его губам.

Макс перекатился и лег на спину, уставившись в потолок. Он тяжело дышал, его пресс поднимался с каждым вдохом.

Я выпрыгнула из кровати до того, как смогу передумать, развернуться и запрыгнуть на него сверху.

Макс перекатился на бок. — Зачем тебе уходить?

— Мне просто нужно идти, — рассеяно ответила я.

Я обошла комнату в поисках своих туфель. Фрагменты нашей одежды валялись по всему полу. Пиджак Макса. Мой кардиган притаился в углу.

— Все в порядке.

Лана переехала в новую квартиру неделю назад. И хотя я испытывала огромное облегчение от того, что ей удалось выбраться из-под каблука отца, я просто не могла бросить ее. Я повсюду водила ее вместе с собой.

Я продолжала оставаться с ней. Я слышала, как она плакала, когда не могла уснуть, или как кричала что-то во сне. Я спросила, все ли у нее в порядке. Она никогда мне не отвечала, даже несмотря на то, что я знала о том, что она меня слышит.

— Все в порядке. Точно?

Я нашла одну туфлю у двери. — Да...но...

— Но что? — спросил Макс.

Я посмотрела на Макса. Другая туфля была практически под кроватью. Я надела обе и подошла к нему.

Макс сел, соскользнув на край кровати. Руками он упирался о кровать. Рубашка до сих пор была расстегнута. Он раздвинул ноги, и я встала между ними, не сводя с его глаз.

— Просто все...сложно, — аккуратно сказала я.

Макс посмотрел на меня. — Насколько сложно?

— Довольно сложно.

Я была щедрой. Были дни, когда мне казалось, что все будет в порядке. Но потом

наступали такие моменты, когда я ощущала, что вместе с Ланой попала в ад. Казалось, будто мир рушится вокруг нее, а заодно и вокруг меня. Отстойная жизнь, лишившая энергии и украшая счастье.

А на следующий день все будет в порядке. Лана начнет заново, снова построит свое счастье. И все, что я могу делать сейчас, так это наблюдать.

Макс обнял меня за бедра. Я застыла на месте. — Просто останься, — произнес Макс. — Останься здесь. Я заберу все эти переживания на несколько часов.

Его глаза были прикрыты, правая половина его губ приподнята в полуулыбке, которая должна была быть невинной. Но она такой совсем не была. Моя оборона мгновенно рассыпалась.

Одним рывком, я оказалась на нем. Руками Макс крепко удерживал меня возле своего теплого тела. Его поцелуй намеренно был медленным и предназначенным для того, чтобы свести меня с ума, чтобы уговорить меня провести с ним ночь. Он делал это медленно. Легкие облизывания, чтобы заставить меня стонать. Мой рот открылся. Мое тело еще больше расслабилось рядом с ним. Он посасывал мою нижнюю губу и мягко тянул за нее зубами. Я едва заметила укус. Особенно тогда, когда его руки двигались вверх и вниз по моим бедрам.

Я задыхалась у его рта.

Его пальцы нашли молнию моего платья и медленно потянули ее вниз.

Платье разошлось в стороны, позволяя его рукам скользнуть внутрь. Пальцы гладили мою спину. Я с голодом посасывала его язык. Я получала удовольствие от его рук, и мне захотелось почувствовать каждую частичку его тела. Это была безумная нужда, которая заставляла меня дрожать.

Его прикосновения всегда, казалось, уносили меня в другое место, где мои переживания и страхи распускались и ускользали из моего тела.

Я оттолкнулась от него и сняла свое платье.

Он не сводил с меня глаз.

— Ты прекрасна, — прорычал он.

В тот момент, именно это я и ощущала. Он сделал это для меня. Он заставил меня почувствовать себя красивой, уверенной в себе и невероятно властной.

Макс стянул свою рубашку. Она упала рядом с моим платьем. Мои руки двинулись вниз по его животу, обводя рельефные мышцы.

Капельки пота начали появляться у него на лбу по мере того, как я прикасалась к нему.

Наконец, я дошла до его штанов и немного поиграла с пуговицей.

Дыхание Макса стало тяжелым.

Я медленно расстегнула его штаны, точно так же, как он сделал это с моим платьем. Его бедра инстинктивно приподнялись. Стянув штаны и боксеры вниз до самых лодыжек, я довольно долго смотрела на него. Меня покалывало от ожидания и желания. Я потянулась и обхватила пальцами его член.

Мои прикосновения менялись, переключаясь между легкими поглаживаниями и крепкой хваткой. Я трогала его с обожанием. Нет ничего похожего на то чувство, которое я испытывала в этот момент. Чувство свободы сопряженное с тем, что под тобой лежит мужчина, теряющий контроль и отдающий все тебе.

Он резко зашипел. Все его тело замерло, словно было сделано из камня. Продолжая пытку, я склонилась над ним. Моя левая рука лежала на простыне. Его глаза раскрылись

достаточно сильно для того, чтобы встретить мой взгляд. Его зрачки были расширены от вожделения, на его лице застыло ошеломленное выражение. Осознание того, что это из-за меня у него такое выражение лица, заставило меня хотеть его еще сильнее. Я крепко и страстно поцеловала его. С трудом дыша через нос, он опустил свою голову на матрац.

У него вырвался надрывный смешок. — Ты пытаешься убить меня? — простонал он.

Я наклонилась ближе. — Хочешь, чтобы я остановилась?

— Черт, нет.

Я улыбнулась напротив его губ и сжала руку. Когда его дыхание стало прерывистым и глубоким, а его крепкое тело дернулось подо мной, я отстранилась. Я встала, чтобы снять трусики и лифчик.

Макс поднял голову и уставился на меня. Его горячие глаза просканировали каждый дюйм моего тела.

— Туфли оставь.

Я приподняла бровь.

— Хмм, туфли ...?

Я наблюдала, как он надевал презерватив быстрыми и торопливыми движениями рук.

Он откинулся и раскрыл свои руки. Я забралась на него, разместив свои колени по обе стороны от его тела. Его кончик потирался об меня. Если я приподнимусь немного выше, то он скользнет в меня, и я буду ощущать лишь его.

— Если ты собираешься убить меня, то сделай это правильно. Оседлай меня.

Я замерла. Это было коротко и емко. Миллисекунды, чтобы понять все, что произойдет.

Я оседлала его.

Его руки сместились с моей талии, чтобы сжать груди. Стон сорвался с моих губ.

— Приподнимись на коленях, — сказал он.

Я исполняю.

— Введи меня в эту узкую киску. Медленно. Скользи вниз, пока не будешь обхватывать меня так же крепко, как перчатка. И не останавливайся, пока не начнешь кричать мое имя.

Я ощутила, как мое тело дрогнуло.

Я следовала его указаниям и медленно опустилась на его член. Мои глаза закрылись. Ноги начали дрожать. За прошедшие несколько недель из меня высосали энергию. Но это... это меняло все.

Я медленно двигалась вверх и вниз. Все эти покалывания, которые, казалось, дико рикошетили под моей кожей, он тоже ощущал.

— Бляяяя*ь! — закричал он, мучительно растягивая гласную.

Его бедра поднимались, встречая меня каждый раз, когда я опускалась вниз. Наш ритм становился все быстрее и быстрее. Мышцы начали болеть, и прямо тогда, когда покалывания в моем теле собирались взорваться, он перевернулся и оказался сверху.

Холодный воздух коснулся моей кожи. Я не получила ни предупреждения, ни преимущества. Макс накрыл меня за секунду. Одна его рука опустилась на простынь, другая — обвила мою талию. Мои волосы разметались по кровати.

Наши губы слились, когда он мощно вошел в меня, перенимая контроль и отчаянно двигаясь. В его глазах была природная страсть и дикость. Все, что я могла делать, это цепляться за него.

Я начала скользить вниз.

— Я собираюсь... — задыхалась я. Мой голос затих, пока он вырывался в меня.

— Что ты собираешься сделать, любимая? — хрипло произнес Макс, не отрывая глаз от моего лица.

Кончить. Вот чего я хотела. Вот то, от чего я была в нескольких секундах. Мои глаза почти закрылись. Я была готова закрыться от мира, чтобы получить эти секунды чистого наслаждения.

Но он удерживал мою челюсть между большим и указательным пальцем. Макс не требовал. Он просил меня не закрываться от него.

Изголовье стучало. Я ощущала острый запах нашего пота. Мои пальцы погрузились в его кожу, удерживая его настолько близко, насколько это было возможно физически. Мое тело стало сотрясаться. Я продолжала удерживать свои глаза открытыми.

Я разделю это с ним.

Я не выкрикивала его имя. Я едва могла дышать, не то, что говорить.

Макс кончил через несколько секунд. Его челюсть расслабилась, а глаза стали тяжелыми, но он продолжал держать их открытыми.

Мой контроль ускользнул из-под ног вместе с землей. И я падала, отчаянно цепляясь, желая замедлить падение. Это был быстрый спуск. Он длился всего несколько секунд.

Макс уткнулся лицом в изгиб моего плеча. Затем мои глаза, наконец, закрылись, когда я поняла, что не просто люблю этого мужчину, а что отдам ему все...и, если этого будет недостаточно, я позволю ему брать то, что ему нужно, так долго, как долго он будет любить меня в ответ.

Он слегка сдвинулся. Его ресницы трепетали у моей кожи. Его губы раскрылись, спускаясь вниз по моей шее. И следующие четыре слова, вылетевшие из моего рта, почти убили меня.

— Боже, я люблю тебя.

ГЛАВА 23. КОМПОНЕНТ

Я проснулась в пустой кровати.

Подняв голову с подушки, я поняла, что мои волосы в диком беспорядке. Я осмотрела пустое место на кровати, где должен был находиться Макс.

Я не знала, который сейчас час. Мое тело все еще было уставшим. Я села. Матрац был сдвинут, простыни измяты и почти свалились с кровати, и все, о чем я могла думать, лишь о своих четырех потрясающих словах.

«Боже, я люблю тебя».

Я села и потерла глаза. На тумбочке лежали часы Макса. Я подняла их. 2 часа ночи. Где он, черт побери?

Когда я встала, мои мышцы запротестовали. Я не могла жаловаться или сожалеть ни о единой секунде. Я прошла по спальне, вытащила халат из его шкафа, оделась и вышла из комнаты. У меня не было проблем с тем, чтобы спать одной, но если я собираюсь оставаться здесь с Максом, то хочу быть с ним, пока у меня есть такая возможность.

В доме было тихо и темно. Лишь в коридоре горела одна лампа. Я услышала его голос. Он был приглушенный, но определенно исходил снизу. Из его кабинета.

Мы с ним знакомы сравнительно недолго, но я уже знала, что он усердно работает. Даже сейчас. Я улыбнулась. Но потом его голос, который еще несколько секунд назад был тихим, вдруг стал резким и требовательным. Я дернулась и остановилась, ожидая увидеть, взорвется ли он снова. Болезненное чувство страха прошлось по моей спине. Единственный

раз, когда я слышала, как Макс выходит из себя, был из-за отца Ланы.

Я спустилась вниз, дошла до конца коридора и прижала ухо к двери, пытаюсь услышать разговор.

— Ты мне угрожаешь?

Наступила долгая пауза.

— Не очень умный шаг, — произнес Макс мрачно. — Просто вспомни, что до сих пор я и пальцем не пошевелил, а ведь мог уже давно разрушить твою дерьмовую карьеру, одним лишь щелчком пальцев. Но я не делаю этого ради твоей дочери.

Снова тишина. На этот раз она продлилась дольше.

Я услышала, как заскрипел стул. Макс наклонился вперед, опираясь локтями о стол. — Я отключаюсь. Больше никогда не звони мне снова в такое время. И, Майкл? Просто, чтобы ты знал. Я хороший друг... но враг из меня получится еще лучше.

Несколько секунд спустя телефон ударился о стену с такой силой, которой было бы достаточно, чтобы заставить тяжелую, дубовую дверь затрястись.

Я открыла дверь. Она громко заскрипела. Макс все еще сидел за столом. Голова опущена, лоб упирается в переплетенные пальцы. Он сразу поднял голову, подскакивая на ноги.

Я открыла дверь шире и зашла внутрь. Его телефон рассыпался на кусочки: экран треснул, батарея отлетела в сторону. Я посмотрела на Макса. Его челюсть была сжата, пока он смотрел на меня.

— Тебя не было в кровати....

Макс скрестил руки, по-прежнему оставаясь молчаливым.

— Я искала тебя, — произнесла я.

Его плечи опустились, когда он уперся ладонями в стол. — Я не мог уснуть, — наконец, ответил он.

Я ждала, что он продолжит, но он этого не сделал.

— Все в порядке? — осторожно спросила я и прошла дальше в комнату.

— Абсолютно, — он отвернулся, раскладывая бумаги на столе. — Просто разбирался со всякой рабочей ерундой.

Я кивнула и постучала пальцем по его столу. — Ну да, это имеет смысл, ведь как мы все знаем, «всякая рабочая ерунда» происходит как раз в два часа ночи.

Незаметно, его пальцы сжались на бумагах, которые он держал в руках.

— Да, — произнес Макс.

— Не хочешь рассказать мне, что происходит на самом деле?

Макс протер лицо рукой. — Нет, Наоми. Не хочу.

— Я слышала, как ты разговаривал с ним.

— Это я уже понял.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я подошла к нему и склонилась над столом. — Тогда зачем врешь?

Он откинулся на своем кресле, руками сжимая подлокотники, и посмотрел на меня. — Почему, как ты думаешь?

Я молча смотрела на него. — Зачем он звонил?

Его глаза закрылись, когда он начал тереть кончик носа. — Черт..., — пробормотал он.

Неожиданно для меня, он встал и подошел к окну. Он смотрел наружу, прижав ладони к оконной раме. Его сильные плечи поникли. Спина слегка сторбилась. Он может вселять

страх в самых важных мужчин, но вместо этого он должен сидеть и позволять отцу Ланы утекать сквозь пальцы. Я понимала, что это давило на него, но не осознавала, что так сильно.

Я обняла его руками за талию и прижалась лбом к его спине. Мы молча стояли там.

— Он паникует, — произнес Макс. — Он знает, что теряет контроль, поэтому пытается избавиться от всех, кто стоит у него на пути.

— Расскажи мне правду.

Он поднял взгляд, поймав в окне мой. — Я говорю тебе правду.

Но есть еще так много правды, которую нужно рассказать. И мы оба это знали.

— Тебе угрожает опасность?

Он открыл рот, чтобы ответить, но я прервала его. — Не пытайся защитить меня, скрывая правду. Просто будь честен.

Макс развернулся. Мои руки все еще обвивали его тело, его же руки поднялись вверх, обхватывая мое лицо. Он медленно произнес:

— Возможно, мне угрожает опасность. Но я не беспокоюсь о Майкле. Когда люди напуганы, то становятся небрежными и совершают массу ошибок.

Он начал целовать меня. Было ли это ради того, чтобы заткнуть меня, или же он просто хотел избавиться от напряжения в комнате, я не знаю. Он все вложил в этот поцелуй, и я взяла каждый кусочек.

Мы вернулись в кровать и занялись любовью еще раз. Не торопясь мы прикасались и целовались, облизывая друг друга. Но не важно, как сильно мы пытались заставить исчезнуть наши переживания, ведь все это не сработало.

Наши страхи довлели над нами всю ночь.

ГЛАВА 24. ПРАВДА И СПОКОЙСТВИЕ

— Думаю, снег будет идти вечно, — произношу я. Мое дыхание, вырывающееся через губы, находящиеся всего лишь в нескольких дюймах от окна, заставляет стекло запотевать.

Солнце частично скрыто тусклыми, серыми облаками. Не смотря на это, ему по-прежнему удается отражаться от снега, заставляя его сверкать.

Никакого ответа. Все в комнате отдыха утонули в своих умах, проблемах и боли. У каждого из них своя история. Я отвожу глаза от улицы и осматриваюсь.

Напротив меня сидит женщина. Та самая женщина, что сидит с Притворяющейся Мамочкой во время групповой терапии. Сейчас она пристально смотрит на улицу. Эта женщина не открывала рот с тех пор, как села, а произошло это уже около трех часов назад.

Ни улыбки.

Ни слез.

Ничего.

Мне хочется узнать ее историю. Хочется узнать, что привело ее сюда. Я могу гадать весь день, но понимаю, что никогда не узнаю правду.

Я выдыхаю и стучу пальцами по столу. Здесь так тихо, что от этого становится не по себе. Тот тип тишины, от которого болят твои уши. Из-за происходящего кажется, будто время движется мучительно медленно, заставляя тебя думать, что ты в любой момент лишишься разума.

— Мы не выберемся отсюда, — говорю я вскользь. Женщина не произносит ни слова,

но я продолжаю наш односторонний разговор. — Мы все теряем тут слишком много времени, которое никогда уже не сможем вернуть.

Она моргает, и зовите меня сумасшедшей, если хотите, но мне кажется, что она выбрала такой способ, чтобы показать мне, что слушает меня. Думаю, она согласна.

— Что у тебя осталось за пределами этих стен? — спрашиваю я ее.

Никакого ответа.

— У тебя есть семья? Друзья, которые ждут тебя?

Она медленно моргает. Я устаю от попыток расшифровать ее моргания и сдаюсь.

Мы сидим в тишине.

— «Господь предлагает всем людям выбор между правдой и спокойствием. Выбери то, что тебя устраивает, ведь ты никогда не можешь иметь все и сразу».

Я поворачиваюсь. Притворяющаяся Мамочка сидит за столом напротив меня. Она не сводит глаз с этой чертовой пластиковой куклы.

— Что?

— Это сказал Ральф Уолдо Эмерсон[4], — произносит она, поглаживая по щеке пластиковую куклу. — И он прав. Мы не можем иметь и то, и другое. Мы должны выбрать что-то одно.

Я разворачиваюсь на своем стуле. Моя спина прикасается к стене, и я скрещиваю руки. — И ты думаешь, что мы все хотим и того, и другого?

— Ну..., — произносит она медленно. — Мы до сих пор тут, не так ли?

От ее слов мое сердце замедляется. Я сглатываю. — Как давно ты здесь? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня. Её кобальтово-синие глаза пронизывают меня. Даже несмотря на то, что она сумасшедшая, я вижу в ней знания, далеко превосходящие свои собственные. Знания, которые могут дать тебе лишь опыт и боль.

— Три года, — отвечает она.

Это место — эта тюрьма — превратилось в ее дом.

— Большинство людей проводят здесь всего пару месяцев. Они перестают бороться за свою правду. Они принимают то, кем являются, и уходят.

Мой подбородок поднимается; мне не нравится направление, по которому движется этот разговор. — А что насчет тебя? — спрашиваю я ее. — В чем заключается твоя правда?

Она указывает на окно. — Моя правда скрывается где-то там. Я не хотела знать ее три года назад, и до сих пор не хочу.

Я выпрямляюсь на своем стуле. Всего лишь в двух шагах от меня находится человек, которым я не хочу стать. Я не хочу быть запертой в «Фэирфакс» до конца своих дней. Я не позволю этому случиться.

Притворяющаяся Мамочка знающе улыбается и наклоняется ближе. — Твоя правда тоже снаружи, не так ли? — произносит она.

Мой стул скрипит, когда я встаю. Притворяющаяся Мамочка смотрит на ребенка. Вместо того, чтобы петь сладкую колыбельную своему пластиковому ребенку, она поет старый гимн, который посылает мурашки по моей спине.

Она чертовски сумасшедшая. Все вокруг меня чертовы психи.

Я медленно выхожу из комнаты и направляюсь по коридору, ускоряя шаг.

Я не сумасшедшая. Я не такая, как они.

Я знаю, что это не так.

Дверь моей комнаты хлопает позади меня. Я быстро осматриваю комнату. Отца Ланы сегодня здесь нет.

Я расхаживаю, представляя замерзшую сосульку, все еще висящую на слабой, голой ветке. Не смотря на минусовую температуру и сильные ветра, она отказывается падать.

Я падаю на кровать и начинаю смотреть в потолок. — Ты не сумасшедшая, — громко говорю я самой себе. — Ты не будешь находиться здесь вечно. — Я вдыхаю. — Ты не одна из них.

Думаю, наконец, я начинаю понимать, как много времени потеряла здесь. Знаю, она утекло мимо меня, но осознание этого, наконец, врезалось в меня, словно товарный поезд.

Я могу мечтать. Могу представлять и надеяться, но так я никогда ничего не изменю. И самое ужасное во всем этом, что я сама это осознаю. Я понимаю, что в этой истории есть нечто большее. В меня на полной скорости движется еще один поезд. Но пока я еще не вижу его. Я лишь слышу, как слегка дрожит земля. Как дрожат пути под ногами. Я слышу ревуший свист....

Но не могу двинуться с места.

Все, что я могу сейчас делать, это надеяться, что когда он ударит, я умру быстро. За пару секунд...

— Я не сумасшедшая, — повторяю я. — Не сумасшедшая. Не сумасшедшая...

ГЛАВА 25. РАСШАТЫВАЯ ПРОШЛОЕ

Этой ночью я не вижу снов ни о Лаклане. Ни о Максе.

Я вижу сны о Лане.

Ей двенадцать. Ее длинные волосы заплетены во френцузскую косу. Она только поела и помыла за собой тарелку. Ее учитель будет здесь в течение десяти минут. Каждый день они встречаются в свободной комнате наверху, чтобы проводить занятия. Лана начинала с социальных наук, а затем переходила к математике. Посреди дня будет небольшой перерыв на обед, после которого у нее будет час для чтения. Последние два урока — английский и физическая культура, но Лана использует их в качестве дополнительного времени, в течение которого она могла бы объезжать свою лошадь.

Кому-то ее жизнь покажется невероятно скучной, но она любила свою простую рутину.

Она закрыла кран, вылила воду из тарелки, после чего поставила ее сушиться. Именно в тот момент она почувствовала его.

Ее тело застыло, когда появился отец. Ее мышцы напряглись, и все, что она могла делать, это смотреть прямо, с чистого плитку за раковиной. Её отец встал позади нее, прижав свое тело к ней. Он пальцами прикасается к ее косе.

«... 45, 46...» — бормочет она. Ее глаза пробегают по гладкому кусочку плитки. Квадратные кусочки были настолько малы, что она могла считать их целыми днями.

— Какие замечательные волосы, — говорит он.

«... 65, 66 ...» ...Ее рот отчаянно двигается. Ее руки дрожат, но она стоит прямо, ожидая, пока отец перестанет говорить и прикасаться к ней.

Она ждет, но он не двигается.

— У тебя обед в 11.30, правильно? — произносит отец. Его борода касается ее кожи. Запах табака смешивается с запахом кофе. Не самый приятный вкусовой микс.

«... 71, 72, 75...» ... Она запуталась. Это мгновенно сбивает ее. Ее сердце начинает

дико колотиться в груди. Легкие начинают сжиматься, делая дыхание поверхностным. Она не может ясно мыслить.

— Лана?

Она сглатывает. — Да, в это время у меня обед.

— Хорошо, — он отходит назад. — Тогда увидимся позже.

Он уходит. Задняя дверь захлопывается следом за ним. Лана приваливается к стойке, чувствуя облегчение от его ухода, и страх из-за того, что он вернется.

Мои глаза распахиваются.

Двенадцатилетняя Лана склонилась прямо надо мной. Ее глаза налиты кровью из-за слез. Коса ослабла, и пряди свисают вдоль лица. На ней розовая футболка с цветочками и пара джинсов со слегка закатанными штанинами и отпечатками пальцев от мела.

Она настоящий ребенок. За исключением глаз. Они лет на десять старше.

Мои пальцы хватают простынь. Она выдыхает, и в воздухе появляется облако, похожее на туман. Я вздыхаю, всасывая тот же воздух, что она выдувает.

— Ты поможешь мне? — шепчет она. Ее голос тихий, совсем детский и невероятно испуганный.

Я инстинктивно отвечаю. — Конечно.

Юная Лана выглядит так, словно мои слова ее не убедили. Она смотрит на меня с недоверием.

— Помогу! Обещаю, что помогу тебе! — Я сажусь. Мои руки вытянуты вперед. Я хочу обнять ее. Утешить ее. Убедить, что сдержу свое обещание. Но мои пальцы разрезали воздух.

Она исчезла.

Я выпрыгнула из кровати, словно та была охвачена огнем. — Нет... — Я проверила под кроватью. Ничего. Я встала на дрожащих ногах. — Нет, нет, нет. Она была здесь. Она была прямо здесь... — прошептала я вслух.

В моей комнате никого нет.

Ни Ланы.

Ни голосов.

Ни темных глаз в углу.

Я кружусь, осматривая каждый дюйм своей комнаты. Все начинает вращаться. Нечто, сродни отчаянию, берет верх над моим телом. Я остаиваюсь. Комната продолжает двигаться. Моя кровать двойится. Стены множатся. Но Ланы до сих пор нет.

Я зарываюсь пальцами в волосы и начинаю стонать.

— Прости меня, Лана, — шепчу я. — Я пытаюсь выбраться отсюда.

Лишь звук ветра ударяется об окно моей комнаты. Я поворачиваюсь и смотрю на него, словно в нем спрятана причина моих проблем.

Я злюсь. На «Фэйрфакс». На мою неспособность выбраться отсюда. И на молчание Ланы.

— Я очнулась! — кричу я в маленькой комнате. — Ты привлекла мое внимание! Почему же ты не разговариваешь со мной?

Тишина наполняет мои уши.

— Выйди и поговори со мной. Я слушаю! Поговори..., пожалуйста.

Включается свет. Я разворачиваюсь. Мэри стоит в дверном проеме. Она хмурится.

Не думая дважды, я бегу к ней. — Лана была здесь. — Мой палец дрожит, когда я указываю на свою кровать. — Она стояла надо мной и просила помочь ей.

Взгляд в глазах Мэри заставляет мой голос дрожать. Жалость, смешанная с разочарованием. Это плохой знак.

— Клянусь, она была здесь, — настаиваю я. — Она была здесь.

Руки Мэри покоятся у меня на плечах. Она медленно подводит меня к кровати. — Конечно, она была здесь...

Я смотрю через плечо. — Ты мне не веришь.

— Верю.

— Не веришь, — говорю я. — Она показала мне, что с ней произошло, когда она была ребенком. Это знак. Ей нужна моя помощь. Таким образом, она решила достучаться до меня.

В глазах Мэри читаются жалость и разочарование. Может быть, я на самом деле сумасшедшая. Может быть, это действительно то место, где я и должна быть. Мои ноги подкашиваются. Колени подгибаются. Я падаю на пол.

Мэри не зовет на помощь. Она тихо сидит рядом со мной. Через пелену слез я вижу, что она вытянула ноги, а ее руки исчезли в карманах рубашки.

Она дает мне выплакаться. Не знаю, почему она остается рядом и что планирует делать, но я благодарна ей за то, что она не ушла. Ее молчаливая поддержка успокаивает меня.

— Здесь очень много людей..., — говорит мне Мэри, — ... и у каждого есть своя жизнь, своя история. История, которую можно рассказать. Поверь, каждая следующая история хуже предыдущей. Я не знаю твою историю, но знаю, что она ужасна. Понимаю, что ты напугана. — Она наклоняет голову, и взгляд, которым она одаривает меня, кажется мне таким материнским. — Наоми, я не хочу, чтобы «Фэирфакс» стал твоим домом. Ты заслуживаешь гораздо больше. Ты заслуживаешь прожить хорошую жизнь, потому что у тебя она всего лишь одна. — Мэри поднимает палец. — Всего лишь одна. Без перемотки. Без повторов. И не важно, как сильно бы нам этого хотелось, это никогда не измениться. — Она поглаживает меня по плечу. — Пожалуйста, сделай свою жизнь такой, чтобы ее захотелось прожить.

Мы сидим в тишине. Когда я впервые оказалась здесь, то думала, что Мэри — озлобленная медсестра, которую совсем не заботит то, что произошло со мной.

Теперь я понимаю, как сильно ошибалась.

Я прислоняюсь плечом к ее плечу. — Спасибо, — шепчу я.

Она улыбается. Ее рука исчезает с моего плеча, когда она встает.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я.

Мне нравится ее компания. Я люблю ее слова. Мне хочется больше и того, и другого.

— Тебе нужно принять что-нибудь, что сможет заставить тебя поспать, — произносит Мэри.

Она уходит. Я тихо сижу. Вытягиваю ноги, как до этого это сделала Мэри. У меня нет карманов, поэтому я просто скрещиваю руки. Я не двигаю ни единой мышцей. Я надеюсь, что если повторю ее движения, то ее сила перетечет в меня.

Но мне это не помогает.

Мэри возвращается через несколько секунд, держа в одной руке таблетки, а в другой — маленький стаканчик с водой. Она протягивает их мне:

— Вот, держи.

Я молча беру их. Мэри помогает мне встать и лечь, ожидая, пока таблетки подействуют.

После этого Мэри идет к двери, и, прежде чем закрыть ее, она тихо произносит:

— Сладких снов.

Я перекатываюсь на бок и смотрю в стену.

Разве она не знает. Я не сплю.

Я мечтаю.

ГЛАВА 26. БЕЛЫЙ КОТТЕДЖ

3 года назад

Я не видела Лаклана целый год.

Казалось, что жизнь текла чертовски медленно мимо меня.

Чаще всего мне казалось, что я потеряла свою ценность, как если бы была пенни, брошенным на тротуаре. Когда я себя так чувствовала, то инстинктивно возвращалась к Лаклану. Без него мне казалось, словно не хватает какой-то части меня.

Прошлым летом он приехал домой с коротким визитом на выходные. С тех пор, как он окончил колледж, он перестал приезжать домой на праздники. Его визиты сводились к минимуму, и меня это обижало. Мне было грустно. Я ревновала, потому что хотела владеть всем его временем. Он был занят своей интернатурой, и я понимала это. Он тяжело трудился. Зарабатывал свои собственные деньги и берег каждый доллар.

— Не расстраивайся, ребенок, — говорил он мне.

Ребенок. Когда мне было десять, мне нравилось мое прозвище, но сейчас я начинала его ненавидеть.

Я скрестила руки и посмотрела на него. — Разве ты не можешь модернизировать мое прозвище? Я официально переросла «ребенка».

Он впился в меня взглядом. — Я всегда тебя так называл!

— Ну, а теперь называй как-нибудь по-другому... о... Я не знаю, может быть будешь называть меня по имени?

Он пожал плечами и отвернулся. Тридцать минут спустя он сел обратно в свою машину, и поехал к своей работе, своей квартире, и к своей одинокой жизни. Я ненавидела, что опять застряла в рамках электронных писем, сообщений и звонков.

Я смотрела, как он уезжает, и мне казалось, что я простояла так все 365 дней, ожидая, когда он вернется.

И вот он здесь. Наконец-то.

Я натянула поводья своей лошади и стала наблюдать за ним. Он стоял ко мне спиной, так как разговаривал с отцом. Хотела сразу же выкрикнуть его имя, но удержала рот на замке.

Я пыталась представить, что он бы увидел, если бы я выкрикнула его имя. Увидел бы он маленькую Наоми с косичками, переброшенными за спину и с ободранными коленками? Или он увидел бы меня такой, какая я сейчас? Косички исчезли. Я стала выше, мои ноги стали длиннее. Моя грудь, в которой раньше было «немного чего-то», сейчас стала больше. Глаза, которые были слишком большими для моего лица, сейчас были в самый раз. Мои скулы, которые я считала слишком острыми для своего лица, и которые странно преображали мое лицо, теперь же все было в порядке. Я была довольна девушкой, смотрящей на меня из зеркала.

Я знала, что неизбежным был и тот факт, что Лаклан тоже изменится. Но он выглядел лучше, чем я могла себе представить. Его плечи стали шире. Волосы были коротко

подстрижены. Более длинные волосы на макушке подкрутились на ветру. Мое сердце сжалось при виде его, и я подумала, что оно разобьется на миллион кусочков. Я поклялась себе, что больше никогда не позволю себе не видеть его так долго.

Когда он скрестил руки и откинул голову, громко смеясь, я не могла и дальше сдерживать свое счастье.

— Лак! — крикнула я.

Секунда, и я уже соскочила с лошади, и направлялась к нему быстрым шагом. Меня не волновало, что мои светлые волосы растрепало на ветру. Или что мои щеки были покрасневшими от холода. Ничто из этого не имело значения, потому что он вернулся.

Лаклан повернулся ко мне с яркой улыбкой на лице. Мое сердце слегка вздрогнуло, и я улыбнулась в ответ. Чем ближе я подходила, тем меньше становилась его улыбка. Он осмотрел меня с ног до головы, приподняв брови. Когда я остановилась перед ним, то он ничего не сказал. Просто уставился на меня так, как будто никогда раньше не видел.

— Это ты, ребенок? — наконец-то спросил он.

Я наклонила голову, посмотрела на него и нахмурилась. Я едва ли сказала ему и пару слов, как что-то определенно изменилось между нами.

— Перестань называть меня так.

Слабая улыбка появилась на его лице, но он был напряжен, зажат и сдержан. — Ты изменилась.

— Я выросла, — сказала я.

— Выросла, — повторил он.

Я ни на секунду не задумывалась, что когда-либо мы будем заставлять себя общаться друг с другом через силу. Я думала, что мы продолжим с того, на чем закончили в прошлый раз. Но прошлый раз был давно. Слишком давно. Между нами повисла тишина, которой никогда не было. Я хотела, чтобы она исчезла. Я это ненавидела.

— Я так рада тебя видеть, — произнесла я в порыве.

Я не ждала разрешения. Я наклонилась вперед и обвила свои руки вокруг его талии. Тело Лаклана на секунду напряглось, пока его руки нерешительно обхватывали меня за плечи. Мы стояли там, обнимая друг друга. Я мечтала о том, чтобы всегда быть к нему так близко и никогда не отпускать. Он всегда обнимал меня, но это было как-то по-дружески. Больше напоминало похлопывание по спине. Но, мы стояли так уже несколько секунд, а он меня не отпускал.

Бабочки, которые всегда порхали, стоило ему оказаться поблизости, куда-то исчезли, и вместо этого мое тело просто покалывало в тех местах, в которых я касалась Лаклана. Я потерлась носом о его горло и тут же почувствовала его аромат. Это был запах улицы, смешанный с одеколоном. Это был опьяняющий аромат для меня — тот, который пробуждал воспоминания и напоминал, что руки Лаклана были моим домом. Мои пальцы сильнее сжали ткань его куртки.

Мое воображение не знало границ, когда это касалось Лаклана. Я думала о сумасшедших сценариях того, как бы он влюбился в меня. Как он говорит, что любит меня. И как потом он бы поцеловал меня. И этот поцелуй стер бы каждый поцелуй и прикосновение между ним и мной. Но, все всегда останавливалось на этом. Прямо сейчас, мое воображение подкидывало мне сценарий, в котором были не только поцелуи. Мои руки сильнее обхватили его талию, ненамеренно прижимая его ближе. Моя грудь была прижата к его телу, и я почувствовала тепло между своих ног. Это было похоже на то, как зажигается спичка.

Минуту не было ничего, и в следующее мгновение не было ничего, кроме огня и жара.

Это напугало меня настолько, что заставило отстраниться. Лаклан смущенно посмотрел на то место, где я была секунду назад, после чего откашлялся и посмотрел по сторонам. Нас разделяло всего пара дюймов. Я сделала шаг назад. — Расскажи мне все! — потребовала я писклявым голосом. — Как твоя новая работа? Ты переезжаешь обратно в Маклин?

Так много вопросов. И я не могу удержать ни один из них. Лаклан всегда поддерживал связь через электронные письма. Но его сообщения были краткими. Не броскими. Это не сравнится с тем, чтобы видеть его в живую, когда он вдается в огромное количество подробностей, относительно его друзей, учебы, или того, что ему казалось смешным.

Я жила за счет этих историй.

Лаклан явно расслабился от моих вопросов. — Моя новая работа скучная. В основном, я мальчик-посыльный с маленькой кабинкой, которая и есть мой «офис». И мой «офис» рядом с нелепым парнем. Думаю, его зовут Дэрин. Он сопит. Чем выводит меня из себя. Клянусь, он делает это, чтобы позлить меня.

Я смеюсь. — Это все равно звучит захватывающе. Даже несмотря на сопящего Дэрина.

Он колеблется, прежде чем забросить тяжелую руку мне на плечо. Он делал так всегда, по-дружески. Но, сейчас моя грудь была прижата к его животу сбоку, и жар его тела согревал меня. Покалывание вернулось. Он откашлялся.

— Для тебя все захватывающе, — сказал Лаклан. — Даже если бы я сказал, что пойду завтра удалять корневой канал — ты бы подпрыгивала от волнения.

Я бросила на него взгляд, когда мы шли к настилу на заднем дворе. Мои руки как-то неловко свисали по бокам, с тех пор как мы начали идти. Я хотела потянуться и дотронуться до него так, как он прикасался ко мне. Я обняла его за талию.

— А что же касается возвращения в Маклин, я не думаю, что это когда-либо произойдет.

Я резко повернулась к нему. — Почему нет?

— Этот мир не ограничивается одним Маклином. В нем есть много всего. Очень много. Верь мне. Однажды, уйдя из своего дома, ты уже не вернешься.

Я оживленно киваю, и как губка, впитываю все слова Лаклана. Но он не должен был дважды говорить мне, что не вернется в Маклин. У меня не было желания оставаться здесь, но часть меня боялась того, что было там.

— Что на счет тебя? Что нового в твоей жизни? — спросил Лаклан.

— Ты уже знаешь, — напомнила я. — Я рассказываю тебе в каждом сообщении, что нового.

Он кивнул. — Но, ты все еще пишешь?

— Пишу.

— Это прекрасно, — произнес он с натянутой улыбкой на лице.

Я хотела закричать на него: «Где мой Лаклан? Где ты?»

Он говорил со мной, но его голос был скованным, что заставляло меня беспокоиться. Мне не нравилась эта... неловкость. Я не знала, как от нее избавиться.

Я отступила назад. Его рука исчезла с моего плеча, заставляя меня чувствовать холод и одиночество.

— Мне нужно идти домой, — произнесла я. Я устала в землю, стряхивая часть гравия со своей ноги. — У нас сегодня гости на ужин.

Я посмотрела на него. Его взгляд был на мне. Но, это был другой взгляд. Тот, который я

никогда не видела прежде. Он всегда смотрел на меня с потехой, как будто все, чтобы я не делала, тут же вызывало улыбку на его лице. Но сейчас он выглядел задумчивым, почти не уверенным во мне.

— Ты все так же встретишь меня сегодня ночью, да? — спросила я.

И опять этот хмурый взгляд. Его плечи напряглись, когда он отступил назад.

— Да, сегодня ночью, Наоми, — его голос был скованным и отрывистым.

Я увижу его позже. Как в миллион других раз, когда я видела его, но на этот раз все уже будет по-другому.

Я отошла от него назад к своей лошади, прокручивая наш разговор. Я была слишком поглощена своими мыслями, чтобы понять, что он наконец-то назвал меня Наоми.

— Куда, черт возьми, мы идем?

— Просто подожди, — ответила я. — Мы почти на месте.

— Дождь льет как из ведра. Я иду домой.

Я даже не потрудилась обернуться. — Нет, не идешь. Просто продолжай двигаться.

В нескольких милях от собственности наших семей, скрытый в листве дубов, был белый коттедж, который был только моим.

Я наткнулась на него несколько месяцев назад.

Солнца в тот день не было, и что-то между стволов деревьев блеснуло в уголке моего взора. Земля была покрыта старыми листьями и ветками, а передо мной был коттедж, который разваливался. Белая краска потрескалась. Передний настил медленно оседал. Несколько окон было разбито или просто забиты. Все, что было необходимо, так это небольшой порыв ветра, и все это место рухнуло бы за пару секунд. Но я думала, что коттедж потрясающий. Думала, что в нем есть потенциал. Я осмотрела разрушения, и была полна решимости все починить. Этой же ночью я написала Лаклану электронное письмо, описывая коттедж. В ответ он написал, что это похоже на место действия фильма ужасов.

Сегодня вечером, я была полна решимости доказать, что он был не прав. Это место было моим личным раем. Я видела красоту этого места до того, как погода разрушила его, и оно стало запустелым. Я видела свежий слой белой краски, и новый настил, совершенно новые окна и цветы, посаженные вокруг дома. Я видела, каким красивым мог бы быть этот белый коттедж.

Я отодвинула влажную ветку и ступила на поляну. Осветила своим фонариком коттедж. — Это здесь, — вздохнула я.

Лаклан остановился около меня и осмотрелся. Он молчал мгновение, а потом направил и свой фонарь на коттедж. Его глаза сузились, так как он очень тщательно осматривал то, что было перед ним.

— Не плохо, — в конце концов, произнес он.

Я улыбнулась ему. — Отчасти круто, не так ли?

— Если в жутком смысле, то да.

Дождь продолжал идти. Капая на мою куртку, впитываясь в мои волосы. Мне было все равно. Я подошла ближе к коттеджу, позволяя холодному водяному потоку хлынуть мне на лицо.

— Думаешь, мы первые, кто нашли его?

Лаклан подошел ближе. — Сомневаюсь. Окна сами себя не забивают.

— Я говорю не об этом. Я имею в виду то, что он стоял здесь годами, и никто из нас не знал!

— Это твой способ сказать мне, что ты будешь одним из тех агентов по недвижимости, которые ищут разрушенные дома, покупают их по низкой стоимости, а потом продают в три раза дороже?

Я пожалала плечами, повернула голову и улыбнулась ему. — Возможно.

Он смотрел на меня со странным выражением на лице.

Всю дорогу я старалась выглядеть естественно и притворялась, что между нами не было никакого напряжения. Но один взгляд разрушил все мои усилия.

Старых Наоми и Лаклана не было. Куда бы они не делись, они были спрятаны так хорошо, что я сомневалась, что мы смогли бы снова их отыскать.

Обычно, слова так и лились из меня, когда Лаклан был поблизости. Любая простая тема могла стать разговором, который потом, разделившись пополам, перерос бы в огромное количество других тем, которые совершенно отличались бы от того, с чего начался разговор. А сейчас же, я отчаянно пыталась придумать, о чем можно было поговорить.

— Я рада, что ты вернулся, — в конце концов, говорю я.

Он улыбнулся, хотя и выглядел напряженно. — Прошло немного времени, не так ли?

Я направила свой фонарь на влажную землю и махала им туда-обратно, пока все не стало одним пятном. — Электронные письма — это неплохо, но видеть тебя в живую намного лучше.

— Это твой способ сказать мне, что ты скучала?

Я на секунду перевела фонарь на свое лицо. Я хотела, чтобы он увидел искренность в моих глазах. — Ты знаешь, что я скучала по тебе.

— Я тоже скучал по тебе.

Я не могла видеть его лицо, но слышала искренность в его голосе, и я увидела частичку старого Лаклана. Ту, которая весь день была пропавшей без вести.

— Лаклан... — я отвела взгляд.

— Что? — он выключил фонарик и подошел на шаг ближе. — Почему ты так произнесла мое имя?

— Как «так»?

— Ну же, я слишком давно тебя знаю, чтобы изучить тебя, — он бросил на меня тяжелый взгляд. Я молчала. — Ты не веришь, что я скучал по тебе?

— Ну, у тебя странный способ это показывать. Ты едва появлялся дома.

— В чем вообще проблема?

— Проблема в том, что тебя не было 365 дней, — закричала я. — Не неделю, и не месяц. А целый год!

Его глаза расширились, и он присвистнул. — Считала?

Я задохнулась от этого заявления. — Каждый день.

— Мы были на связи, — спорил он. — Я разговаривал с тобой почти каждый день.

— Электронных писем не достаточно.

— Если ты так думала, то могла бы сказать мне об этом, — ответил он быстро. — Ты должна была сказать: «Лаклан, электронных писем не достаточно. Возвращайся домой. Я хочу увидеть тебя».

— Лаклан! — кричу я. — Электронных писем не достаточно. Возвращайся домой, я хочу увидеть тебя!

Он в шоке смотрел на меня. — Что на тебя нашло?

— Ничего на меня не нашло. Я всегда это чувствовала.

— Нет. Ты изменилась. Стала...

— Что? — предложила я. — Я стала громче? Я стала старше?

Лаклан просто смотрел на меня. Он видел другую мою сторону. Ту, которая высказывала свое мнение и говорила правду. Но у всего есть предел. Ты можешь говорить что угодно, пока можешь сдерживать свои слова до взрыва.

Я открыла рот. — Я...

Смогу ли я сделать это? Смогу ли я наконец-то сказать ему, что чувствую? Сделав это, я уже не смогу ничего исправить.

— Я люблю тебя! — выкрикнула я. Мои чувства, которые были так хорошо скрыты, вырвались наружу. Лаклан выглядел огорошенным. — И я не должна. Знаю, что не должна. Но ничего не могу с этим поделать! — Я подняла руки в воздух. — Хотя, что мне делать? Я нуждаюсь в тебе, когда сама прекрасно понимаю, что не должна.

Я выключила свой фонарь, и он выпал у меня из рук, ожидая его ответа. Казалось, прошло несколько лет, прежде чем Лаклан заговорил.

— Нет, это не так, — произнес он. Он был практически напуган.

— Это так, — прошептала я.

Он был старше. Из нас двоих мир автоматически сделает его ответственным за эту любовь. Но они будут не правы. Мне лучше знать. Я знала, что любовь была подобна паутине. Попав в нее однажды, ты так легко из нее не выберешься.

— Ты не влюблена, — сказал он.

Я грустно улыбнулась. Это было все, что я могла сделать.

Лаклан потер глаза и застонал, после чего повернулся к деревьям. Я уставилась на его спину. Он запустил пальцы в свои волосы.

Лаклан развернулся. — Я думаю, что ты запуталась, — произнес он осознанно.

Я начала качать головой, прежде чем он закончил высказываться.

— Я прав, — продолжил он. — Это небольшая влюбленность. Просто безумное увлечение, которое у тебя было несколько лет.

— Ты не прав.

— Я прав.

Он подошел достаточно близко, чтобы я могла увидеть беспокойство в его глазах. И затем он наклонился ближе. Ближе, чем он когда-либо был. Его дыхание щекотало мою кожу. Я воспользовалась моментом. Посмотрела на него. Я имею в виду, действительно посмотрела так, как никогда не делала раньше. Вода капала на его лицо и стекала вокруг скулы, после чего падала на куртку. Его ресницы были заострены. На его лице была темная щетина. На кончике его носа была капелька воды, которая скатилась в углубление над его верхней губой и тонкой струей полилась вниз. Прежде чем я увидела, как вода исчезла между его губами, он поцеловал меня. Я почувствовала бусинку воды на своих губах, и мои глаза тут же закрылись. Даже несмотря на то, что я была мокрой с головы до ног, казалось, что моя кожа горела. Моя кровь бурлила в венах, и я не смогла бы отойти, даже если бы от этого зависела моя жизнь, потому что Лаклан Холстед наконец-то меня поцеловал.

Думаю, он поцеловал меня, убежденный, что моя «влюбленность» никогда не закончится, пока он не отправит ее на покой. Он думал, что поцелуй будет встречей двух пар губ, неглубоким, и не продлится и пары секунд.

Но это было намного больше, чем простой поцелуй.

Все остановилось: время, дыхание, мой разум.

Все, на чем я могла сосредоточиться, были его губы, прижатые к моим. Он не отодвинулся и не увеличил давление. Я была благодарна ему за это, потому что даже такой простой контакт заставил мурашки разбежаться по телу. В тот момент, когда я подняла руки, чтобы обнять его, он отодвинулся.

Все тепло от его губ исчезло, и мне показалось, что на меня вылили холодной воды. Мои глаза в беспокойстве открылись. Я споткнулась и оперлась на него. Он отскочил назад, как если бы обжегся.

Мы стояли там в тишине, в изумлении уставившись друг на друга.

Я первая пришла в себя. — Сделай это снова.

Лаклан ничего не ответил. Просто быстро моргал, пока вокруг нас лил дождь.

— Сделай это снова, — я не могла перестать смотреть на его губы.

— Нет.

— Сделай это, — я подошла ближе. — Поцелуй меня. Покажи мне, что я должна делать.

Он сделал шаг назад, потом еще один и еще, пока не оказался прижат спиной к дереву. Я видела, насколько неуверенным он был, но я так же видела жажду. Я это не придумала. Мои глаза не шутили надо мной.

— Мы оба с тобой знали, что это была плохая идея, — сказал он, его голос был напряжен.

— А было ли? — прошептала я.

Он вздрогнул, словно я ударила его.

Я стояла совершенно неподвижно и ждала, пока Лаклан что-нибудь сделает, хоть что-нибудь.

Он глубоко дышал, дрожа, когда закрыл глаза. Он боролся сам с собой. И я увидела тот момент, когда он проигнорировал ту часть, которая удерживала его. Мой пульс застучал, когда он наклонился ко мне. В этот раз его губы не мешкали. Они двигались, медленно склоняясь над моими.

Я следовала за ним. Я гналась за его дыханием, раскрывая рот. Его губы были теплыми, в сравнении с холодным дождем, и более мягкими, чем я ожидала. Мое сердце стучало так быстро, что, казалось, оно готово разорваться в груди. Я немного откинулась назад. Кончик его носа задел мой. Взгляд его глаз был мощным, что говорило о том, что если бы я не отстранилась, он продолжал бы целовать меня. Я тяжело сглотнула.

— Ты говорил мне никогда не доверять парням, — произнесла я, мой голос был неуверенным.

— Ты должна была меня послушать, — ответил он напротив моих губ.

Мы одновременно вернулись друг к другу. Этот поцелуй был даже сильнее предыдущего.

Его пальцы погрузились в мои влажные волосы. Я подняла свои руки, обняла его за шею, держалась за него так, словно он был моим якорем. Я стояла на цыпочках. Мои локти уперлись в его плечи, и, закинув руки за голову, я схватила свой капюшон и одела его на наши головы. Я столько лет ждала, чтобы поцеловать его, и мне не хотелось делить Лаклана. Даже с дождем.

Он капал вокруг нас, задевая мой капюшон, когда Лаклан мягко наклонил мою голову. Поцелуй углубился. Я почувствовала его язык напротив моих губ. Я открыла рот. Лаклан

застонал, а я ответила хмыканьем. Я не знала, правильно ли было то, что я делала. Я просто следовала за тем, что заставляло меня чувствовать себя хорошо.

Медленно, мой язык коснулся его. Лаклан прижался ближе. Я чувствовала его сквозь джинсы. Я дышала через нос.

Он оторвался от меня.

Лаклан тяжело дышал. Он оперся своим лбом о мой.

Мы не произнесли ни слова.

ГЛАВА 27. УПРАВЛЯЯ НАЧАЛОМ

Еще одно утро.

Еще один день в кабинете доктора Ратледж.

Прежде, чем она сможет спросить меня, в порядке ли я и что произошло дальше, я открываю рот, и слова льются из моих уст...

ГЛАВА 28. СЧАСТЬЕ

— Мне нравится, что ты тут сделала.

— Правда? — спрашивает Лана.

Я повернулась и улыбнулась. — Правда.

Я обошла кругом гостиную Ланы, смотря на небольшие штрихи, которые она внесла по всей квартире, чтобы сделать это место своим.

Оказывается, можно найти хорошие вещи в комиссионных магазинах. Или просто у Ланы наметан глаз. Она выбирала вещи, которые сами по себе выглядели использованными и уродливыми. Но вместе же — это было совсем другое дело.

Здесь был большой, белый, потертый книжный шкаф, который стоял сбоку от центра гостиной. Удобный, коричневый диван с большим, позолоченным зеркалом, висевшим позади него. И на любом свободном месте были цветы. На кухонном столе, журнальном столике. Настоящие или искусственные. Для Ланы это не имело значения. Я спросила, зачем ей так много. Она сказала, что когда смотрит на них, то ее настроение тут же поднимается.

Лана посмотрела вниз на подушку, лежащую на ее коленях, дергая выбившуюся нить. — Было весело выбирать все эти вещи.

— И было весело переходить из магазина в магазин, выбирая эти вещи вместе с тобой.

Я устроилась поудобнее на диване и бросила на нее оценивающий взгляд.

— У тебя все хорошо? — спросила я.

— Да. Я в порядке.

Это был ее стандартный ответ. Каждый раз, когда она так говорила, ее голос был неискренним. Но сегодня, я услышала волнение и увидела маленькую искорку надежды в ее глазах.

Она подтянула колени к груди и наклонилась, как если бы собиралась поделиться секретом.

— Я записалась на онлайн курсы в колледже, — призналась она.

— Это замечательно!

Лана пожала плечами и отвела взгляд, пряча свое раскрасневшееся лицо. — Это не много, но...

Я подняла руку. — Остановись, прямо сейчас. Не говори, что этого мало. Это огромный шаг в правильном направлении.

— Я знала, что ты так скажешь.

— А для чего еще нужны друзья?

Лана тепло улыбнулась. — Я все еще хочу найти работу.

— Это хорошо, — произнесла я неуверенно.

Лане нужно было сделать как можно больше самой. Я, конечно, могла поощрять ее хоть до посинения, но, в конечном итоге, именно она должна была быть тем, кто примет окончательно решение.

— Наверное, — произнесла она, когда проводила пальцами по подушке на диване. — Я думала о том, что ты сказала.

Я кивнула, поощряя ее продолжать.

— Я трижды заходила вчера в книжный магазин. Бродила вокруг полок, уставившись на кассовый аппарат, просто ждала, набираясь храбрости, чтобы подойти туда и спросить о заявке. Я трусила каждый раз и теперь все, кто там работают, думают, что я — сталкер.

Она слабо улыбнулась. Я нахмурилась.

— Я говорила, что помогу тебе найти работу.

— Знаю. Но, мне хотелось иметь преимущество. Я не могу жить за счет своих сбережений до конца жизни.

— Это был бы хороший способ прожить жизнь, да? — дразнила я.

— Лучший.

— Послушай..., — говорю я серьезно. — Прошло всего три недели. Ты только начала использовать этот новый шанс в своей жизни. Дай ему еще немного времени.

— Сколько времени мне нужно?

— Не важно. Нет определенного отрезка времени и срока годности. Все время в твоём распоряжении.

Она окинула меня взглядом и спокойно спросила, — Как Макс?

— У него все хорошо.

Я не рассказывала ей о разговоре между Максом и ее отцом. Я не видела причин, почему она должна знать. У нее все было хорошо, поэтому, зачем мне поднимать эту тему? Весь прогресс, которого она достигла, разлетелся бы на мелкие кусочки.

— Ты говорила с Лакланом? — спросила она. Ее тон был беззаботным, но она пристально за мной наблюдала.

Я подошла к двери патио, осматривая здания вокруг нас. Мне не хотелось говорить о нем. Он был призраком, которого следовало похоронить. Все те воспоминания, которые у меня были связаны с ним, должны были остаться похороненными вместе с ним. Но даже простое упоминание его имени всколыхнуло эти воспоминания: мы лежим на спине, на полу в домике на дереве, разговаривая, разговаривая и разговаривая. Тот самый первый поцелуй, который перевернул с ног на голову мой мир.

Я сглотнула и закрыла глаза, пытаясь заставить эти воспоминания исчезнуть.

Мои глаза распахнулись. Я все еще стояла на месте. До сих пор в квартире Ланы, а мое сознание было в прошлом. Я сглотнула комок в горле. — Нет.

— Ни разу?

— Неа, — повторила я, мой голос был напряжен.

— Это... странно.

Я повернулась. — Почему странно?

— Он был частью твоей жизни последние десять лет.

— И что?

— Просто странно, что ты просто вычеркнула его.

— Я не вычеркивала его.

Она наклонила голову. — Тогда как ты назовешь то, что делаешь?

— Все изменилось, Лана.

— Я знаю об этом лучше кого бы то ни было. Но ты не можешь просто...

Мои внутренности мучительно скрутило. Это был разговор, к которому я не была готова.

— Перестань, — прервала я.

— В чем дело? — маленькая улыбка появилась на лице Ланы, когда она взмахнула рукой между нами. — Обычно, ты была тем, кто раздавал советы и направлял меня в правильном направлении.

Вот, что Лана думала, она делает? Она думала, что Лаклан был правильным направлением?

— В поучении нет необходимости, Лана. Я в порядке, — ответила я мягко.

Мое дыхание участилось. Я скрестила руки, но это было только для того, чтобы скрыть мои сжатые ладони. Я хотела поделиться с ней тем, что происходит в моей жизни, но говорить о Лаклане я отказывалась. Я громко вздохнула и взяла свой кошелек.

— Мне нужно идти. Увидимся позже?

Лана довольно долго смотрела на меня, не отводя взгляд. В какой-то момент, я испугалась, что она увидела правду.

— Да, — произнесла она медленно. — Увидимся.

Я ехала по Линкольн Роуд. Это около пяти миль от дома Макса.

Окно в машине было открыто, впуская запах топлива. Было немного пасмурно, но это не мешало детям играть с разбрызгивателем на переднем дворе. Мимолетно взглянув на них, я проехала мимо.

Все, о чем я могла думать, был... Лаклан.

Я не думала о том, что Лана упомянула его имя. Он был тем, о ком мы едва вспоминали.

Он появился в моей жизни в подходящее время. И когда он уехал, я знала, что на это была своя причина. Кроме того я понимала, что ничего не закончилось. Я знала, что он вернется в мою жизнь. Я Просто я не была готова.

Свернув на дорогу, ведущую к дому Макса, я увидела его машину, стоящую перед гаражом. Серебряный БМВ был припаркован на круглой подъездной дорожке. Я проигнорировала гудение в ушах и вцепилась в руль, пытаюсь получше рассмотреть машину.

— Черт, — прошептала я.

Это была машина отца Ланы.

Я припарковалась возле машины Макса, руками схватившись за руль так, что костяшки пальцев побелели. Я пыталась представить, почему отец Ланы находился здесь. Может, это был безобидный визит. Может быть, он приехал по работе. Хотя какая разница, любой возможный сценарий заканчивался одинаково плохо.

— Черт, — повторила я.

Первым моим порывом стало дикое желание развернуть машину. Убратся подалее отсюда. Подальше от отца Ланы.

И что же я на самом деле сделала? Я осталась.

Мне нужно было знать, о чем они разговаривали.

Я шла по тротуару. Мои ноги подкашивались. Я собиралась позвонить в дверь, но в последнюю минуту остановилась. Сейчас, когда я знала, что отец Ланы находился здесь, мне хотелось быть максимально неприметной. Быть шпионом, который прокрадется туда и вернется обратно, никем незамеченный.

Я зашла внутрь и осмотрела фойе. Люси, горничная Макса, разворачивалась с корзиной для белья в руках, чтобы затем подняться наверх по лестнице. Она остановилась и посмотрела на меня с широко открытыми глазами. Ей было немного за пятьдесят. Ее каштановые волосы были окрашены сединой у висков. Она приходила сюда трижды в неделю.

Я прижала указательный палец к губам, после чего поманила ее подойти ближе.

— Как давно они уже там? — прошептала я.

— Не долго. Минут пять.

— Хорошо. Я ..., — я перестала говорить, как только бросила взгляд на ее лицо. Она прикрыла бы Макса, случись что-нибудь. Со мной же была абсолютно другая история.

— Наоми, Вас не должно быть здесь, — прошептала она мне.

— Я уйду через пару минут.

Я похлопала ее по плечу, обнадеживающе улыбнулась и незаметно прокралась к двери Макса. Шаги Люси послышались выше, над моей головой.

Я прижала ладони к двери и полностью сосредоточилась на том, что там говорили.

— Зачем ты здесь? Зол, что твоя дочь пропала? — голос Макса был напряженный, даже слегка гневный. — Помоги мне. Скажи, в чем дело?

— Я знаю, что ты разумный человек, мальчик мой...

Я закрыла глаза и мягко прислонилась лбом к двери. Это точно был Майкл.

Изначально я планировала подслушать их разговор в течение нескольких минут и уйти оттуда прежде, чем кто-нибудь заметит меня. И все же, я немного отошла от плана, начав поворачивать ручку двери. Она открылась всего лишь на дюйм, но этого было достаточно, чтобы заглянуть внутрь. Я закрыла левый глаз и повернула лицо, смотря внутрь правым.

Отец Ланы ходил по комнате. Он был одет в черные брюки, белую костюмную рубашку и темно-синий галстук. Его редкие каштановые волосы были расчесаны по пробору. Ни волоска не выбивалось

— Я просто пришел сюда поговорить с тобой, — говорил ее отец. — Как мужчина с женщиной.

Макс фыркнул и откинулся назад на своем кресле. Он не спускал глаз с отца Ланы.

— Просто скажи, что должен сказать, и уходи.

Ее отец остановился и повернулся лицом к Максиму. Я не видела его лица, но наблюдала за языком его тела. За тем, как он стоял, как скрестил руки.... — Чтобы не говорила тебе моя дочь, это не правда.

Макс ничего не ответил.

— Я понимаю, ты думаешь, что поступаешь правильно. Ты думаешь, что защищаешь ее, пытаешься быть героем. И я считаю, что это замечательно... — Он осветил Макса своей политической улыбкой. Той, что всегда заставляла всех чувствовать себя непринужденно, —

...но, здесь некого спасать. Все в порядке.

Макс не купился на его слова или улыбку. Он опустил локти на стол. Обе его руки были сжаты в кулаки и прижаты к губам. Он сидел там, смотря холодным пристальным взглядом на отца Ланы, а часы оповещали о проходящем времени. Наконец-то, он пошевелился. Одну руку он положил на стол, другую направил прямо на отца Ланы.

— Ты можешь сидеть там и улыбаться, говорить, что ничего не произошло. Можешь сказать, что никогда бы не сделал ничего, что ранило бы твою дочь. Но мы оба знаем, что все это гребаное представление.

Плечи Майкла напряглись.

— Мне интересно, что будут делать все жители Маклина, когда узнают, что ты действительно из себя представляешь.

— Я никто иной, как любящий муж и отец, — твердо произнес отец Ланы.

Гнев плескался в глазах Макса, заставляя его дрожать. Он был бомбой замедленного действия, готовой взорваться в любую секунду.

— Мне насрать, кем ты себя считаешь. Для меня ты — чертов насильник, — взревел Макс.

— Ты подозреваешь меня в том, что нанесет огромный удар по моей репутации.

Макс мрачно улыбнулся. — Это не подозрение, а обвинение. Это правда.

— Ты там был? Ты собственными глазами видел то, о чем говорит моя дочь?

Мои внутренности сжались от его снисходительного тона.

— Мне не нужно присутствовать при этом, чтобы знать, что это правда, — ответил Макс. — С того самого дня, как я впервые встретил тебя, я знал, что с тобой что-то не так. У тебя всегда на все был ответ. Да и улыбка никогда не сходила с твоего лица. Ты изо всех сил старался быть хорошим. Я должен был сразу понять, что подобная улыбка должна была скрывать твою дерьмовую сущность.

— Достаточно! — отрезал ее отец.

Он отвернулся от Макса, и мне стало хорошо его видно. Его руки были прижаты к бедрам. Челюсть сжата, а кожа выглядела бледной и липкой. Он сделал несколько вдохов, пока смотрел в пол. Я видела, как он борется, пытаясь вернуть себе самообладание. Макс всего лишь слегка зацепил Майкла, но даже при том, что я до смерти боялась его сейчас, я не смогла сдержать улыбки, которая расплылась по моему лицу.

Отец Ланы сделал глубокий вдох. Улыбка появилась на его лице, когда он снова повернулся к Максиму.

— Мы все делаем неправильно. Я пришел сюда лишь для того, чтобы устранить возникшие между нами разногласия, — сказал он, садясь напротив Макса. Его тело было слегка наклонено вперед, локти покоились на коленях, а пальцы были сплетены. — Твои взгляды относительно скупки и продажи акций не имеют равных. Мы можем перестать работать вместе, но это не значит, что я не буду рекомендовать тебя коллегам-бизнесменам.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Я кинул тебя как своего клиента, и в благодарность ты порекомендуешь меня своим коллегам — «бизнесменам»? — спросил Макс в недоверии.

— Да, ведь я справедливый человек.

— Ты же сам прекрасно понимаешь, что это не так. Ты не справедливый, а отчаянный. И ты здесь для того, чтобы убедиться, что я буду сидеть тихо и не разрушу твою идеальную

репутацию.

Отец Ланы не произнес больше ни слова.

Макс приподнял бровь, с мрачной улыбкой на лице. — Я прав?

Отец Ланы наклонился ближе. Стул закрипел под ним. — Ты не знаешь, что творишь. Ты... ты делаешь неправильный выбор. — Спокойствие исчезло из его голоса, сменяясь низким и зловещим тоном. Он наконец-то показал истинного себя.

Макс раскрыл ладони. — Я воспользуюсь шансом. А теперь иди. Уходи к чертовой матери.

Отец Ланы ударил руками по обоим подлокотникам, после чего встал. Макс встал вместе с ним, готовый выставить его.

Но я заметила хитрую улыбку на лице Майкла и поняла, что у него было кое-что припрятано в рукаве. Когда Макс обходил вокруг своего стола, отец Ланы остановил его, схватив за руку. Макс взглянул на него с негодованием. Майкл втиснулся в личное пространство Макса и мрачным голосом произнес: — Сынок, твое время в этом городе на исходе. Но я все еще буду здесь и все, что было моим, моим же и останется.

Глаза Макса закрылись, и мне захотелось подойти к нему. Я никогда не видела его таким. В его глазах читалась ненависть. Ослепляющий гнев, который подвергал опасности все, что находилось в пределах его досягаемости. Он перестал ясно мыслить и двигался так быстро, что у отца Ланы не было и шанса отреагировать. Макс схватил Майкла рукой за шею. Одним резким движением он ударил его лицом об угол стола. Я слышала звук, характерный для ломающихся костей. Отец Ланы закричал. Его крик был заполнен болью, и это заставило мое тело дрожать от страха.

Одного удара было бы достаточно, но Макс не останавливался. Его давление на шею Майкла усилилось. Макс стукнул его лицом по столу еще пару раз, и я поняла, что он не остановится до тех пор, пока отец Ланы не будет мертв. Я толкнула дверь, открывая, и побежала через комнату.

— Остановись!

Макс не остановился. Он даже не посмотрел на меня. Его челюсть был сжата, ноздри раздувались. Он двигался так, будто был в трансе.

Я схватила Макса за руку и потянула. — Прекрати! Ты убьешь его! — закричала я.

Макс посмотрел на меня. В его глазах застыл дикий взгляд, который заставил меня покрыться мурашками. Он задыхался. Его плечи быстро поднимались и опускались. Он все еще держал отца Ланы за шею железной хваткой. Я глазами умоляла его отпустить Майкла и уйти.

Макс отпустил его. Майкл упал, словно тряпичная кукла. Он стонал, держась за свой истекающий кровью нос. Кровь сочилась между его пальцами и капала на пол. Я проигнорировала его, обошла вокруг, и обхватило лицо Макса руками. Я заставила его отступить на несколько шагов назад, но его взгляд по-прежнему был прикован к отцу Ланы, лежащему на полу. Все его тело было напряжено и практически дрожало от гнева.

— Не надо, — шептала я отчаянно.

Я ждала, когда из его глаз уйдет вся злость, и вернется здравый смысл. Наконец-то он сглотнул и посмотрел на меня. Казалось, часть его гнева исчезла, и я увидела маленькую частичку Макса, которого знала.

Отец Ланы застонал, пытаясь схватиться за стол и подняться.

Глаза Макса переместились на него. Низким голосом он сказал: — Проваливай.

Я продолжала держать Макса. Я не доверяла ему. Он, возможно, немного и успокоился, но для меня этого было недостаточно, чтобы отпустить его. Я посмотрела через плечо на отца Ланы. Он полез в задний карман своих брюк, достал оттуда носовой платок с монограммой и вытер кровь с лица. Он иронично рассмеялся, когда увидел кровь на своей рубашке. Вместо того, чтобы смотреть на Макса — человека, который сотворил это с ним — он не сводил глаз с меня.

Я никогда не понимала, почему Лана отказывалась говорить, что ее отец сделал с ней. Но эти холодные, мертвые глаза, смотрящие на меня, заставили меня понять, почему она была так напугана. Его губы округлились в понимающую улыбку, словно он точно знал, о чем я думаю. Мое дыхание участилось.

У меня возникло такое ощущение, что воздух медленно испарялся из комнаты. Небольшие пятна начали появляться в поле моего зрения.

Макс пробормотал проклятие, прикрывая его дыханием. Шестерёнки завертелись. Он встал передо мной и указал на дверь. — Я сказал, убирайся! — проорал он. Даже будучи в синяках и окровавленным, у Майкла еще хватало наглости ухмыляться мне. Выражение его лица было спокойным, когда он посмотрел на Макса пронзительным взглядом. — Подумай о том, что я сказал.

С этими словами он ушел, насвистывая мелодию, которую я не знала. Его шаги отзывались эхом в холле. Мы с Максом замерли на месте в ожидании его ухода. Несколько минут спустя парадная дверь захлопнулась. Окна задребезжали. Напряжение повисло в воздухе.

Я отпустила руку Макса. Он отошел, руками сжимая затылок, и поднял взгляд на потолок.

Мгновение спустя, слышались шаги, спускающиеся вниз по лестнице. Люси стояла в дверном проеме. Я даже забыла, что она тоже находилась в доме. Ее дыхание участилось, когда она посмотрела на Макса. Кровь Майкла была на его рубашке, руках и даже немного ее попало ему на лицо. Люси не произнесла ни слова.

— Ты можешь взять выходной, — быстро сказала я.

Она смотрела на Макса. Продолжая смотреть вверх, он утвердительно кивнул. Минуту спустя, она ушла.

В доме стояла абсолютная тишина. Наконец-то, мы остались вдвоем.

— Что ты здесь делаешь, Наоми? — грубо спросил Макс.

— Что я..., — я покачала головой в неверии. — Что я здесь делаю? Что он, черт возьми, здесь делал?

— Не знаю, — ответил Макс. Он все еще не смотрел на меня. — Я открыл чертову дверь, и на пороге стоя он. У меня было, что ему сказать, поэтому я его впустил.

— Размозжение его лица имело отношение к тому, что ты хотел ему сказать?

Его руки опустились. Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, его глаза вспыхнули. — Я не собираюсь извиняться! Я сделал то, что мечтал сделать с этим ублюдком с тех пор, как узнал правду!

— Я не прошу тебя извиняться. Я прошу тебя подумать! — закричала я. — Он пытался спровоцировать тебя. Все, чего он ждал, так это именно этого момента. Ждал твоей реакции. И ты дал ему то, чего он хотел.

Я протянула руку и ткнула пальцем в середину ладони. — Он хотел, чтобы ты ел с его руки. Прямо с его руки!

— Все в этом треклятом городе едят с его чертовой руки! — взорвался Макс. — Он привык командовать, и никто не пойдет против него. Сегодня он получил маленький кусочек реальности. В следующий раз, этот кусочек не будет таким маленьким.

Мои нервы были изодраны, да и нервы Макса поджарились на огне несколько минут назад. Мы оба уставились друг на друга, еле переводя дыхание.

Часть его гнева начала улетучиваться. Он отвернулся, испачкав кровью Майкла свой воротник.

— Вот дерьмо, — выдохнул он и вышел из комнаты, на ходу расстегивая свою рубашку. Я пошла за ним вверх по лестнице.

Закрыв дверь, я прислонилась к стене. Макс снял свою рубашку, смял ее и кинул в угол. Он шагал по комнате, словно загнанное животное.

— Ты должна была позволить мне покончить с ним, — сказал он.

— Хорошо. Ты бы прикончил его. И что дальше?

— Он был бы мертв, и никому не пришлось бы снова иметь с ним дело!

— Нет. Он был бы мертв, а ты был бы за решеткой. И потом, что будет со мной? Кто будет со мной?

Это отрезвило его. Он опустил руки и подошел ко мне. — Мне жаль, — произнес он, его голос был мягок. — Сожалею, что это произошло у тебя на глазах.

Пальцами он начал расчесывать мои волосы. Макс взглянул на меня серьезным взглядом, подмечая каждую черту, а затем поцеловал меня. Его губы были прижаты к моим. Плотно. Не двигаясь... просто вот так.

Я обхватила руками его лицо и попыталась углубить поцелуй, но он так и не двигался. Адреналин все еще бежал сквозь меня. Мне хотелось передать эту энергию через поцелуй Максу вместо того, чтобы спорить с ним. Вдыхая через нос, я двигала губами напротив его губ. Макс даже не пошевелился. Наклонив голову в сторону, я провела языком вдоль его губ. Никакой реакции.

Он специально сдерживался, не позволяя желанию взять верх над собой.

И я ненавидела это. Мне хотелось забыть, что произошло внизу.

Внезапно хватка Макса на моем лице усилилась, его губы начали медленно двигаться напротив моих, после чего его язык проскользнул в мой рот. Я еле переводила дыхание.

Я могла почувствовать отчаяние, страх и потерю, которые скрывались в этом поцелуе. И это пугало меня больше, чем что бы то ни было. Я схватила его за плечи, и моя хватка граничила с болью и отчаянием.

«Нам не о чем было беспокоиться. У нас все будет хорошо». Мне так хотелось ему сказать об этом, но я не могла отстраниться от него на столь длительное время.

Я направилась к кровати, и Макс проследовал за мной. Возможно, скорость его поцелуя увеличилась, но его руки по-прежнему двигались довольно медленно, и меня это не устраивало. Я начала быстро раздевать его, и он присоединился, помогая мне избавиться от одежды.

И когда мы оба оказались раздетыми, он позволил мне взять инициативу в свои руки и нависнуть над ним. Все на этот раз было иначе.... Я начала покрывать поцелуями его скулы, затем шею, постепенно спускаясь вниз по его телу. Его кожа горела под моими губами. Я поцеловала его в одно плечо, затем в другое, после чего мои губы начали спускаться вниз по кубикам его пресса.

Рука Макса придерживала мою голову. Он приподнял меня, пока мы не оказались

лицом к лицу, и поцеловал меня так, что мои губы еще долго останутся опухшими. Я застонала, и он проскользнул внутрь меня одним ловким движением.

Я медленно двигалась вверх и вниз, наблюдая за ним все это время. Каждый раз, когда его бедра поднимались, его руки, находящиеся на моей талии, напрягались.

Я цеплялась за них.

ГЛАВА 29. ВРЕМЯ ВЫШЛО

Ранним пятничным утром в начале августа, я внезапно проснулась.

Не было никакого бредового сна, в котором бы я падала навстречу смерти и просыпалась буквально за секунду до приземления. Я проснулась рано утром без какой бы то ни было причины.

Я взглянула на часы. 5:32 утра.

В квартире Ланы было тихо. Выбравшись из кровати, я распахнула шторы. Начинаясь новый день. Небо было светло-серым. Солнце уже было готово взойти. Большая часть города все еще спала. Улицы были окутаны туманом.

Я скрестила руки у груди и прислонилась к окну. Все было таким умиротворяющим и тихим, но моя интуиция подсказывала мне, что что-то не так. Происходящее напоминало чем-то затишье перед бурей.

Это ощущение тотчас же вернуло меня к мысли о Майкле. С той ссоры между ним и Максом прошло уже несколько недель. Мы с Максом ждали его мести. Звонка. Преследования. Обвинения. Были даже мысли о том, что он зайдет настолько далеко, что заставит кого-нибудь сделать за него всю грязную работу.

Но ничего не происходило. Вообще ничего.

Через несколько недель мне предстоит вернуться к учебе. Мои родители вернутся домой через пару дней. Моя старая, обычная жизнь уже ждет меня с распростертыми объятьями. Однако, сомневаюсь, что я смогу вернуться к прежней жизни. Как я могу сделать это, зная, что произошло с Ланой и кем на самом деле является ее отец?

Отсутствие мести со стороны Майкла должно было меня успокоить, но этого не произошло. Я сильно беспокоилась. В настоящий момент у него было преимущество, и я прекрасно это понимала. Да и он сам знал это. Он выжидал идеальный момент, чтобы нанести удар.

Лана знала, что рано или поздно это произойдет. И это была слишком важная информация, чтобы я могла скрыть ее от нее. Она отреагировала именно так, как я и ожидала. Сняла вину с меня и Макса. Она винила себя за то, что произошло. Она считала что это произошло по тому, что она скрывается от отца в своей новой квартире. Понадобилось несколько дней, чтобы она снова пришла в норму. Всегда, когда я виделась с ней, я пыталась найти хоть какое-нибудь свидетельство того, что она разговаривала с отцом. Потому что на прямые вопросы она отвечала, отрицательно качая головой.

Мое шестое чувство отказывалось покидать меня, и чем дольше я стояла у окна, наблюдая за восходом солнца над городом, тем более нервной и испуганной я становилась.

Закрыв шторы, я вышла из спальни. Подойдя к холодильнику, я начала искать что-нибудь съедобное. Я пыталась убедить себя, что слишком эмоционально реагирую, и что это ощущение вытекает прямиком из моей паранойи. Я постукивала пальцами по краю холодильника, когда услышала, как газета ударила о входную дверь. Я выпрямилась и

медленно развернулась.

Не могу похвастаться тем, что я постоянно смотрела новости или читала газеты. Все, что я делала, так это читала первую страницу, а затем продолжала заниматься своими делами. Но прямо сейчас я стою, не шевелясь. Часы тикали, холодильник гудел, и я стояла возле него, словно в оцепенении. Мой взгляд был устремлен на дверь. Я подошла к ней и открыла. Газета была развернута и перевязана зеленой резинкой.

Я не потянулась за бумагой. Я просто смотрела на маленький фрагмент первой страницы. Все, что я видела, это профиль лица: один глаз, резкая линия носа и губы, сжатые в тонкую линию. Мое сердце замерло. Все мое тело онемело.

— О Господи, — прошептала я.

Все вокруг стало размытым, когда я подняла газету и вернулась в гостиную. Я перечитывала статью снова и снова, но информация не укладывалась в моей голове. Только фразы «арестован» и «продажа инсайдерской информации» бессвязно мелькали перед глазами. Мне стало тяжело стоять. К глазам прилила кровь.

С газетой в руке, я направилась в спальню Ланы. Я постучала в дверь несколько раз, но никто не открыл, поэтому я зашла внутрь. Ее кровать была заправлена, а свет — выключен. Ланы там не было.

Я неподвижно стояла там некоторое время, после чего выбежала из спальни, переоделась, схватила свои ключи и вышла из квартиры.

Я позвонила Макс. Все мои звонки перенаправлялись на голосовую почту.

В отчаянной попытке доказать, что газета ошибается, я поехала к его дому. Я даже не потрудилась заехать на подъездную дорожку. Резко нажав на тормоз, я выглянула через пассажирское окно. У его дома были припаркованы машины, которых я раньше никогда не видела. Может, приехали его родители?

Не было смысла останавливаться там, если его там нет, а я понимала, что его там не было.

Я поехала к дому родителей Ланы.

Если бы Лана знала, что случилось с Максом, а я думаю, она знала, то тогда бы она отправилась сюда. Она бы вернулась в родительскую обитель. Отчасти из-за страха, а отчасти из-за уверенности, что все может быть решено, если она вернется.

Я сидела в машине, припарковавшись на подъездной дорожке. Газета лежала на пассажирском сидении, напоминая злое существо, ожидающее подходящего момента, чтобы напасть. Солнце встало, но набежали облака, создавая серую завесу над городом Маклин.

Чем дольше я там сидела, ничего не делая, тем больше времени теряла. Чего я жду? Я схватила газету и просмотрела первую страницу.

Хотите услышать короткую версию событий?

Макс был обвинен в торговле инсайдерской информацией шестерых своих клиентов. Ни одного имени озвучено не было. В статье не говорилось, какие у них были доказательства, кто выступал в качестве обвинителя. Но в самом конце статьи говорилось, что тому, кого обвиняют в торговле инсайдерской информацией, может грозить до 20 лет лишения свободы и смехотворная сумма штрафа.

Вся эта история была облачена тайной. Ничего правдивого и достоверного в

написанном там не было. Я знала, что Макс был достаточно умным, чтобы не вступать на дорожку торговли инсайдерской информацией, но не все так считали. Если впоследствии обвинения и будут сняты, то это не будет иметь особого значения, потому что этот скандал разрушит карьеру Макса и развалит компанию его семьи.

Майкл приложил к этому руку. И я была в этом уверена.

Держа газету в руке, я вышла из машины. Я понятия не имела, что собиралась сделать. Я просто знала, что должна сделать хоть что-нибудь.

Я дважды подумала о том, чтобы вломиться в дом родителей Ланы. С кухни и сверху доносились голоса. Они достаточно хорошо заглушили мой приход, благодаря чему Лана и ее мать не заметили, когда я вошла. Они находились в гостиной. Лана сидела на диване, а ее мама сидела напротив нее, погрузившись в кресло Людовика XV. Спина ее матери была выпрямлена; ноги скрещены. Руки Ланы покоились на коленях. Ее правое колено не переставало дергаться.

Я скользнула в столовую, находящуюся напротив гостиной.

Никто не произнес ни слова. Ее мать потянулась за кофе, стоящим на полированном столе, находящемся перед ней. Она держала блюдце и медленно вращала ложкой, не сводя глаз с жидкости. Лана нервно смотрела на нее.

— Перестань дергаться, — выплюнула ее мать.

Лана застыла.

Ее мама сделала глоток кофе, после чего поставила чашку обратно на стол и откинулась назад на своем кресле, скрестив ноги. Пальцами рук она обхватила подлокотники. Она выглядит величественной и гордой, словно королева, сидящая на своем троне, зная, что никто не заговорит или не двинется, пока она сделает это первой.

Ее мать прочистила горло и посмотрела на своего ребенка, — Ты же знаешь, что твой отец не хотел делать этого...

— Но сделал.

Глаза ее матери сузились, когда она наклонилась ближе. — И знаешь почему? Потому что ты сфабриковала эту ложь. Единственная причина, по которой этот парень находится сейчас в таком положении, это ты. Все это случилось только из-за тебя.

— Я ничего не фабриковала!

Ее мать ехидно рассмеялась. — Конечно же, нет.

Лана проигнорировала слова матери. — Он лишь пытался помочь мне.

— Но ты солгала, — неистово продолжала ее мать. — Ты всегда выдумывала вещи, которых не было на самом деле.

Лицо Ланы пересекла обида. Ее нога снова начала дергаться. — Ты прекрасно знаешь, что папа сделал это. Я знаю, что ты в курсе произошедшего.

Ее мать не произнесла ни слова. Она просто сидела там, смотря на Лану с нечитаемым выражением лица.

Лана встала и обошла кофейный столик. — Никогда не могла понять, почему ты избегала того, что происходит. Или как тебе удается запрятать все под ковер, пытаясь притвориться, будто ничего не происходит. Как ты могла игнорировать меня, когда я больше всего в тебе нуждалась?

— Хватит! — прокричала мама Ланы, после чего резко встала со своего трона. Я видела, как ее руки дрожали от гнева.

Ей нужно сделать всего лишь три шага до своей дочери, чтобы обнять ее. Но мама Ланы

рассматривает пространство между ними так, словно это мили. Чем дольше жила Лана, тем сложнее ее матери приходилось делать шаг вперед.

— Прими свою жизнь такой, какая она есть, — произнесла ее мать.

— Что?!

Ее мать приподняла подбородок. — Не прикидывайся жертвой и не сиди здесь с этим несчастным выражением лица, надеясь, что тебя кто-нибудь пожалеет. Ты должна принять жизнь такой, какая она есть.

— И что же это за жизнь? — прошептала Лана.

Ее слова были бесцельными. Она разговаривала со спиной своей матери. Лана осталась одна в комнате. Ее мама вышла в фойе, напевая какую-то мелодию себе под нос. Горничная подошла к ней с букетом цветов в руке. Мама Ланы блистательно заулыбалась, после чего наклонилась, что понюхать их.

— Они прекрасны, — одобрительно сказала она. — Просто прекрасны.

Похлопав по плечу горничную, она продолжила идти по коридору. Стук ее каблучков отдавался громким эхом.

Я повернулась обратно к Лане. Некоторое время она пристально смотрела в моем направлении. У нее ушло пару секунд, чтобы заметить, что я стояла там.

Она яростно посмотрела на меня, после чего поспешила ко мне через фойе.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она.

Я вытащила газету, удерживая ее между нами. Она не взяла ее в руки, а просто смотрела на лицо Макса пустым взглядом.

— Ты уже знаешь, не так ли?

Она бегло осмотрела коридор, а затем указала головой в сторону входной двери. — Снаружи?

Я кивнула и последовала за ней. Дверь закрылась со щелчком. Вместо того, чтобы перейти прямо к разговору, Лана вздохнула и села на верхнюю ступеньку, осматривая длинную подъездную дорожку задумчивым взглядом.

— Я узнала это прошлой ночью, — призналась Лана. — Ты спала, и я не хотела будить тебя. Тебе нужен был перерыв от всего этого. Я вернулась домой, чтобы узнать, что происходит.

— Почему... почему ты не разбудила меня?

— Потому что тебе нужен был перерыв. Посмотри, во что превратилась твоя жизнь. Все твоё лето превратилось в дерьмо.

— Думаешь, это твоя вина?

— Я знаю, что так оно и есть. Так же, как и ты думаешь, что должна быть здесь ради меня. Но это не так. Я сама должна защищать тебя от своей никчемной жизни.

— Это не правда.

— Все разрушилось, — прошептала она сломлено.

Складывалось ощущение, будто она абсолютно не слышала меня.

По моей спине пробежал холодок.

— Нет, это не так. Обвинение снимут, и все вернется на круги своя.

— Ты можешь перестать? — взорвалась Лана. Я попятилась назад. Она грустно рассмеялась и уставилась на траву. — Ты слышала мою маму. Ничего бы из этого не случилось с Максом, если бы не я!

— Твоя мама — человек, который решил верить своему мужу, а не собственной дочери.

Не слушай ее. Она понятия не имеет, о чем говорит.

Лана прижала колени поближе к груди. В ее глазах поселилось поражение. То самое поражение, которое было у нее той ночью, когда я нашла ее в сарае.

— Ты же не переезжаешь обратно домой, не так ли? — тревожно спросила я.

Она ничего мне не ответила. У меня самой уже есть ответ на этот вопрос.

— Ты не сделаешь этого, — я схватила ее за руку, постепенно усиливая захват. — Ты вернешься в свою квартиру. И знаешь, почему?

Она смотрела на меня остекленевшими глазами.

— Потому что ты так продвинулась...., — ободрительно улыбнулась я. — Давай же, Лана. У тебя есть своя собственная квартира. Твоя собственная квартира, которая позволяет тебе приходить и уходить, когда тебе вздумается! Ты создаешь свою жизнь, построенную вокруг своих собственных решений. В прошлом году, могла ли ты делать подобное?

— Нет, — прошептала она.

— Ты считаешь, что должна вернуться потому, что прямо сейчас сложившаяся ситуация кажется тебе безнадежной. Ты не думаешь о том, что можешь быть сама по себе, и зря. Ведь ты действительно это можешь.

Я встала и протянула руку. — Что скажешь? Ты готова вернуться домой?

— Да, — она приняла мою руку. — Я сделаю это.

— Что будет с Максом? — спросила она меня, когда мы сели в машину.

Я не сводила глаз с руля. — Он выйдет из-под ареста. Обвинения снимут, и все снова будет как прежде. Обещаю.

Лана с сомнением посмотрела на меня. Могу ли я винить ее за это? Ведь я сама себе сейчас не верила.

ГЛАВА 30. ПЕРЕРЫВ

— Мы можем сегодня остановиться на этом.

Я поднимаю взгляд на доктора Ратледж. Мой пульс стучит молоточком под кожей. Мой голос начинает дрожать, когда я продолжаю свою историю.

Вместо того, чтобы начать задавать мне вопросы, доктор Ратледж не произнесла ни слова. Она откинулась в своем кресле, положив руки рядом с блокнотом.

Она сидит ровно, пальцы ее рук переплетены между собой. — Знаешь, что я думаю?

— Что? — устало спрашиваю я.

— Думаю, тебе стоит выбраться отсюда на выходные.

— Выбраться на выходные, — повторяю я.

— Я понимаю, что наши сеансы подобны испытанию для тебя, но ты делаешь существенные продвижения. Думаю, выходные вне больницы пойдут тебе на пользу.

Когда Лаклан впервые упомянул о том, чтобы провести выходные вне больницы, я не слишком поверила в эту идею. И когда я провалилась на групповой терапии, то подумала, что мои шансы хотя бы на несколько дней обрести свободу растворились в воздухе. Но, вот я здесь, и мне дается шанс выбраться. Хотя он и ограничен в сроке действия.

Я смотрю на нее скептически. У меня появилось такое чувство, слово в этой возможности таится какой-то подвох.

— Тебе нравится такая идея?

Я киваю. — Д-да! — заикаюсь я.

— Если ты считаешь, что еще не готова к этому, то можешь отказаться.

— Я, — говорю я быстро. — Я... Просто мне кажется, что тут есть какой-то подвох.

— Здесь нет никакого подвоха. Просто тебе нужен отпуск. Все нуждаются в перерыве. — Она пожимает плечами. — Считай, это своими каникулами.

Я громко выдыхаю. — Я согласна.

— Прекрасно, — торжественно говорит она, после чего встает. — Мэри поможет тебе собрать свои вещи, и завтра ты сможешь отправиться домой.

Один маленький, но очень важный вопрос, внезапно возникает в моей голове.

— Кто заберет меня? — спрашиваю я.

— Лаклан.

Мои страхи моментально просачиваются наружу. Я представляю себе, как доктор Ратледж разговаривает с Лакланом, как она рассказывает ему, насколько я безумна, и что никогда не смогу выбраться из этого места. И хотя доктор Ратледж доказала, что она на моей стороне, это не имеет никакого значения сейчас, ведь старые страхи никогда не умирают.

Думаю, она заметила страх, поселившийся в моих глазах. Она кладет руку мне на плечо и смотрит на меня с беспокойством.

— Я говорила с ним уже как-то об этом, — говорит она мягко. — На прошлой неделе он сказал мне о том, что хотел бы забрать тебя на выходные. Так что тебе не следует ни о чем волноваться.

Я сглатываю. — Спасибо, — шепчу я.

— А сейчас, — улыбается она, — отдыхай. Завтра у тебя большой день.

ГЛАВА 31. СПИЧКИ

Следующим вечером я шла по коридору с сумкой в руке. Мэри была рядом со мной; Лаклан прямо передо мной. Он был повернут ко мне спиной и разговаривал с доктором Ратледж.

Я возвращаюсь назад к несовершеннолетней Наоми. Той, что краснела рядом с ним. Чьи губы расплывались в глупой яркой улыбке, в то время как сердце дико стучало в груди.

Доктор Ратледж посмотрела поверх плеча Лаклана на меня. Ее брови приподнимаются, и она улыбается. — Доброе утро, Наоми.

Лаклан поворачивается и смотрит на меня. Бросает мне кривую усмешку. Мне кажется, что мое сердце ушло в пятки.

Он одет в простые джинсы, темно синюю рубашку и коричневый пиджак. Выглядит таким расслабленным и непринужденным. Он никогда не выглядел сексуальнее. — Ты только посмотри на себя, — говорит он, и тянется, чтобы взять мою сумку.

— Знаю. Ты можешь в это поверить? — Я поднимаю свою ступню. — У меня шнурки на обуви.

Мэри смеется. Святое дерьмо. Кто бы мог подумать, что у нее есть чувство юмора. Но со всей серьезностью, одевая одежду, которая в кои-то веки не была трениками, и, обувая ботинки со шнурками, я чувствую себя так, как будто часть меня вернулась на свое место.

Усмешка Лаклана остается на месте, когда он осматривает меня с головы до ног. Тяжелый груз ожидания осел в моем желудке, потому что в ту минуту, когда мы выйдем за парадные двери, он будет только моим. Не будет никаких медсестер, проверяющих нас или

говорящих ему, что пора уходить.

Я отвела глаза от него и посмотрела на доктора Ратледж. — Я могу идти?

Она держала дощечку с зажимом между нами. — Тебе нужно только подписать некоторые бумаги. — Она кладет ее на стойку рядом со мной и протягивает ручку.

Я быстро просматриваю содержимое страницы. В основном, это подписываемая форма, извещающая, что я, как пациент или опекун пациента, понимаю, что влечет за собой проведение выходных за стенами «Фэйрфакс».

Я смотрю на доктора Ратледж. — Мне не нужна подпись моих родителей?

Она прочищает горло и смотрит поверх моего плеча на документы. — Нет. Это только на выходные, — отвечает она спокойно. — И мне просто нужна твоя подпись.

Я не собиралась с ней спорить. Быстро нацарапала свое имя в нижней части документа и отошла в сторону. Переступая с ноги на ногу, я сморю на доктора Ратледж.

— Вот и все, — произносит она счастливо. — Хороших выходных, Наоми.

Мы с Лакланом выходим за дверь. Я делаю глубокий вдох свежего воздуха. Осматриваю машины на стоянке. В углу автостоянки были высокие сугробы снега от снегоочистителя. Соль рассыпана вдоль тротуара, чтобы предотвратить падение. И я рада, потому что сегодня я так взволнована и стремлюсь выбраться отсюда, что я бы побежала к машине Лаклана и грохнулась на задницу.

Я переставляла ноги, напоминая себе, что должна выглядеть как нормальный человек. Тот, который ходит по улице и ежедневно общается с людьми в реальном мире. Я смотрю на Лаклана. Его походка уверенная. Плечи расправлены. Подбородок немного приподнят, как бы подталкивая кого-нибудь встать у него на пути.

Когда я сажусь в его машину, то дышу на свои руки, пока мы ждем, когда машина прогреется. Лаклан кладет свою теплую руку на мое бедро и улыбается мне. — Ты готова?

— Абсолютно.

— Хорошо, — отвечает он и выезжает с парковочного места. — Это именно то, что я хотел услышать.

Он выезжает на дорогу и жмет на газ.

Искушение повернуться на месте и помахать «Фэйрфакс» было сильным, но, если я это сделаю, мой взгляд будет прикован к моему призраку, с тоской смотрящему на улицу, добавляя еще одну черточку на окне. Поэтому я смотрю только вперед, пока сухая, замерзшая трава пролетает мимо нас.

— Ты можешь расслабиться; мы в двух часах езды от моего дома, — говорит Лаклан.

— Как ты можешь ожидать, что я расслаблюсь? — махнула я рукой. — Я не сидела в машине несколько месяцев. Я должна все впитать! Сегодня была настоящая пытка. Я сидела в комнате отдыха целый день, смотря на часы.

— Если это заставляет тебя чувствовать себя лучше, то на моем столе лежит гора документов, потому что я не мог сконцентрироваться. Все закончилось тем, что я ушел с работы на час раньше. — Лаклан послал мне такую чувствительную, интимную улыбку, что моя грудь почти сжалась от боли. — Но, если ты хочешь продолжать осматриваться, тогда любой ценой... не позволяй мне тебя прерывать.

— Ха, — я ерзаю на своем месте. — Расскажи мне о своем доме.

— Что ты хочешь знать?

— На что он похож?

Он пожимает плечами. — Просто дом.

— Ну, же, — уговариваю я. — Мне нужно твое лучшее описание.

— Он маленький. Две спальни, одна ванна. Там небольшая кухня и гостиная. Ковер давно устарел, наравне с другими приспособлениями, но мне нравится.

— Ты оформлял его?

Он бросил на меня взгляд, говорящий: «О чем ты думаешь?»

Я усмехаюсь и наблюдаю, как тучи сгущаются на небе.

Мы сворачиваем на шоссе, объезжая Маклин. Я смотрю на то, как мой родной город пролетает мимо моего окна, похожий на пятно огня. Я, вероятно, должна была чувствовать какое-то притяжение к городу, в котором выросла, но этого не происходит. Единственной тягой, были воспоминания о Лане. Эти воспоминания раздирают мне сердце, кричат, что Лана где-то там. Может быть, не в Маклин, но где-то близко.

Мы сворачиваем то тут, то там, и вскоре уже подъезжаем в предместье Шарлоттсвиля. Мы остановились у ресторанчика фаст-фуда и заказали жирной еды, отчего мой желудок громко заурчал.

— Мы почти приехали, — сказал Лаклан.

— Все хорошо, — заверила его я. — Я веселюсь.

— Просто сидя в машине?

Я пожалала плечами и стащила немного картошки. — Я вижу проблеск твоей новой жизни в этом городе.

— Я все еще приспособливаюсь, — признается Лаклан. — Но приятно, когда никто не знает твоего имени. — Он смотрит на меня. — Тебе понравится.

— Если я когда-нибудь выберусь из «Фэирфакс», — бормочу я.

— Ты выберешься, — твердо говорит Лаклан.

Мы выехали за город. Машины начали встречаться реже, дороги становились уже и компактнее. Лаклан стал ехать медленнее, чтобы избежать выбоин. Волнение течет по моим венам, когда Лаклан заезжает на гравийную дорогу. Когда мы выехали из Шарлоттсвиля, пошел снег. Фары освещают замерзшие зерновые злаки, отчего они похожи на миллионы снежинок, танцующих в воздухе.

Поездка по его подъездной дорожке была жесткой. Меня подбрасывает на месте, и я хватаюсь за ручку, находящуюся у меня над головой, чтобы удержать себя.

— Ты каждый день ездешь так туда и обратно?

— Ага.

— Как твоя машина еще не развалилась?

— Здесь просто немного неровно, — спорит Лаклан.

Я бросаю на него взгляд.

— Хорошо..., — произносит он медленно. — Здесь действительно ухабисто. Но я скоро исправлю это.

В следующее мгновение он паркует машину. Я уставилась на дом перед нами. — Итак, это твой дом.

Он маленький. Белая краска отколупывается с одной стороны. Маленькое крыльцо, метла прислонена к дому. Не было никакого величия. Не было высококлассного дизайна. Это полная противоположность того, где мы росли.

Я не могла полюбить его еще больше. Он напоминает мне о домике в лесу.

Лаклан наклоняет голову, посылая мне ребяческую улыбку, напоминая пятнадцатилетнего мальчишку, в которого я влюбилась. — Вот и он. Что, оправдывает твои

ожидания?

Мое мнение имело для него значение. Даже когда я была ребенком, оно имело значение. Вот, что делало Лаклана моим спасением — я была всегда важна для него.

— Конечно! Мне нравится!

Мы оба выходим из машины. Он идет к багажнику и берет мою сумку. — Что заставило тебя выбрать это место? — спрашиваю я.

Он закидывает мою сумку себе на плечо и берет меня за руку. Мы идем к его дому, плечом к плечу. — Маленький. Окруженный одиночеством. Что тут может не нравиться?

Мы стряхиваем снег с нашей обуви, когда идем по крыльцу. Лаклан открывает входную дверь и включает свет рядом с дверью.

Внутри небольшой проход, который ведет прямо на кухню. Возможно, в одну из самых маленьких кухонь, которые я когда-либо видела, со старыми приборами цвета авокадо.

Лаклан бросает свои ключи на стойку и без единого слова ведет меня в гостиную. Это самая большая комната в доме. Здесь только бежевый коврик с коричневым кожаным диваном, стулом и журнальным столиком в тон обстановки, и телевизором в углу. Последней частью художественного оформления была дюжина коробок, которые были свалены у стены.

Я показываю на коробки. — Мне нравится, как ты украсил это место.

Лаклан прислоняется к стене и улыбается. — Это заняло у меня много времени.

Я иду вперед, осматривая каждый предмет мебели. — Это уж точно.

— Скажи мне, Наоми, декоратор интерьера, что бы ты изменила?

— Ну, сначала, я бы повесила занавески. — Я указываю на оконную нишу. — И это были бы кружевные занавески. Я бы выкрасила стены в светло-желтый. Оставила бы ковер, что у тебя уже есть. Повесила бы несколько картин. Нашла бы красивые цветы и удостоверилась бы, что подоконник заполнен подушками, так, чтобы я могла расслабиться и смотреть на улицу в любой момент, когда бы захотела.

— Звучит так, как будто нужно проделать большую работу.

Для него, да. Но если бы я жила с ним, я бы все сделала сама, и делала бы это с широкой улыбкой на лице.

— Ты так думаешь, — произносит Лаклан.

Я исправила его. — Я так представляю.

— Одно и то же.

Он идет на кухню. Я слышу, как шкафчики открываются и закрываются. — Я знал, что ты полюбишь это место, — кричит он.

Я следую за Лакланом. — Ты знал?

Он берет две тарелки и наполняет их едой.

— Конечно, — говорит он рассеяно. — Риелтор показал мне дом, и когда я увидел оконную нишу, то вспомнил, как ты рассказывала об этом, когда была ребенком.

— Так что, технически, этот дом на половину мой, — дразню я.

Лаклан передает мне тарелку. Я пытаюсь взять ее. Лаклан удерживает ее. Он не отдаст ее мне, пока я не посмотрю ему в глаза. Когда же я, в конце концов, это делаю, то вижу его переполненный эмоциями взгляд.

— На половину твой? Да он весь твой.

Я просто уставилась на него. Он не лгал.

— Пойдем, — говорит Лаклан. — Давай поедим в гостиной.

Мы сидим в тишине и едим нашу еду.

— Ты взволнована, что выбралась оттуда? — спрашивает он.

— Я не могу в это поверить, — признаюсь я. — Нет никаких 20-минутных перерывов на улице. Или медсестер, стучащихся в твою дверь каждый час. Мне не нужно слушать постоянные голоса за дверью, и не нужно спать в ужасной комнате. Плюс, еда намного, намного лучше.

— Да? — спрашивает он с легкой улыбкой.

Я киваю. — Сожженный мясной рулет и жидкие макароны с сыром так же хороши, как того и требуется.

Лаклана сглатывает. — Все едят вместе?

— По большей части. Пока ты не сделаешь что-нибудь не так. Тогда ты уже ешь в своей комнате.

Под его насупленными бровями, в его глазах был твердый взгляд. Я знаю, что сказала слишком много. Он думает о «Фэирфакс». Я думаю о «Фэирфакс», но мне этого не хочется. Его дом был местом, которое было свободно от всей той тьмы, которая окружала меня. Все так и должно оставаться.

Я бы хотела забрать свои слава обратно и начать все сначала. Я посмотрела на свою еду, уже совсем не чувствуя голода. Я встаю и иду на кухню, ставя свою тарелку на стойку.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Лаклан смотрит на меня с беспокойством. Я некоторое время смотрела на него, а потом пошла и выключила свет. Медленно подойдя к большому окну, я скрестила руки и уставилась на улицу.

Дом Лаклана стоял на холме. Отсюда я видела, как ярко блистали огни города. Я представляла людей в их домах, таких расслабленных и спокойных. Это помогло мне успокоиться. Заставило меня желать остаться здесь навсегда.

— Что ты делаешь? — спрашивает Лаклан.

Я стучу ногтем по стеклу. — Наслаждаюсь видом.

— С выключенным светом?

— Так лучше видно.

Если бы я была в «Фэирфакс», этого вида не было бы передо мной, как и этих ощущений. Прямо сейчас, если я захочу, то могу потянуться, коснуться и испытать мир, на который смотрю.

Лаклан отодвигает свой стул. Я слышу его шаги, открывающиеся и закрывающиеся ящики.

Чирк. Чирк.

От этого знакомого звука мое сердце стучит быстрее.

Всего секунда потребовалась янтарному огоньку, чтобы осветить комнату. Я посмотрела через плечо и увидела Лаклана, держащего спичку между пальцами. Не зажигалку. Просто коробок спичек. Как тот, что мы использовали, поджигая фейерверки.

Он озорно мне улыбается. Его глаза ярко горят при свете огня. В его глазах было столько жара, что я громко сглотнула.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Играю с огнем. — Он резко дергает запястьем и огонь исчезает. — Пытаюсь поднять настроение. — Его глубокий голос уже ближе, и мое сердце начинает ускоряться. — Помнишь, как ты раньше всегда задувала спички?

— Помню, — мягко отвечаю я.

Я смотрю на гостиную и в темноте представляю, что вся мебель исчезла. Деревянный пол исчезает, а на его месте появляется свежая, зеленая трава. Появляются двое молодых людей. Их головы склонены, спины наклонены, потому что они прижимаются друг к другу. Их губы быстро двигаются. Я их не слышу. Мне и не нужно. Их слова еле отдаются слабым эхом в моей голове. Я смотрю с пристальным вниманием, когда мальчик говорит, — У меня есть еще один фейерверк. Давай запустим его в небо? — Он держит спички между ними.

Девочка кивает и улыбается ему. Ее сердце сияет в глазах. Он дает ей спичку. И она ее берет.

Я закрываю глаза. Когда открываю их, у Лаклана в руках зажженная спичка. Мальчик и девочка исчезли. Мебель вернулась на свое место. Те двое изменились. Теперь та девочка может показать свои чувства. А парень все еще улыбается ей, но его глаза были обжигающе горячими.

Что-то зарождалось глубоко во мне. Это пронеслось сквозь меня, заставляя кровь закипать, а тело покалывать. Лаклан продолжает идти в мою сторону, пока я не оказываюсь прижатой к окну. Я зажата. Холодное стекло за моей спиной и его тело, согревающее меня, передо мной. Я откидываю голову назад, чтобы увидеть его. Он поднимает одну бровь, как бы говоря, не касаться его. Это последнее, что я вижу, прежде чем он тушит спичку.

Я знаю, что это всего лишь игра, которая должна поднять настроение, но теперь сексуальное напряжение заполнило комнату. Я знаю, что Лаклан не закончил, и знаю, что не закончит, пока я не растаю у его ног.

Его щека потерлась об мою. Слышу, как спичку проводят по грубой поверхности. Мои руки сжимаются у бедер в кулаки. Мои ногти впиваются в ладони, оставляя отметины в виде полумесяца.

Спичка — единственное, что отделяет нас друг от друга. Она освещает его черты лица. Его чувственные губы и блестящие глаза. Щетина на его лице кажется почти золотой.

— Ты идеален, — говорю я очень тихо.

Лаклан наклоняет голову и улыбается. — Нет, это не так. Это просто свет.

— Это так, — настаиваю я.

Он проводит рукой по моей шее. Мой пульс дико скачет под кожей.

— Хочешь узнать, как ты выглядишь прямо сейчас?

Я киваю.

Думала, он задует спичку, но он этого не сделал. Он приблизил ее ближе к моему лицу, освещая каждую черточку.

— Твои глаза сверкают. Огонь практически делает их фиолетовыми. Твои щеки покраснели. И твои светлые волосы, похожие на золото, — его рука зарывается в мои волосы, — обрамляют твои плечи. Твои губы влажные и слегка приоткрыты. — Один палец касается моей губы. — Если я придвину свое лицо ближе всего на дюйм, то смогу впиться в эту нижнюю губу.... — И в тот момент, когда мне казалось, что он собирается это сделать, комната погрузилась в темноту.

Он убрал руку с моего лица. Мы оба молчали. И оба отрывисто дышали.

— Это моя последняя спичка, — произносит он сексуальным шепотом. — Ты хочешь, чтобы я зажег ее?

Мое дыхание сбивается. — Да.

Спичку медленно вытаскивают из спичечного коробка. И потом загорается яркий янтарный свет. Лаклан держит огонек между нами. — Держи его, Наоми.

Пламя двигается вниз, к кончикам его пальцев. Он все еще держит его, терпеливо ожидая, когда яотреагирую. Он терпит боль ради меня.

Моя рука дрожит, когда я ее протягиваю. Глаза Лаклана слегка прикрываются в ту минуту, когда я беру спичку.

— Теперь сделай глубокий вдох и задуй ее, — говорит он грубо.

Он не просит меня задуть пламя. Лаклан хочет, чтобы я задула боль, слезы и разрушения, что были в моей жизни. И больше всего, я хотела сделать именно это. Поэтому я склоняю лицо ближе к пламени. Я смотрю Лаклану в глаза и одним длинным выдохом тушу пламя.

Комната погружается в темноту.

Спичка падает на пол.

Звук отзывается эхом по всей комнате. Я стою идеально прямо, быстро дыша. Комната возможно и была в темноте, но огонь не погас. Он просто перешел в мое тело. Он распространяется по моим венам. Душит мои страхи. Мою ненадежность. Мою печаль.

Я подхожу ближе.

И потом я чувствую, как его губы касаются моих. Его рот двигается так медленно. Мои глаза закрыты. Руки Лаклана мягко ложатся мне на шею. Его язык скользит вдоль моих губ. Мои губы открываются. Его большие пальцы касаются моего горла.

Этот поцелуй плавно перетекает в настойчивый.

Этот поцелуй нужно чувствовать.

Этот поцелуй восполняет все то потерянное время, что я никогда не верну.

Он отклоняется на дюйм. Я не вижу его лицо, но чувствую, что он смотрит на меня. — Позволь мне коснуться тебя, — произносит он.

Я сделаю все, о чем он меня попросит. Я говорю ему: «Да...», и прежде чем успеваю закончить говорить, он цепляется указательными пальцами за петли на моем поясе. Он не прекращал тянуть меня вперед, пока наши тела не соприкоснулись. Я ощущаю прикосновение его пальцев вокруг своего запястья. Я протягиваю руку, ладонью вверх, в надежде, что его рука переплетется с моей, но его губы коснулись моей ладони, двинулись к моему запястью, где под кожей бился пульс. Его пальцы поднимаются вверх по моей руке, обхватывая локти. Он направляет мои руки к своей шее.

Я стала уверенней под его прикосновениями и поцеловала его. Я целовала его, зная, что это самая лучшая терапия, которая у меня когда-либо была.

Лаклан ведет нас через комнату. Мы идем по коридору и заходим в дверной проем. Уголкем глаза я вижу большую кровать. Я сажусь на край и поднимаю на него глаза. Он хватается сзади за свою рубашку и стягивает ее через голову.

Это было оживленное действие, но все же мои руки были прижаты к бокам, желая потянуться и коснуться его. Похоть кипела в моем животе. Мои пальцы сжали простыни, когда я осторожно смотрела на него. Все, чего я хотела, было прямо передо мной.

Свет падал через окно, бросая на его кожу голубоватый оттенок. Выделяя сухожилия, которые шли по его рукам и сильным бицепсам. Я могу разобрать контур его живота и острые V-образные мускулы, которые исчезали под его джинсами. Он мог обернуть себя вокруг меня, и я бы исчезла из вида.

— Ты можешь делать все, что хочешь, — говорит он, его голос был не совсем твердый. — Я весь твой.

Моя рука тянется, как если бы у нее было собственное сознание. Я касаюсь его груди,

прежде чем мои глаза опускаются южнее. Я уже касалась его так раньше. Но это никогда не надоедает. Я всегда нахожу что-то новое, и у меня перехватывает дыхание, когда я прикасаюсь к Лаклану.

Я наблюдаю, как у него перехватывает дыхание. Я двигаюсь вниз по его животу. Его кожа напрягается, и появляются кубики на прессе. Моя кровь бушует в венах, когда мои пальцы двигаются вниз, к его низко посаженным на бедрах джинсам.

Я чувствую себя храброй и наклоняюсь вперед, мои зубы покусывают кожу над его джинсами. Мои руки находят на них пуговицу. Его глаза горят, наблюдая за тем, что я делаю. Опускаю его джинсы вниз, а затем и его боксеры. Я обхватываю ладонью его член. Так волнующе, что когда я касаюсь его, весь контроль у меня. Он закрывает глаза. Его рот открыт.

Он бормочет проклятия, его руки тянутся и хватают меня за затылок, удерживая на месте.

— Наоми, — стонет он. — Помедленнее.

— Что, если я не хочу медлить?

Я знаю, я должна наслаждаться каждым прикосновением, поцелуем и укусом. Когда я вернусь в «Фэйрфакс», у меня будет это воспоминание, за которое я буду держаться. Но я так быстро прошла отметку «помедленнее», что сейчас это было отдаленным воспоминанием. Прошло много времени с тех пор, как Лаклан был только моим.

«Мой, мой, мой», — напевала я про себя.

Моя рука напрягается вокруг него. Он втягивает дыхание, отрывисто дыша.

— Если ты не остановишься, — Лаклан тяжело дышит. — То все очень быстро закончится.

Я хотела почувствовать его внутри себя. Я хотела, чтобы он трахнул меня. Это было конечной целью. Это было единственной причиной, почему я его отпустила.

Откидываюсь назад и снимаю рубашку. Бросаю ее на кровать и с надеждой жду. Но Лаклан меня не касается. Он замер, только глазам осматривает меня с головы до ног.

— О чем ты думаешь? — выдыхаю я.

Мое тело совершенно неподвижно, и мне приходится останавливать себя, чтобы не потянуть его к себе.

— Я думаю, — говорит он медленно, нависая надо мной так, что мне приходится откинуть голову назад, чтобы смотреть на него. — Я сделаю с тобой что угодно... для тебя... тебе. — Он склоняется; его глаза на одном уровне с моими. — Я думаю, ты приворожила меня.

Он целует мой открытый рот. Я дышу через нос, когда он расстегивает молнию на моих штанах. Мы отстраняемся только на секунду. Штаны сняты. Мое нижнее белье быстро следует за ними. Все, что осталось, это мой лифчик. Маленький клочок ткани. Взгляд в глазах Лаклана говорит о том, что он хочет, чтобы он исчез. Я тянусь руками за спину, чтобы расстегнуть его. Лаклан шлепает меня за это. Он опускается на колени. Я откидываю голову назад, чтобы наблюдать за ним. Мой лифчик расстегивается за секунды. Он не отводит своих глаз от моих, медленно опуская бретельки вниз по моим рукам. Холодный воздух касается моей груди. Мои соски твердеют. Я едва улыбаюсь, наблюдая за тем, как Лаклан берет меня. Я двигаюсь вдоль кровати. Лаклан следует за мной. Когда моя голова касается подушки, он опускает свою голову. Губы медленно кружатся вокруг ореола, прежде чем сомкнуться вокруг моего соска. Моя спина выгибается, когда я руками хватаюсь за его плечи, ногтями

впиваясь в кожу. Я уже забыла, как это, быть с Лакланом. Я уже и забыла, как за считанные секунды во мне может вспыхнуть желание. Я забыла, что он просто знает, как ко мне прикасаться, целовать меня, держать меня так, что это сводит с ума.

Он ласкал то одну, то другую грудь, и я начала задыхаться

— Я, мать твою, скучал по тебе, — стонет он у моей кожи. Он все еще касается меня так, будто боится, что я исчезну. — Я скучал по всей тебе.

Его губы двигаются вниз от моей груди.

Я держу глаза открытыми и смотрю на него. Искушение закрыть глаза присутствует, но я хотела бодрствовать для этого. Я хотела видеть все.

Его голова опускается еще ниже по моему телу. Его руки незначительно сжимаются на моих бедрах.

Я чувствую его дыхание напротив своего живота. Я беспокойно ворочаюсь на простынях. Зубы вычерчивают кривую на моем бедре. В этот момент я начинаю дрожать. Лаклан останавливается и поднимает голову.

— Ты хочешь, чтобы я продолжал прикасаться к тебе? — спрашивает он низким, рычащим голосом.

— Почему ты спрашиваешь? — выдыхаю я. — Ты же знаешь, что хочу.

— Когда я прикасаюсь к тебе, я хочу, чтобы ты всегда помнила, что это мои прикосновения, а не чьи-то еще. — Его пальцы скользят по моим бедрам, над внутренней стороной. — Я хочу, чтобы ты никогда не забывала меня.

Он наклоняется, его губы в дюйме от меня, но он не двигается. Он еще даже не начал, а я уже дрожу.

Лаклан наклоняется и целует меня между ног. Несмотря на то, что я готовилась к тому, что он коснется меня, моя спина выгнулась над кроватью. Это невозможно — оставаться совершенно неподвижной. Пока его рот двигается надо мной, он все время смотрит на меня. Но я не могу выдержать его взгляд. Мои глаза закрылись, и голова упала назад.

Мои руки сжались в кулаки. Я хочу схватить его. Я хочу двигать бедрами туда и обратно, чтобы найти идеальный угол, но я знала, он заводит меня. Одним быстрым движением его язык скользит вверх. Мне не хватает воздуха. Мое тело дергается. Он ударяет по идеальному месту в идеальное время. То, что он делает со мной, почти порочно. Мои ноги продолжают двигаться на простынях. Одна нога согнута наружу. Другая — обернута вокруг его плеча. Я найду любой способ быть ближе к нему.

Вверх и вниз, его язык касается меня, погружая в полное безумство. Я пытаюсь держаться так долго, как могу. Это не поддающееся контролю чувство проносится сквозь меня. Кровь бешено несется по венам, создавая впечатление, что у меня под кожей перемещаются миллионы крошечных иголок, и я полностью теряю контроль.

Я схватила Лаклана за затылок, мои пальцы зарылись в его волосы. Я двигаю бедрами, находя свой ритм. Это создает трение, которое заставляет меня забросить ноги ему на плечи.

Его руки оборачиваются вокруг моих бедер, пальца напрягаются, и он прижимает меня ближе к своему рту.

Каждая мышца в моем теле напрягается. У меня все покалывает. Мои бедра поднимаются. Лаклан удерживает их, его рот быстро двигается по моей коже.

И вот эта удивительная секунда, когда я блаженно замираю. Я выкрикиваю его имя.

Мое тело падает на матрац. Я смотрю в потолок в полном изумлении. Я задыхаюсь, смакуя послевкусие. Чистое блаженство. Это единственный способ, чтобы это описать.

Лаклан поднимает голову и дарит мне послеоргазменную улыбку. Его руки двигаются вверх по моим бедрам, и обратно вниз. Я наблюдаю за ним из-под полуприкрытых глаз.

Он садится и достает презерватив. Я приподнимаюсь на локтях и наблюдаю, как он его надевает. Его руки двигаются быстро. Он встречает мой пристальный взгляд. Его волосы спутаны из-за моих рук. Глаза широко открыты и горят желанием. Грудь двигается. На его лице появляется эта порочная улыбка, когда он смотрит на мое тело.

Он не спрашивает и не ждет. Его локти опускаются по обе стороны от моей головы, колени касаются моих, и он быстро входит в меня.

— Боже, так хорошо ощущать тебя, — хрипло шепчет он.

В первые несколько секунд мое тело растягивается, и я едва могу дышать. Это восхитительная агония. Его рука мягко обхватывает мою шею, когда он полностью входит в меня, и прислоняется своим лбом к моему.

Его бедра начинают двигаться по полукругу. Все время его пристальный взгляд направлен прямо на меня.

Он толкается глубже. Мои ноги поднимаются. Мои голени задевают его ребра по сторонам, когда я сильнее сжимаю его внутри себя, толкая его глубже. Мои глаза почти закатываются.

— Кто с тобой прямо сейчас? — требует он.

— Ты, — задыхаюсь я.

— Хорошо. Помни это, — говорит он грубо, прежде чем изменить положение. Он подо мной, а я над ним. Мои ладони легли на его твердую грудь.

— У кого сейчас власть?

Я смотрю на наши тела.

— У меня.

— Да, у тебя. — Его руки обхватывают мои бедра, сжимая меня сильнее. — Я полностью в твоей власти.

Его слова волнующие и посылают быстрый толчок похоти по всему моему телу.

Поначалу я двигаюсь медленно, наблюдая за его лицом. Так же, как он наблюдал за мной.

Его пальцы впиваются в мою кожу. Но он не ведет. Он позволяет мне взять контроль на себя.

Я чувствую, как напрягаюсь вокруг него, и он стонет.

Я двигаюсь быстрее, и мои мышцы начинают болеть. Такое ощущение, что пульс вибрирует у меня под кожей.

Его большая рука путешествует от моей шеи к затылку, притягивая меня вниз к его лицу. Его бедра отчаянно толкаются.

Кровать скрипит.

Мы задыхаемся.

Пот покрывает нашу кожу.

Простыни шелестят под нами.

Все эти звуки усилены, пока Лаклан не делает последний толчок и не выкрикивает мое имя.

— Наоми!

Я всегда буду помнить, как он произносит мое имя. Его голос был таким грубым. Его чувства были выставлены на обозрение всего мира. Вот тот мужчина, который может

забрать всю мою боль, соберет ее и возьмет как свою собственную.

Я обессиленно падаю на него. Мой лоб прижимается к его плечу. Его грудь тяжело поднимается. Мы лежим так, пока наше сердцебиение не замедляется.

Я не знаю, что сказать. Я безмолвна. Так что, я слезаю с него. Лаклан лежит, прикрыв предплечьем глаза, но когда я двигаюсь, он убирает руку и быстро моргает.

Он снимает презерватив, отбрасывает его в сторону, и тянется ко мне.

— Иди сюда, — ворчит он.

Я люблю глубокий тембр его голоса, грубый от крика. От этого мои губы расплываются в ленивой, удовлетворенной улыбке. Он обнимает меня своей рукой и крепко прижимает к себе.

Секс.

Любовь.

Половой акт.

Называйте, как хотите, но это все одно и то же. Каждый требует, чтобы ты отдал часть себя, которую ты можешь и не вернуть обратно.

Но с правильным человеком все складывается идеально. Земля перестает вращаться вокруг оси, время замедляется, и ты понимаешь, что пока теряешь часть себя, ты получаешь что-то взамен. То, что он отдает — идеально тебе подходит.

Вот как я всегда чувствую себя с Лакланом.

Он держит меня, и я знаю, что я в безопасности.

ГЛАВА 32. ОГОНЬ

Год назад

Я думаю, что любовь — это болезнь.

Но не в начале.

Вначале все восхитительно. Это напоминает десерт. Ничто не может сравниться с первым кусочком. И ты еще не наслаждаешься, но уже испытываешь голод. Ты знаешь, это лучшее, что ты когда-либо пробовал, поэтому ты продолжаешь смаковать, продолжаешь брать. Тобой управляет ненасытность, и к тому времени, как ты понимаешь, что зашел слишком далеко, становится уже поздно. Любовь ушла, и тебе не осталось ничего, кроме боли.

Если я все это знала, зачем подвергала себя боли?

Ветки ломались под моей обувью, пока я шла. Луны не было, что отгоняло жару. Даже на расстоянии я слышала, как играют в крикет. Я не останавливалась, чтобы оценить звуки или умиротворение этого момента. Я была слишком зла на себя. Зла, что ответила на звонок Лаклана прошлой ночью. Зла, что согласилась встретиться с ним здесь.

Он сказал, что прилетает сегодня и останется на неделю. Когда-то давно, возвращение Лаклана домой сделало бы весь мой год. Но после того поцелуя все изменилось. Я думала, что все останется, как прежде, но ошибалась. Летом, когда мне исполнилось восемнадцать, я все ждала и ждала его, но он так и не приехал домой. Он говорил, что все лето был занят в интернатуре, но сказал это таким беззаботным голосом, будто знал, что я буду ждать его в Маклине. Но могла ли я его винить?

Если прошлое и научило нас чему-то, так это тому, что я всегда была там, всегда ждала его. Но все это изменится. Возможно, он знал, что я уезжаю отсюда. Может быть, это то, что

заставило его вернуться домой.

Он все еще писал мне и звонил каждый день. Технически, я знала о нем больше, чем когда-либо прежде. Я хотела увидеться с ним лицом к лицу. Мне нужно было его физическое присутствие так же сильно, как и его слова.

Я услышала звук шагов и повернулась. Там шел Лаклан. Его взгляд был направлен в землю, а руками он отодвигал ветки от своего лица. Наконец-то он поднял взгляд и замер.

Мы разглядывали друг друга.

Он был одет в джинсы и серую футболку, которая была растянута на животе и сильно натянута на плечах.

Я вытерла руки об шорты, когда он подошел ближе. Мое сердце стучало в груди. Солнце окрашивало его волосы в золотисто-коричневый цвет. Они были длиннее обычного и падали на лоб. На его щеках и челюсти была щетина. А эти глаза, что сводили меня с ума, были менее игривыми и более серьезными.

Я опустила формальности, как всегда делала с ним. — Ты только приехал?

Он кивнул и сделал шаг вперед. — Приземлился час назад.

Я осмотрелась кругом. — Как прошел полет?

Он осторожно посмотрел на меня и сделал шаг вперед. — Скучно. Планировал заняться документами, но я сидел рядом с парнем, который говорил со мной все время, — отвечает он непринужденно.

Я ухмыльнулась. Это был тот момент, когда я бы спросила о продолжении истории. Но прямо сейчас, я должна была высказать слишком многое.

— Ты долго ждала? — спросил он.

Я медленно ходила по кругу, пиная желудь туда и сюда. — Я давно здесь не была.

— Хорошо. Я....

Я не хотела стоять здесь и притворяться, что все было как раньше. Я резко остановилась и быстро развернулась.

— Я уезжаю отсюда, Лак, — произношу я быстро.

Ни раздалось ни звука. Казалось, что мои слова поглотил воздух вокруг нас.

Лаклан стоял идеально ровно. — Что?

— Меня приняли в Университет Милликин, — улыбнулась я, но Лаклан не улыбнулся в ответ. — Это частный колледж в центре Иллинойса. Я...я всегда хотела туда поступить, и у меня наконец-то хватило смелости.

Я ждала, пока он что-нибудь скажет, но он молчал. Он засунул руки в карманы, раскачиваясь на пятках. Его глаза смотрели на деревья позади меня.

— Когда ты уезжаешь? — наконец-то спросил он.

Я осторожно посмотрела на него. — Через несколько недель.

Он посмотрел на меня, и я увидела страдание в его глазах. — Это замечательно.

— Так ли это?

Лаклан кивает.

Я подхожу ближе. — Что не так?

— Ничего. Я рад за тебя, Наоми, — он улыбается, но улыбка не касается его глаз.

— Правда?

— Конечно. — Он скрестил руки и посмотрел назад на тропинку.

Я положила ладонь на его руку. — Ты всегда говорил мне мечтать и желать чего-то за пределами Маклин. Я так и сделала. И сейчас, когда я выбираюсь отсюда, ты выглядишь ...

Его подбородок поднялся. Он смотрел мне прямо в глаза. — Выгляжу как?

— Ты выглядишь сердитым, — говорю спокойно.

— Я ... разбит. Именно тогда, когда я вернулся домой насовсем, ты собралась уезжать.

Если бы все это не происходило со мной, то я бы посмеялась над иронией, но все, что я могла сделать, это дышать через боль, зная, что мир против нас. И потом мне на ум пришла мысль, что у нас, вероятно, никогда не будет идеальной возможности быть вместе.

— Я знал, однажды ты уберешься из этого места ко всем чертям. Я просто не ожидал, что это будет сейчас.

Прежде чем он сюда пришел, я твердо решила показать ему, как была зла. Я планировала наорать на него. И где же был весь этот гнев сейчас?

— Все это время я была здесь. Что останавливало тебя вернуться домой?

— Тебе было семнадцать?

— И что?

Он наклонил голову в сторону. — Ты была просто ...

Я отступила назад. — Клянусь Богом, если ты скажешь *ребенком*, я сорвусь! — закричала я. — Ты давно знал, что года нагнали нас. Разница в возрасте уже не была такой большой. Ты знал это в прошлом году, и ты знал это несколько лет назад, когда целовал меня!

Его плечи вызывающе выпрямились. Губы сжались в тонкую линию. Он так сильно хотел отрицать каждое мое слово. Вместо того, чтобы кричать и высказать всю правду, он сделал шаг назад, а потом еще один.

— Я не собираюсь стоять здесь и бороться с тобой, — произнес он, в конце концов.

— Поэтому ты уходишь? — говорю я его отступающей фигуре.

— Все лучше, чем это! — бросил он через плечо.

— Я давно сказала, что люблю тебя. И все еще люблю.

Он остановился и повернулся. Я нервно облизала губы.

— Ты уходишь, потому что зол на меня, или потому, что твои чувства пугают тебя?

Его руки были на бедрах, а челюсть сжалась. Его глаза осматривали все вокруг, но не смотрели на меня. — Наоми...

— Так что? — настаивала я.

Я стояла там, руки прижаты к бокам, ожидая, когда он ответит на мой вопрос. Я уже давно сказала ему правду. Я заслуживаю того же. Заслуживаю, чтобы он смотрел мне в глаза, когда наконец-то решится.

Шли секунды. Они ощущались, как года. И тогда его глаза остановились на мне.

— Ты любишь меня? — спросила я.

Лаклан был непреклонным, не говоря ни слова. Мое сердце колотилось в груди от страха.

Он сделал этот шаг вперед. Шаг, который я ждала годами. Он сокращал расстояние между нами, и когда дошел до меня, то схватил мое лицо обеими руками. Его губы коснулись моих.

Вы знаете этот вид поцелуев? Тот, что забирает всю твою боль, страх, ненадежность, печаль и разрушает все в одно мгновение? Поцелуй, который возвращает тебя к жизни?

Это был такой поцелуй.

Я приподнялась на цыпочки. Одной рукой схватилась за его рубашку, а вторую обернула вокруг шеи.

Он подталкивал меня назад, пока мои плечи не коснулись дерева. Я забыла о мире вокруг нас. Все было поставлено на паузу, и были только мы вдвоем.

Наши руки одновременно потянулись к одежде друг друга, быстрыми и нетерпеливыми движениями. Он возился с пуговицами на моем платье. Когда он спустился к животу, материал ослаб вокруг моего тела. Его пальцы коснулись моего живота, когда раскрылась последняя пуговица. Мое платье разошлось, показывая мой бледно-розовый лифчик. Мои нервы покалывало. Я хотела, чтобы он прикоснулся ко мне, но я упустила этот шанс, схватив его за край рубашки. Его руки поднялись вверх, и его рубашка исчезла.

Мы не потянулись друг к другу. Мы стояли там, изучая друг друга. Я годами ждала этого момента, и вот он настал. Мои глаза путешествовали вниз по его телу. По гладкой коже его груди. Его пресс напрягся, проявляясь все более отчетливо при каждом его вдохе. Мои руки сжались в кулаки, когда я смотрела на мышцы выше его бедер, те, что принимала V-образную форму, и сводили меня с ума.

Мои руки дрожали, когда я потянулась к застёжке на своей груди. Она расстегнулась, и материал моего лифчика разошелся в стороны, повиснув у ребер.

Я стояла на месте, хотела, чтобы у него было время посмотреть на меня. Так же, как я сделала это с ним.

Я посмотрела на него, и мое сердце отчаянно забилося. Его глаза были более чем интенсивными. Они были отчаянными и показали мне, что возможно, я была не единственной, кто ждал, когда это произойдет.

Лаклан выругался, а затем обрушился на меня. Контакт кожи к коже заставил меня задохнуться. Его рот двинулся к моему. Я откинула голову назад, пальцы впились в его бицепс.

Его руки двигались по моей коже, а губы следовали за ними. Я чувствовала его горячее дыхание на своей груди, чувствовала щелчок его языка напротив своего соска.

— Продолжай, — подгоняла я.

Я никогда не ощущала такого жара в своем теле. Казалось, будто я в секундах от того, чтобы воспламениться. Я не хотела, чтобы это прекращалось.

Он зарылся рукой в мои волосы. Другой скомкал ткань моего платья, собрав его вокруг талии, прежде чем схватить меня за задницу. Он прижал меня к себе, и я могла почувствовать, каким твердым он был.

Я дышала через нос и обводила тугие мышцы его живота.

Свист вырвался сквозь зубы Лаклана. Он прижался своим лбом к моему, когда я расстегивала его штаны. Мои руки проскользнули внутрь боксеров. Они дрожали, и я тяжело дышала. Я была готова увидеть и почувствовать его.

Именно тогда Лаклан резко отскочил, как если бы ему на голову вылили ведро холодной воды.

Он стоял, пытаясь отдышаться, со штанами, опасно близкими к тому, чтобы сползти с его бедер. Я знала, что выгляжу не лучше. Мои волосы были в беспорядке, губы опухли от его поцелуев. Одной рукой я придерживала платье.

— Я не собираюсь делать это здесь. — Его голос был глухим.

— Почему нет? — выдохнула я.

Его глаза все еще горели, но взгляд смягчился, когда он осмотрел меня с ног до головы. — Из-за тебя, Наоми, — ответил он так, как будто это все объясняло.

— Мне не важно, где мы это сделаем. — И я действительно имела это в виду.

На полу, в кровати, или же у дерева. Неважно где, мне просто нужен был он, и я должна была обнять его руками. Я вернулась к начальному этапу в любви. Где я обращаю внимание на боль, но полностью изголодалась по нему.

— Коснись меня прямо сейчас, — прошептала я, отпуская платье. Ткань медленно сползла по моим рукам. Соски затвердели. Гусиная кожа покрыла мою кожу.

Его рот открылся, но он не издал ни звука.

Он вернулся ко мне прежде, чем последнее слово вылетело из моего рта. Его руки схватили меня под бедра, приподнимая.

— Обхвати меня, — говорит он.

Я нетерпеливо сцепила ноги вокруг него.

— Но мое белье, — возразила я.

Я ухватила за пояс, намереваясь его снять, но он дернул меня за них. Ткань порвалась и разлетелась по земле. Я смотрела, затаив дыхание, как он потянулся к бумажнику из заднего кармана и вытащил квадратный пакетик фольги. Бумажник упал в траву. Он спустил свои боксеры. Он был твердым, в дюйме от моих бедер. Я наблюдала, мое тело тряслось, а он одевал презерватив.

Его движения были медленными, и клянусь, он сделал это специально, чтобы я хорошо его рассмотрела. Я хотела сжать руки вокруг него, кожа казалась такой мягкой. Я потянулась. Лаклан перехватил мою руку, мягко удерживая за запястье. Он посмотрел на меня, а на его губах была коварная улыбка.

Я приподняла бедра. Его член задел мое бедро.

Эта коварная улыбка исчезла.

Он медленно входил в меня. Заставляя меня чувствовать каждый дюйм. Мой рот открылся. Мои веки, трепетая, закрылись. Это ощущалось слишком хорошо.

Я ждала, когда он начнет двигаться, но он остановился. Его рука сжала мой подбородок, заставляя посмотреть на него. И я поняла, он хочет смотреть на меня. Он хочет увидеть мою реакцию, когда впервые начнет двигаться во мне.

— Двигайся, — проговорила я, тяжело дыша. — Ты должен двигаться.

Я думала, он заставит меня умолять. И, если честно, я знала, что сделаю это. Лаклан мог заставить меня сделать все, что угодно.

— Лаклан, — я еле дышала. — Двигайся.

Он наконец-то дал мне то, чего я хотела. Я почувствовала облегчение лишь на секунду. Он начал двигаться во мне быстрее. И когда я начала подхватывать его ритм, он сделал толчок бедрами, и я почти потеряла сознание.

Он грубо поцеловал меня, поцелуем, который не должен был быть сладким, он предназначался, чтобы заклеить меня навечно.

И ему это удалось. Я была его.

Кора дерева впивалась мне в спину, и это побудило меня выгнуть ее и сжать ноги.

Моя голова повернулась. Я видела наши косые тени на траве. Я моргнула несколько раз, считая невозможным признать, что это мы. Мужские руки были над ее головой, прислоненные к дереву, как рычаги. Его колени были слегка согнуты, когда он двигался в ней. Они нашли ритм. Она повернула голову обратно и сжала свое тело вокруг него, как вторая кожа. Ее рука обернулась вокруг его шеи, прежде чем опустилась к его плечам, а потом к спине. Ее пальцы впились в нежную кожу, и когда он выходил, она провела ими по коже, зная, что останутся отметины от ногтей. Их тела не разрывали контакт.

Запах пота витал в воздухе. Это их не останавливало. Ничто не могло остановить их. Они бы продолжали двигаться, продолжали искать новые места, к которым могли бы прикоснуться, до тех пор, пока это чувство не исчезнет. — Боже, я люблю тебя, — произнес он низким голосом.

Его слова проскользнули по моей коже, пробежали по моим венам и направились напрямик в сердце.

Мою кожу покалывало, пока она не почувствовала себя живой. Слезы навернулись на глаза. «*Останься, останься, останься*», — думала я отчаянно. Я не хотела, чтобы это чувство меня оставило. Я попыталась задать темп, но все было бесполезно. Я уже прошла эту отметку. Мои мышцы напряглись и глаза широко открылись, а небо надо мной было затуманено. Мое тело чувствовало себя невероятно, почти невесомо.

Ощущения начали ослабевать, заставляя меня чувствовать себя бесхребетной.

Моя голова упала ему на плечо, и я держалась за него, когда он погружался в меня безумными толчками, пока его пятки не оторвались от земли и не удерживали его тело около секунды. Его голова отклонилась назад, открывая мне вид на его подбородок и шею. Он бессвязно закричал, а его тело дрожало. Я слабо улыбнулась и поцеловала его в плечо.

Я чувствовала его неистовое сердцебиение.

Его голова опустилась мне на плечо. Я слышала, как он снова и снова повторял у моей кожи, — Боже, я люблю тебя. — Я зарылась руками в его волосы.

Он удерживал меня, потому что я не могла двигаться. Я чувствовала себя тряпичной куклой. Мои руки и ноги все еще висели вокруг него. Когда мое сердцебиение начало успокаиваться, он наконец-то отпустил меня. Мои ноги коснулись земли. Я, спотыкаясь, сделала несколько шагов в сторону, как если бы забыла, как ходить.

Я поправила свою одежду, и все это время Лаклан стоял не шевелясь. Его грудь вздымалась, голова прислонилась к дереву.

Я застегнула последнюю пуговицу и сглотнула. — Пожалуйста, только не говори мне, что сожалеешь, — произнесла я нерешительно.

Его глаза закрылись, как будто ему было больно. Он выпрямился, наспех снял презерватив и застегнул свои штаны. Наконец, он нашел свой бумажник на земле. Он нахмурился, смотря на него, как будто не знал, как он там оказался.

— Я, вероятно, должен, не так ли? Но я не могу. — Он указал туда, где мы оба были сплетены. — Я никогда не буду сожалеть об этом.

— Тогда почему ты так смотришь?

Он схватил рубашку и надел ее быстрыми, яростными рывками. Она скользнула на место, и он в шоке посмотрел на меня.

— Я не закончил! — взорвался он.

Я остановилась по пути, мои глаза расширились.

— Ты уезжаешь отсюда, и я чертовски горжусь тобой, — шепчет он. — Но если сегодняшняя ночь что-то и показала, так это то, что я люблю тебя, и никогда не позволю тебе уйти из моего мира.

Мои губы приоткрылись, но я ничего не сказала. Я еще не оправилась от его слов. Слова «*Я люблю тебя*», из уст Лаклана никогда не устареют. Эти три слова послали разряд в мое тело.

Он невесело засмеялся. — Я не хочу отпускать тебя.

Я не хотела, чтобы он отпускал меня. Я хотела остаться рядом с ним до конца своей

жизни. Хотя, я не сказала ему, как чувствовала себя. Маленький голосок в голове нашептывал, говорил, что в минуту, когда я скажу, чего хочу, этого никогда не произойдет.

Я подошла к нему и обняла за талию. Мое лицо было откинута назад, когда я смотрела на него. Он наклонился, его губы медленно двигались по моим. Все, что я не сказала, я вложила в этот поцелуй. Лаклан ответил мне, удерживая так крепко, что я едва могла дышать.

Я первой отступила назад.

— Мы должны возвращаться, — сказала я с сожалением.

Я протянула руку. Он схватил ее, переплетая свои пальцы с моими. Я всегда не поспевала за его длинными шагами, но сегодня он шел медленно. Трава шелестела у нас под ногами.

— Я нервничаю, — произнесла я.

— Уезжая из Маклин?

— Уезжая от тебя. Маклин. Всего, что я знала, — призналась я.

Он сжал мою руку. — Не волнуйся, ты будешь в порядке.

— Я не знаю, нормально ли так переживать.

— Ты начинаешь новую главу, конечно, это нормально.

Я хотела спросить, будет ли он навещать меня.

Я боялась быть где-либо без него. Даже когда его не было в Маклин, меня всегда успокаивали домик на дереве и память о нас. Если я уеду, то боюсь, что и воспоминания останутся позади.

Стало видно его дом. Свет был включен, и я видела, как внутри двигаются тени. Моя хватка усилилась. Я не была готова отпустить его. — Ты видел своих родителей?

— Только секунду. Я бросил сумки и пошел к тебе.

Я улыбнулась. Он отдал предпочтение мне.

Мы дошли до высокого дуба. Оба уставились на домик на дереве. Отец Лаклана годами заменял гнившие доски, но годы брали свое. Что-то закончилось сегодня. Такое чувство, будто подошел конец главе моего детства. Больше никаких ночей, просиживаемых в домике на дереве, и моего разбивающегося по Лаклану сердца.

Поднялся ветер. Я винила его в слезах на моих глазах.

— Лаклан? — сказала его мама.

Лаклан бросил на меня взгляд. Мы еще не закончили на сегодня, и не хотели, чтобы кто-либо нас прерывал.

Лаклан отпустил мою руку. — Остайся, — пробормотал он до того, как пошел к крыльцу. Я стояла рядом с огромным дубом, словно беглец. Я выглянула и посмотрела на Лаклана и Мэгги.

— Мама, — поприветствовал он.

Они обняли друг друга, прежде чем она поцеловала его в щеку и отступила, чтобы посмотреть на него.

Мне нравилось, как Мэгги Холстед любила своего сына. Это было в сиянии ее глаз и том, как она с ним говорила. Она была невысокой женщиной, доходила до плеча Лаклана. Несмотря на то, что была маленькой, она была сильной. Никто не шел против нее.

Каждый раз, когда я ее видела, она всегда здоровалась, но очень осторожно смотрела на меня, как будто могла видеть сквозь мои глаза то, что творилось у меня внутри.

Это всегда меня чертовски пугало.

— Твой отец сказал, что ты приземлился несколько часов назад, — произнесла Мэгги. — Где ты был?

— Я был с Наоми.

Мэгги ничего не сказала. Я видела, как ее губы поджались в неодобрении. — Как она? — спросила она натянуто.

— Хорошо. — Лаклан скрестил руки и прислонился к перилам. — Она скоро уезжает в колледж.

— Это замечательно, — пробормотала она.

Замечательно для Мэгги, скорее всего.

— Конечно, — ответил Лаклан. — Я ею очень горжусь.

Они оба затихли. Мэгги колебалась, прежде чем подошла к нему и скопировала действия своего сына.

— Я помню, как она всегда сидела в этом домике на дереве и придумывала истории о том, чтобы уехать.

Лаклан посмотрел на маму. — Ты все слышала?

— Конечно. Летом окно в моей комнате было открыто. Я всегда слышала вас двоих.

Лаклан усмехнулся. Я со смущением ударила головой о дерево.

— Ты не думала, что она уедет из Маклин?

— У меня были свои сомнения, — ответила она честно.

Я увидела, как плечи Лаклана напряглись.

— Почему? — спросил он.

— Лаклан..., — она вздохнула. — Я не знаю, сможет ли она находиться так далеко от тебя. В ту минуту, когда она тебя увидела, то без памяти влюбилась, что переросло в любовь, и уровень этой привязанности заставляет меня задаваться вопросом.

Лаклан стоял прямо. Его голова инстинктивно наклонилась в моем направлении. — Да?

— Да, — Мэгги осторожно посмотрела на своего сына. — И думаю, где-то по пути, она захватила и часть тебя. — Она вытянула руку и положила ее на грудь Лаклана, прямо туда, где билось сердце. — У нее все еще есть частичка тебя.

Он не лгал и не придумывал оправданий. Он повернулся к матери и сказал спокойным, твердым голосом. — Я люблю ее.

Она не спорила и не пыталась доказать, что Лаклан ошибается. Вместо этого, она кивнула и скривила губы, задумавшись.

— Опиши мне это, — сказала она внезапно. — Опиши свою любовь к ней.

— Мама... — сказала Лаклан. Мэгги не отступала. Она стояла там и ждала, когда ее сын ответит ей. — То, что ты просишь меня описать... я не могу описать. Это как просьба описать свежую воду. Она нужна мне для жизни. Так и мне нужна она, чтобы жить.

Мэгги сделала глубокий вдох. — Мне нравится Наоми, — бросила она небрежно.

Я хотела фыркнуть. Даже Лаклан посмотрел на мать скептически.

— Правда нравится, — настаивала она. — Но это не имеет никакого отношения к моей симпатии к ней. А к тому, что у нее есть нужда в тебе, такая интенсивная и мощная, что ничто не может это изменить. Я просто не думаю, что ты понимаешь, чем тебе придется пожертвовать, чтобы быть с ней.

— Зачем ты мне это говоришь?

Мэгги притихла. Она скрестила руки и облокотилась на перила. — Когда ты действительно любишь кого-то... то это на всю жизнь. Так легко произносить это слово из

шести букв, когда все просто и идеально. Если Наоми любит тебя так, как я думаю, тогда тебе нужно быть с ней несмотря ни на что. Ее счастье, страхи и боль — даже мысли — станут твоими, и ты должен сделать все что угодно, бы так все и осталось.

Мои глаза широко открылись, полностью шокированная тем, что Мэгги Холстед только что произнесла.

— Я не собираюсь сбегать, — поклялся Лаклан.

— Хорошо. — Машинально она добавила, — Не подведи ее.

— Не подведу.

Ее губы приподнялись в уголках, и она обняла Лаклана.

— Хорошо, что ты дома, милый.

Прежде чем уйти, она посмотрела поверх плеча Лаклана, прямо на меня.

Я стояла там и просто ждала, когда она позовет меня по имени. Но она развернулась и пошла внутрь.

Дверь, щелкнув, закрылась.

Лаклан замер, как если бы был вырезан из камня. Я вышла из своего укрытия и пошла к нему. Он смотрел на луг с отсутствующим взглядом. Я встала рядом с ним и прислонилась головой к его руке.

— Я знаю, ты слышала, — сказал он.

— Каждое слово.

Он посмотрел на меня с сожалением. — Моя мама, она просто....

— Была мамой, — закончила я за него. — Она права во всем, что сказала.

Он серьезно посмотрел на меня и тихо сказал, — Я, правда, люблю тебя.

Я слабо улыбнулась. — Я тоже тебя люблю... но любовь решает не все. Так что же мы будем делать?

Лаклан закрыл глаза и потер переносицу. — Я не могу просить тебя остаться в Маклин. Ты заслуживаешь уехать и прочувствовать всю прелесть студенческой жизни... — Он позволил своим словам повиснуть в воздухе. И я надеялась, что чтобы он не сказал после, это не разобьет мое сердце на кусочки.

— Так что, ты идешь в колледж, а я буду ждать тебя здесь.

— В Маклин?

Лаклан кивнул. — После моей интернатуры, мне нужно было провести год в Питсбурге. Тот год почти закончился, и потом я вернусь домой.

Я знала это. Просто не знала той части про Маклин. Я смеялась над иронией. Этот миф играет жестокую шутку с нами двумя. Именно тогда, когда мы решили дать этому — *мы* — шанс, одному из нас нужно уехать.

Мой смех сошел на нет, и мое сердце заболело. Я посмотрела на него с опустошенным видом. Он раскинул руки, и я охотно обняла его.

— Обещаю, — прошептал он мне на ушко. — Я буду здесь.

ГЛАВА 33. ПЕПЕЛ

В воскресенье поздним вечером Лаклан привозит меня обратно в «Фэйрфакс». Мы сидим в его машине, припаркованной прямо у входных дверей. Я смотрю вниз на свои руки, не желая выходить.

Эти выходные были насыщенными; глоток воздуха для меня, о котором я могла только

мечтать. Но все закончилось слишком быстро. Казалось, будто всего лишь несколько минут назад Лаклан только забрал меня на выходные.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — бормочет Лаклан.

Мои руки дрожат. Я прикусываю нижнюю губу, изо всех сил стараясь не заплакать.

— Эта поездка пошла тебе на пользу? — Лаклан поворачивается в своем кресле, заставляя воздух доносить до меня его аромат. Моя решимость рушиться. Слеза скатывается по моей щеке. — Приятно было выбраться? — спрашивает он.

— Я наслаждалась каждой секундой, — судорожно шепчу я.

— И я, — Лаклан наклоняется, протягивает руку и берет мою руку в свою. — Мне необходимо, чтобы ты вернулась туда и прошла до конца курс лечения. Ты даже представить себе не можешь, как сильно мне хочется забрать тебя и уехать отсюда прямо сейчас. Прощлой ночью я думал о том, куда бы мы могли бы отправиться. Может в Мэн? Или во Флориду? — Он улыбается. — Но я никогда не осуществлю эти мысли. Будет чертовски эгоистично с моей стороны, забрать тебя отсюда прямо сейчас. Я знаю, ты справишься. Хорошо?

— А что если нет? — Мой голос ломается. — Что если я постепенно угасаю и вскоре от меня совсем ничего не останется?

— Это невозможно. — Он кладет свою руку вокруг моей шеи. Наши лбы соприкасаются, наши глаза всего лишь в дюймах друг от друга. — Люди могут угаснуть только тогда, когда их ничего не держит на плаву. Но у тебя есть ты и я. Вместе мы всегда будем достаточно сильными, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Слезы стекали по моему лицу, падая на сиденье. Лаклан не утирал их рукой, да я и не хотела, чтобы он делал это.

Я провожу по своему лицу тыльной стороной ладони и с ужасом смотрю на «Фэйрфакс». — На протяжении последних двух дней я действительно чувствовала себя нормальной. Хочу всегда испытывать подобное.

— Ты будешь чувствовать себя так уже очень скоро. Действительно скоро.

Лаклан тянет меня обратно в свои крепкие объятия. Последние объятия. Прощальные объятия, которых я боялась на протяжении всего дня. Он крепко удерживает меня, и мне начинает казаться, будто он считает, что подобным образом сможет собрать кусочки моей жизни воедино.

И я действительно хочу, чтобы он смог. Мне хочется, чтобы все было так просто.

Я первой отстраняюсь, хватая за ручку двери до того, как слезы снова хлынут из моих глаз. Прежде чем выйти и уйти, я крепко целую Лаклана в губы. Мои глаза закрыты. Я вцепилась в его рубашку. Я позволяю своим губам задержаться на его губах на несколько секунд, после чего срываюсь с места.

Я выскакиваю из машины, захватив с собой свою сумку. Холодный воздух превращает мои слезы, скопившиеся в уголках глаз, в подобие льдинок. Я вспоминаю про сосульку на дереве. Подобные мысли придают мне сил идти вперед, не оглядываясь через плечо.

Обратно в ад.

ГЛАВА 34. ТУПИК

— Весело провела выходные?

— Да, — произнесла я, закрывая дверь в ее кабинет.

К счастью, она не спрашивает, чем я занималась. Да я бы и не рассказала. Я сажусь напротив нее.

Доктор Ратледж улыбается. — Могу сказать, что ты выглядишь... отдохнувшей.

— Я и чувствую себя такой, — признаюсь я. Отвернувшись, я пристально смотрю в окно. Всю ночь шел снег, и сейчас он тонким покрывалом лежит на земле.

— Я знаю, что ты скучаешь по нему.

Я перевожу взгляд на доктора Ратледж. Прямо сейчас мне хочется наклониться вперед и спросить у неё, по кому же я все-таки скучаю... по Лаклану или по Максусу? Потому что мое сердце мечется между ними. Оно начинает медленно разрываться прямо посередине, и я ничего не могу с этим поделать.

Я прекрасно понимала, что после своего возвращения в «Фэйрфакс», мне придется рассказать продолжение своей истории. Из-за этого я даже не спала прошлой ночью. Я не видела папу Ланы в своей комнате. Я просто проигрывала в своей голове все то, что уже рассказала доктору Ратледж, и вспоминала ту маленькую часть, о которой ей еще не поведала. Не знаю, готова ли я к этому.

Доктор Ратледж открывает свою тетрадь, берет ручку со стола и откидывается на спинку кресла. Её губы вытягиваются в улыбке:

— Готова?

— Рассказать вам оставшуюся часть своей истории?

Она кивает.

— Не знаю, — шепчу я.

Она кладет свою ручку обратно на стол. — О чем ты думаешь, Наоми?

— О том, что я никогда не заходила так далеко, рассказывая свою историю.

— И тебя это пугает?

Я пожимаю плечами. — Возможно.

— Думаю, я тоже бы боялась, если бы была на твоём месте. — Она кладет подбородок на ладонь и начинает барабанить пальцами по щеке, задумчиво смотря на стол. — Держать все это в себе очень трудно, но выпустить это наружу будет еще сложнее.

Я нерешительно киваю, не зная, что сделать или сказать в ответ на эти слова.

— Мы не обязаны делать это сегодня, — говорит доктор Ратледж. — Мы можем двигаться в твоём ритме. Я довольна результатом, которого ты уже достигла.

И я. На то, чтобы добиться подобного результата ушло много времени, но, по крайней мере, это происходит. Я понимаю, что доктор Ратледж права. Понимаю, что рассказать все это будет чертовски тяжело, но больше всего меня пугает то, что произойдет, когда я закончу свою историю. Меня пугает неизвестность. Мне начинает казаться, будто я зашла в тупик.

Я вытираю свои влажные ладони об спортивные штаны, пока не создаю трение, которое заставляет мою кожу покалывать. Вчера Лаклан сказал мне, чтобы я была сильной.

«Быть сильной, быть сильной, быть сильной». Шепчу я себе снова и снова, пока, наконец, не решаюсь поднять свой подбородок и посмотреть на доктора Ратледж. Я надеюсь, что подобные действия показывают мою решимость.

— Я готова продолжить, — наконец, говорю я.

Доктор Ратледж наклоняет свою голову вперед. — Ты уверена?

Я оживленно киваю. — Я расскажу Вам, что происходило дальше.

ГЛАВА 35. ПОТЕРЯННАЯ

Шел дождь. Сотни капель бисером собирались на стекле и медленно стекали, словно слезы. Красный стоп-сигнал бросал свой свет сквозь стекло на мое лицо. Я прислонилась лбом к стеклу и стала наблюдать за происходящим на улице. Прямо напротив меня расположился газетный киоск, в центре которого находился журнал с очередной статьей про Макса на обложке.

Его выпустили под залог около месяца назад, но это все еще была самый обсуждаемый скандал в Маклине. Клиенты отвернулись от него, и доброе имя его компании было запятнано грязью. У каждого были свои мысли и домыслы на этот счет. Большинство считало, что произошедшее — правда, и признавались, что они ни капельки не удивлены. Остальные были потрясены и шокированы. Они просто не могли поверить, что Макс способен на подобное. Но всех их объединяло одно: никто из них не попытался связаться с Максом, не попытался защитить его.

Загорелся зеленый свет, и я резко сорвалась с места. Шины шипели на мокром асфальте. Я покинула Маклин, и когда оказалась на подъездной дорожке возле дома своих родителей, быстренько осмотрелась, чтобы убедиться, что дома никого не было. Я не вернулась в университет, как планировала еще в августе. Я сказала себе, что пропущу этот семестр, а когда ситуация с Максом и Ланой наладится, то восстановлюсь. Но моих родителей такая ситуация не устраивала. Они смотрели на меня с разочарованием, поселившимся в их глазах. Каждый раз, когда они разговаривали со мной, их слова ложились на меня тяжелым грузом. Нельзя было не услышать обвинение, звучащее в их голосе. Я потерпела неудачу, а для них это неприемлемый вариант развития событий.

Во мне поселилось странное чувство. Мне не хотелось разочаровывать их. Подобное уже происходило в прошлом, но все мои прошлые неудачи были сделаны в свое время. Я не знаю, как исправить эту ошибку, связанную с возвращением к учебе. Все происходящее напоминало беспорядок, в котором я медленно тонула.

Прежде чем я выбралась из машины, я быстро напечатала сообщение Максиму о том, что у меня внезапно изменились планы и что после того, как я закончу с ними, мне очень хотелось бы увидеться с ним у него дома. Я бежала к задней двери, держа сумку над головой. Десятки птиц пролетали надо мной. Я посмотрела на них. Они образовывали клин, походивший на букву V. Я наблюдала, как они летят дальше, напоминая маленькие черные точки. Мне очень хотелось, чтобы эти птицы унесли все мои проблемы вдаль.

Я фыркнула на свою нелепую мысль и устремила взгляд на длинную полосу земли и окружающие меня деревья. Среди деревьев расположился мой дом. Крыша была усыпана листьями, которые придавали ей жженный, оранжево-красный оттенок. Лето исчезло уже несколько недель назад. Оно прихватило с собой солнечные деньки и яркие цвета, оставив миру опадающие листья, облачность, иней на траве и холодные дни. Оно также прихватило с собой мой оптимизм, оставив меня со смятением и болью.

Но дом совсем не изменился. Он все еще пробуждал воспоминания, которые никто и никогда не сможет отнять у меня. Если бы я закрыла глаза, то вспомнила бы, как Лаклан держал меня за руку и смотрел на меня около года назад. Как он признался, что любит меня, и как это пробудило во мне чувство, что все будет хорошо. Мне хотелось вернуть это чувство назад.

Я забыла переодеться. Бросив сумку внутри дома, я сошла с крыльца, словно находясь в трансе. Несколько раз я поскользнулась на мокрой траве, но еще до того, как я поняла это, я

побежала. Холодный воздух бил прямо в лицо, заставляя мои глаза слезиться. Кончики пальцев порозовели от холода. Я ускорила, и мое тело начало постепенно согреваться. Адреналин начал распространяться по моей крови. Я улыбнулась, когда приблизилась к аллее деревьев.

Чем ближе я подходила, тем сильнее, клянусь, я слышала голос Лаклана. *«Боже, я люблю тебя, Наоми».*

Я подходила все ближе и ближе, в то время как его голос становился все сильнее. *«Обещаю, я буду здесь».*

Я побежала сквозь деревья, отталкивая ветки, находящиеся на уровне моего лица. Деревья задерживали дождь, не позволяя каплям падать на меня, но некоторые все-таки проскальзывали мимо листьев, падая на меня. Наконец, я достигла полянки и остановилась. Тяжело дыша, я оперлась руками на колени и посмотрела в сторону дома.

Сейчас он выглядел более старым и избитым погодой, нежели тогда, когда я видела его в последний раз. Но это был все еще тот дом. Я рассмеялась, задыхаясь.

— Ты в порядке? — спросил кто-то позади меня.

Я ахнула и повернулась.

Я увидела Лаклана, задумчиво наблюдавшего за мной. Он промок под дождем, что сделало его пальто тяжелым. Его волосы прилипли к шее, а щеки порозовели на морозе. Он выглядел запыхавшимся, как и я.

Не было никакого приветствия. Вообще никакого.

— Как ты нашел меня? — спросила я.

— Я увидел, как ты бежишь, и последовал за тобой.

Мы стояли там и молчали. Мне было все равно на то, что льет проливной дождь. Это был первый раз за все лето, когда я увидела его. Я была ошеломлена. Не знала, что мне делать: сломаться и заплакать или броситься к нему в объятия. Я изучающе посмотрела на него, пытаюсь найти в нем хоть малейшие изменения. Но он был все тем же Лакланом.

Последний раз я разговаривала с Лакланом по телефону. Это произошло за два дня до того, как я покинула кампус университета. За два дня до начала летних каникул и моего возвращения в Маклин, где я хотела увидеться в Ланой. Хотя мы общались каждый день, но напряжение между нами становилось все сильнее и сильнее. Учеба в университете оказывала на меня некоторое давление. Лаклан хотел знать, что происходит, хотел мне помочь. Только я не рассказывала ему, что происходило. И я сходила с ума, потому что он ничем не мог мне помочь.

Прежде чем мы закончили телефонный разговор, он сказал мне, что хотел бы увидеться со мной, когда я вернусь. Я ответила: «Хорошо». Он признался, что любит меня. Я сказала, что тоже люблю его.

Но что изменилось между тогда и сейчас? Что сумело так быстро разделить нас?

— Ты в порядке? — спросил Лаклан.

Я моргнула, спасаясь от дождя и прошлого.

— Все хорошо, — наконец, призналась я.

Лаклан все еще не верил мне. Он сделал шаг в мою сторону. — Что произошло?

— Ничего.

— Ты ведешь себя так, словно что-то произошло.

Лаклан уставился на меня в поисках подсказки, которая позволила бы ему доказать свою правоту, и если бы я продолжила смотреть на него, но он бы ее нашел. Он шагнул

вперед и протянул мне руку. Я увернулась, словно эта рука была пропитана ядом, и позаботилась о том, чтобы сохранить расстояние между нами. Все это убивало меня.

Лаклан уставил на меня с нескрываемой болью в глазах.

— Ты уже знаешь, что я встречаюсь кое с кем?

Мои слова перемешались с большими и агрессивными каплями дождя, падающими с неба. Лаклан остановился и замер. Он ничего не ответил, и мне поначалу даже показалось, будто он не услышал мои слова. Его глаза сузились, и челюсть сжалась так плотно, что мышцы проступили на его щеках. Он слегка повернул голову.

— Что? — медленно спросил он. Он не повышал свой голос из-за дождя, но я услышала его.

— Его зовут Макс. Я познакомилась с ним летом на вечеринке, которую он устраивал.

Его глаза расширились.

— Лана была со мной, — в спешке продолжила я, — то есть, я хотела сказать, что пошла туда с ней. Она должна была туда пойти, потому что там были ее родители, и....

Я говорила бессвязно, и сама прекрасно это понимала. Опустошенное выражение, застывшее на лице Лаклана, заставило меня замолчать. Его брови были сведены вместе. Глаза распахнуты, словно он усиленно пытался что-то разглядеть во мне.

— О чем ты говоришь? — спросил он низким голосом.

Я смотрела на него с тоской в глазах. Это все, на что я была способна в том момент.

— Это я... — Он распахнул свое пальто и схватился за ткань рубашки. — Лаклан.

— Знаю, — произнесла я, будто оправдываясь.

— Знаешь?

— Конечно же, знаю! — ответила я. — Я знаю тебя практически всю свою жизнь!

Лаклан покачал головой. — Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я приоткрыла рот, но не издала ни слова. Лаклан заставил меня сомневаться в себе. Он заставил меня почувствовать себя так, словно я схожу с ума. И я ненавидела это.

Затем он открыл для меня свои объятия. С тех пор как Макс появился в моей жизни, я думала, что мне нужен только он.

Но я ошибалась. Они оба нужны мне.

Я охотно пошла в объятия к Лаклану. Он был невероятно теплый, крепкий и солидный. Я заставила себя глубоко вздохнуть и медленно выдохнуть, но это не сработало. Мое дыхание было резким, напоминающим судорожные вздохи. Мне хотелось начать с начала и рассказать ему историю Ланы. Я бы избавилась от боли, засевшей глубоко внутри моего тела. Лаклан бы выслушал меня, и я смогла бы похоронить все свои страхи. Все снова бы стало хорошо.

— Нет, не уверена, — произнесла я в его грудь.

ГЛАВА 36. ЗЕРКАЛО

Мы с Ланой по-разному отреагировали на арест Макса. Я поделила с ней печаль и отчаяние, но это не смогло затащить меня под воду. Внутри меня было слишком много зла и агрессии, которые просто не позволили этому случиться. Она же чувствовала себя ответственной за все это.

Я не виделась Лакланом около недели. Да это и не имело значения, потому что с тех пор все изменилось. На протяжении лета я отлично потрудились, отталкивая его в самый

дальний угол своего сознания, но стоило мне увидеть его, как все мои усилия тут же оказались напрасными. Казалось, словно мою голову зажали в тески. Она стала тяжелой, как будто я была на грани мигрени. Даже сейчас, я методично потирала виски.

Лана лежала на диване. Ее тело было укутано пледом. Волосы собраны в растрепанный пучок. Ее кожа была бледно-молочного цвета, как у людей, которые совсем не бывают на улице. Я позволяю беспокойству начать бурлить во мне. Я не могла сидеть здесь, сложа руки. Я спрыгнула со своего стула и хлопнула в ладоши.

— Тебе нужно встать с дивана, — объявила я. — Нужно съесть что-нибудь.

Лана посмотрела на меня, словно забыла, что я вообще находилась в комнате. — Я уже ела. — Она указала на пустую тарелку, стоящую на полу.

— Да, но кусок тоста не считается. Не поверишь, но твоему телу необходима энергия, чтобы функционировать.

Лана посмотрела на меня тяжелым взглядом, после чего перевела взгляд на телевизор позади меня.

Я схватила пульт и выключила его. Лана издала небольшой протест, когда я села рядом с ней. Я громко вздохнула и прислонилась к ее ногам.

— Давай, — произнесла Лана. — Выскажись.

Я посмотрела на нее, сведя брови на переносице.

— Я знаю, что сейчас тебе хочется все выплеснуть.

Я вздохнула. — Я не хочу все выливать на тебя. Я просто хочу, чтобы ты взбодрилась. Сейчас все... немного странно.

— Ты говорила мне тоже самое год назад. — Лана начала разминать руки. — Ты возвращаешься на учебу?

Я слегка напряглась. — В следующем семестре. Мне же больше нечего не остается, как продолжить учиться, верно? — Я посмотрела на Лану и слабо улыбнулась. Она не стала улыбаться мне в ответ. — Мои родители хотят, чтобы я вернулась на учебу.

— Но ты сама-то хочешь вернуться туда?

— Наверное, да, — ответила я тихо.

Я встала и начала мерить шагами комнату, оттягивая воротник рубашки, вдруг почувствовав, будто задыхаюсь. — Как я могу сейчас сфокусироваться на чем-то ином? Мне кажется, будто весь мир вокруг меня рушится.

— Может быть, он всегда рушится вокруг нас.

Мне хотелось сказать ей, чтобы она не сотрясала воздух. Нет ничего нового в уклончивых фразочках Ланы; она неделями делала подобное. Но сейчас ее слова начали проедать мой разум, делая меня параноидальной и посылая мурашки по спине.

— Что это значит? — спросила я.

Лана пожала плечами, не отводя взгляд. Она смотрела мне прямо в лицо. — Мне просто кажется, что правда, наконец, настигает тебя, нас обеих, а ведь это именно то, чего я всегда хотела избежать. Я надеялась, что этого никогда не произойдет...никогда. Мой отец уничтожает людей, окружающих меня.

Когда она договорилась, в квартире стало настолько тихо, что вы могли бы услышать, как из крана падает капля воды.

Мы ничего больше не произнесли вслух. Ее слова эхом пронеслись в моей голове.

Я встала и вышла из комнаты.

Мы старались избегать друг друга всю оставшуюся часть дня.

Я проснулась от непонятного грохота и сразу же села, чувствуя, словно меня вырвали из сна. У меня ушло некоторое время, чтобы вернуться в реальность, и когда я это все-таки сделала, то посмотрела на часы. Было почти шесть часов утра.

Дезориентация не ушла. Я пришлось приложить усилие, чтобы остановить свое тело и не дать ему завалиться вперед. Я чувствовала онемение, хотя внутри меня был орган, размером с мой кулак, который не прекращал неистово биться. Я прижала ладонь к сердцу и сделала несколько глубоких вдохов. Спустя несколько минут мое сердцебиение все еще не могло нормализоваться, и я сдалась. Выбралась из постели. Мои ноги тряслись, когда я открыла дверь и высунула голову в темный коридор. Полоска света виднелась из-под двери ванной. Я выкрикнула имя Ланы. Мой голос был кристально чистым и твердым, но она не ответила мне.

Наконец, я вышла в коридор. В квартире было убийственно тихо. Я слышала все: кровь, шумевшую в моих венах, свое затрудненное дыхание и свои шаги по ковровому покрытию.

Когда я дошла до двери, то уже собралась постучать, но засомневалась на миллисекунду. Внутри меня была крошечная часть, которая была напугана и настойчиво твердила мне не заходить внутрь.

Я мягко постучала. Мои глаза закрылись, когда ответа не послышалось.

— Лана? — произнесла я.

Я услышала, как по ту сторону двери открылись и закрылись шкафчики. Затем последовали всхлипы.

— Лана, я вхожу, — сказала я, открывая дверь.

Открыв дверь, я сделала всего лишь шаг и замерла. Лана смотрела на свое отражение с ножом, прижатым к левому запястью.

Я аккуратно подошла и произнесла ее имя. Она даже не посмотрела на меня.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Она моргнула и продолжила смотреть на себя. Поворачивая голову в разные стороны и осматривая свои черты критичным взглядом.

— Моя кожа идеальна, — произнесла она, оставляя царапину на запястье. Ее рука начала дрожать. Я резко вдохнула. — Но знаешь что? — Она склонила голову на бок и посмотрела на меня через зеркало. Я в ответ перевела взгляд на ее отражение в зеркале. Лана может сколько угодно думать, что она безнадежна, но я вижу в ней человека. Того, кто должен бороться всю жизнь, чтобы выжить. Если она пройдет это испытание в своей жизни, то ее уже будет невозможно остановить.

— Но внутри у меня столько боли, — произнесла она. — И она продолжает умножаться.

— И думаешь, если будешь резать себя, то исправишь это?

— Да.

Я попыталась вразумить ее. Я сказала, что мы можем куда-нибудь сходить, куда угодно, лишь бы она почувствовала себя лучше. Не голодна ли она?

Лана отказалась от всего.

Я попыталась снова. — Как насчет того, чтобы выпить чего-нибудь, что заставит тебя уснуть? Ты примешь это, заснешь, а завтра поймешь, что новый день лучше предыдущего. Ты сможешь все обдумать!

Лана посмотрела на меня, все еще через зеркало, словно я была сумасшедшей. — Мне не нужны снотворные. Я знаю, как заставить боль исчезнуть. — Лана подняла нож. Лезвие сверкнуло на свету, и мое дыхание застряло в горле.

— Просто отдай мне нож, — умоляла я.

Но Лана больше не была со мной. Я видела в ее глазах, что она застряла в тайнике своих воспоминаний. Уплывая все дальше и дальше от реальности.

— Ты не понимаешь, — произнесла Лана.

— Так объясни мне. — Я сделала еще один шаг в ванную и закрыла за собой дверь. Мы были единственными людьми в квартире, но я по-прежнему ощущала потребность в закрытых дверях. Казалось, будто я закрывалась от всего мира ради этого слишком личного разговора. — Заставь меня все понять.

Она посмотрела на меня, будто я сумасшедшая. — Это, — она помахала ножом в воздухе, — единственный способ заставить боль уйти.

— Нет, это не так, — быстро ответила я.

Нож вернулся к ее запястью. Она настолько сильно сжимала металл, что ее костяшки побелели, а пальцы начали неконтролируемо дрожать. Я выжидала идеального момента, чтобы сделать выпад вперед и выхватить нож из ее рук, не причиняя боли никому из нас.

— Лана, если ты просто....

— Позволишь мне сказать? — закричала она.

Я прижалась к двери. Я никогда не слышала, чтобы она на кого-то поднимала голос, особенно на меня.

Я в защитном жесте подняла руки. — Да. Да. Можешь говорить. Вся сцена твоя.

Она тяжело дышала, не сводя глаз со своего запястья, словно то разговаривало с ней.

— Однажды... — медленно начала Лана. — Когда мне было двенадцать, у моей бабушки была подруга, работающая в церкви. Они сидели в гостиной моей бабушки и разговаривали, а я подслушивала их, стоя за дверью. Бабушка спросила, как эта женщина чувствует себя. У женщины же, которой было около тридцати лет, на коленях была упаковка салфеток. Как я знала, она потеряла ребенка на 20 неделе. И на вопрос моей бабушки, она ответила: «Он все еще здесь», — и погладила свой живот. — «Даже несмотря на то, что он ушел, я ощущаю его каждый день». — И она рассказала бабушке, что иногда поднимает рубашку, ожидая увидеть округлившийся живот, но, когда ничего не видит, её посещает непреодолимое желание умереть. Моя бабушка сказала ей не думать об этом, сказала что суицид — это грех.

Лана продолжала смотреть на нож. Она так крепко его держала. Наконец, я решилась сделать шаг вперед, держа руки вытянутыми передо мной.

— Но ты знаешь, что эта женщина ответила? Она сказала: «Неужели, суицид — грех? Я знаю, что мой сын сейчас в безопасности. Он в безопасности и счастлив. Я же, в свою очередь, просто хочу быть рядом с ним. Я хочу смерти». Сначала я думала, кто может хотеть смерти? — Лана посмотрела на меня, действительно на меня, не обращая внимания на мои вытянутые руки и осторожный взгляд. Она тяжело рассмеялась, после чего продолжила: — Для меня, смерть была ужасающей. Большинство людей борются с ней так долго, как только могут. Но эта женщина желала ее. Но затем я подумала кое о чем. Может быть, эта женщина поняла то, что остальные так и не смогли. Когда слез и злости недостаточно, может быть смерть — это единственный гарантированный способ положить конец боли.

В ее глазах были слезы.

— Раньше я думала, что оскорбления и унижения прекратятся. Но теперь понимаю, что это не прекратится никогда. Так почему я должна пробираться через боль? Почему бы не покончить со всем этим?

Слезы капали на ее запястье. Некоторое время мы обе смотрели на ее идеальное запястье, омраченное слезами.

Лана надавила. Кожа вокруг лезвия стала белой. Я дернулась вперед, но было слишком поздно. Она провела лезвием по одному запястью, а затем и по второму.

У нее ушло всего лишь несколько секунд, чтобы вскрыть оба запястья. На лезвии даже не осталось ни капли крови.

Нож упал на пол. Лана вздохнула и посмотрела на меня. Я ожидала увидеть ужас в ее глазах из-за того, что она сделала, но она выглядела счастливой, словно испытывая облегчение.

Она улыбнулась и посмотрела на кровь, которая медленно начала подниматься к поверхности и стекать по ее рукам, капая на пол, напоминая кровавые слезы.

— Вот дерьмо, — выдохнула я, переводя взгляд между ней и каплями крови на полу. Я почувствовала онемение и перестала дышать.

Жизнь медленно вытекала из нее, а она подняла руку в воздух, наблюдая, как эти слезы щекочут ее призрачно-белую кожу.

— Все исчезает, — произнесла она с благоговением.

Мое дыхание возобновилось короткими вздохами. Кровь вызывает у меня приступ тошноты. Я снова задержала дыхание и сделала шаг вперед. Я продолжала удерживать взгляд на лице Ланы, фокусируясь на ее губах. Они были изогнуты в маленькую улыбку. Я попыталась представить счастье и смех, вместо безнадежности и отчаяния, окруживших меня.

— Лана, что ты только что сделала? — спросила я. Мой голос был немного слабый.

Ее тело осело около моего мертвым грузом. Я потянулась к полотенцу и, когда сделала это, поскользнулась на ее крови. Мы обе дернулись назад и ударились о стену с громким стуком.

Лана прижалась головой к моему плечу. Я дышала медленно, в оцепенении уставившись в потолок. Моя голова пульсировала. Свет вокруг меня помутнел.

Мы обе сидели в абсолютной тишине. Единственным звуком, повисшим в воздухе, было мое затрудненное дыхание и слабые вдохи Ланы.

— Она была права, — наконец, прошептала Лана. — Ты в безопасности, когда мертва.

ГЛАВА 37. ШРАМЫ

Я слушала пиканье мониторов, постоянно нарушающих тишину, в то время как Лана лежала на кровати, смотря телевизор с отсутствующим взглядом.

Я же стояла снаружи ее палаты. Единственным, что останавливало меня от того, чтобы зайти внутрь, были ее родители. Они приехали в десять утра и вот сидели с ней уже как два часа. Вместо того, чтобы быть любящими и обеспокоенными родителями своей дочери, они за все это время ничего так и не произнесли. Отвращение и разочарование читалось на их лицах. Мать Ланы вцепилась в свою сумочку одной рукой, а другой — постоянно теребила жемчужное ожерелье на своей шее. Ее отец вел себя не лучше. Его губы были сжаты в тонкую линию, а взгляд был тяжелым, когда он смотрел на Лану, словно она была самым

слабым человеком, которого он когда-либо видел.

Я заглянула в палату. Когда я это сделала, моя нога нетерпеливо постукивала. Родители Ланы расположились в креслах по обе стороны от ее кровати и смотрели телевизор. Они моргали каждые несколько секунд, словно роботы, которых обучили вести себя как люди.

Передача прерывалась на рекламу. Мать Ланы откашлялась и начала снова теревить свой жемчуг.

— Ну... это того стоило? — спросила она.

Лана повернула голову, моргнула и произнесла очень медленно, но уверенно, — Каждый дюйм.

— Для тебя это шутка?

— Нет, — ответила Лана. — Я могла бы придумать более забавный и не настолько болезненный способ пошутить.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Для нее все это шутка, Майкл! — разглагольствовала ее мать. Она вдохнула через нос и встала. — Для нее все это шутка! Ее не волнует, как это отразится на нашей семье. Хотя, чему я так удивляюсь? Если она не волнуется о собственной жизни, то зачем ей беспокоиться о нас?

— Мама...

— Я не могу терпеть подобное, — сказала она и схватила свою сумочку. Прежде чем выйти за дверь, она посмотрела на своего мужа. Не на своего ребенка, а на мужа. — Я буду ждать тебя в зале ожидания.

Она поправила ремешок сумочки и провела рукой по волосам, словно готовилась к шоу. Хотя, если хорошенько подумать, то так оно и было. В ту минуту, когда она вышла из палаты, она ожила. Она снова начала играть свою главную роль — роль любящей матери Ланы. Ей приходилось хорошо стараться, чтобы вжиться в эту роль.

Дверь за ней захлопнулась. Я прислонилась к стене, но в этом не было необходимости, потому что мать Ланы так и не оглянулась. Она шла вперед, держа голову немного высокомерно, и ее каблуки эхом отзывались в коридоре.

Я осмотрела комнату.

Лана смотрела прямо на экран телевизора. Ее не очень взволновало поведение матери, но я заметила легкую дрожь, охватившую ее руки.

Ее отец не встал с кресла. Он был достаточно близок к ней, его колени прижимались к ее кровати.

— Твой врач сказал, что тебя должны будут выписать через пару дней, — сказал ей отец.

Лана лишь кивнула.

— Ты должна будешь пару раз в неделю встречаться с терапевтом, но в целом все вернется на круги своя. И когда я говорю о том, что все вернется на круги своя, я имею в виду, что ты вернешься домой... где, собственно, и должна быть.

Лана посмотрела на отца. — Что?!

— Ты должна быть дома, чтобы мы с твоей матерью могли присматривать за тобой, чтобы мы могли убедиться, что подобного больше никогда не произойдет.

Она моргнула, и когда ее глаза сфокусировались на отце, в ее взгляде не было ничего, кроме отвращения. Я знала, что сейчас был первый раз, когда Лана так открыто

противостояла своему отцу.

Не знаю, почему она выбрала именно этот момент. Может быть, вчерашняя попытка самоубийства не только подтолкнула ее к краю жизни и смерти, но и заставила все ее страхи исчезнуть.

— Иди к черту, — холодно прошептала она.

Его голова склонилась на бок, словно он плохо ее расслышал. — Что ты сказала?

— Я сказала, иди к черту. Я сделала все это из-за тебя. — Она посмотрела на свою кровать. — А теперь убирайся.

— Мы с твоей матерью пытаемся помочь.

— Мама вышла из комнаты несколько минут назад, потому что не может даже смотреть на меня. Она не хочет мне помогать, в общем-то, как и ты. Так что убирайся.

Казалось, ее отец не торопился. Его щеки покраснели, безусловно, от злости и смущения. Он смотрел на свою дочь, и его глаза наполнены незаслуженной ненавистью. Лана смотрела на него в ответ, ее глаза были пустые и непоколебимые.

— Я могу нажать на кнопку, — сказала Лана, — и медсестра окажется здесь спустя несколько минут.

Ее отец встал.

Я поспешила отойти от ее палаты. Через несколько секунд я услышала, как скрипнула дверь. Послышались шаги. Ее отец не торопился прочь, как ее мать. Он подождал несколько минут, прислонившись к стене и уставившись в натертый пол, после чего вытащил из кармана сотовый телефон.

— Тим, как ты? Это Майкл. Слушай... — ее отец откашлялся и пошел вдоль стены, — ... мне нужно, чтобы ты сделал мне одолжение...

Мне хотелось последовать за ним, что услышать каждое произнесенное им слово. К тому же медсестра только что зашла в палату Ланы. Она проверит ее кровяное давление, измерит температуру тела и спросит, не нужно ли Лане что-нибудь. Я смогу вернуться через некоторое время и проскользнуть в палату Ланы, чтобы наконец-то поговорить с ней. Но я осталась стоять там, где и была, наблюдая, как ее отец уходит все дальше и дальше, пока он не завернул за угол и не исчез.

У него определенно было что-то на уме. Я не знала, что, но прекрасно понимала, что это касается Ланы. Я знала, что родители Ланы отчаянно хотят скрыть ее попытку суицида так быстро, как только это возможно.

Наконец, медсестра вышла из ее палаты. Я зашла в помещение после нее и мягко закрыла за собой дверь. Лана не отрывала глаз от телевизора. Это был повтор старого ситкома с закадровым смехом, где действие происходит в домах, которые никогда не захламляются, и на экране постоянно мелькает семья, которая обнимается при каждой удобной возможности.

— Я бы хотела, чтобы мои проблемы можно было решить за тридцать минут, а то и меньше, — тихо произнесла Лана.

— Я тоже, — вздохнула я и свернулась на краю ее кровати, ведя себя так, словно она была не в больничной палате, которая пахла дезинфицирующими средствами, а в своей квартире, которая пахла сиренью. В течение нескольких минут я смотрела шоу, а затем перевела взгляд на Лану. — Как ты?

— Если я скажу тебе, что все хорошо или хотя бы нормально, ты мне поверишь?

— Нет.

— Тогда я скажу тебе правду. — Она сглотнула. — Я чувствую себя ужасно.

Я посмотрела на Лану. Ее лицо, обычно такое мягкое и чистое, было бледным, почти прозрачным, с каплями пота, проступившими вокруг ее лба и над верхней губой. Кожа на губах потрескалась. У Ланы всегда были потрясающе красивые волосы. Прямые и шелковистые, как у ребенка. Ниспадающие по ее спине и заканчивающиеся на уровне талии. Кончики всегда аккуратно подстрижены. Но сегодня ее волосы находились в диком беспорядке. Она собрала их в нелепый односторонний хвостик. Но самое ужасное — ее запястья. Они были сильно перевязаны и лежали на кровати мертвым грузом.

— Думаю, сейчас боль стала сильнее, — серьезно сказала она.

Я встала, думая о том, что стоит позвать медсестру или доктора, чтобы они помогли ей. — Что?

Она подняла свои перевязанные запястья и посмотрела на них со смесью обиды и печали. — Моя боль. Думаю, эта боль находилась в моем теле слишком долго. Я могла бы продолжать вырезать ее из-под кожи, но это уже не имеет никакого значения. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Боль никогда не уйдет.

Я медленно села.

Что я могла на это ответить?

Я пыталась придумать какую-нибудь вдохновенную цитату. Что-то, что даст ей надежду. Но в голову ничего не приходило.

Да и цитата не сработает. Ничто не сработает. И мы обе это понимали.

Ее рука тяжело упала на кровать.

— Хотя на секунду, я испытала блаженство, — призналась она. — Знаю, дерьмово это говорить. Хотя, это правда. На секунду я подумала, что мои проблемы исчезли. Но с каждой каплей крови, что я теряла, меня ожидали новые галлоны крови, которыми меня снова наполнили.

— Думаю, я знаю, что сказать, — произнесла я грустно. — Но ничто из сказанного мной, не исправит ситуацию.

— Я не прошу тебя делать все правильно. Никто не способен на подобное.

— Так что же будет дальше? — спросила я.

— Я не знаю. Доктор продолжает говорить, что я вернусь домой через пару дней, чтобы мои родители помогли мне «восстановиться».

Я вздрогнула.

Она улыбнулась. — Иронично, верно?

— Ты же не поедешь с ними домой, не так ли?

— Нет, — твердо ответила Лана.

Я открыла рот, чтобы озвучить свой вариант.

— Могу я побыть одна, пожалуйста? — попросила Лана.

— Конечно. — Я встала и попрощалась, даже несмотря на то, что это было последнее, чего я хотела. Дверь закрылась за мной. Я прижалась к ней, положив руки на колени, и начала делать глубокие вдохи.

Спустя некоторое время я ушла. Ноги дрожали, и мне казалось, что я могу упасть в любой момент. Я ускорила шаги. Лифт располагался сбоку, но казалось, будто я застряла в «комнате смеха». Он становился все дальше и дальше, пока мне не начало казаться, будто я никогда не смогу дойти до него.

Я побежала, но коридор становился уже и длиннее, растягиваясь на мили. Медсестры и

посетители были повсюду. Я слышала сотни голосов. Я уверена, что у каждого из них были свои проблемы, с которыми надо было справиться, но я все отдала бы, чтобы поменяться с ними жизнями.

И тогда я поняла, что когда я увидела сцену изнасилования, в моей вменяемости возникла небольшая трещина. И впоследствии каждое событие только увеличивало ее. Сеть вен делала меня хрупкой. Наконец, я начала разрушаться. Все разом обрушилось на меня, и я рассыпалась на миллион кусочков.

Я свернулась на полу и закричала, пытаясь стереть слова Ланы.

«Боль никогда не исчезнет».

Ее голос стал сильнее, и мир снова медленно потемнел.

Когда я очнулась, я была в «Фэирфакс».

ГЛАВА 38. ПЕРЕМЕНЫ

Часы на столе доктора Ратледж щелкнули, напоминая мне о мониторах в больнице. Я уставилась на доктора Ратледж, ожидая, когда наступят новые, радикальные изменения.

И вот она.

Вот моя история. Я открыта, и мне больше нечего сказать. Так что же произойдет дальше?

Смогу ли я медленно превратиться обратно в человека, которым была раньше? Или, может быть, доктор Ратледж щелкнет пальцами, и я пойму, что это был сон.

Мне плевать, что на самом деле происходит, пока все *это* происходит.

Мы сидим здесь, смотря друг на друга. Часы продолжают тикать, и я становлюсь нетерпеливой. Я заслуживаю, нет, я жажду этих *перемен*. Так, где же они?

— Теперь понимаете? — нетерпеливо спрашиваю я.

Доктор Ратледж кивает. — Понимаю.

Мои глаза сужаются. — Пожалуйста, только не смейтесь надо мной.

— Я не смеюсь. Я понимаю, что ты прошла через ужасную ситуацию.

— Если вы понимаете, тогда объясните мне, почему я здесь. Как кто-то, кто просто пытался помочь своей подруге, оказалась в психологической лечебнице.

Доктор Ратледж продолжила смотреть на меня, ничего не говоря и ничего не предлагая.

— Не я пыталась совершить самоубийство, а Лана. — Я дернула рукава вверх и вытянула оба своих запястья. — Видите? Никаких шрамов. Ничего.

Она смотрит на мои запястья. Мои бледные запястья без шрамов.

— Видите? — Я практически пихаю их ей. — Видите эти вены? Я знаю, что по ним течет моя кровь, и знаю, что внутри меня есть душа, и я знаю, что впереди у меня жизнь, ради которой стоит жить. Хотя...в настоящий момент это не так уж и много. Но я знаю, что у меня есть все это.

Она переводит взгляд с моих безукоризненных запястьев к мои глазам. Я опускаю руки и сажусь обратно в кресло. Мы окружены тишиной. За исключением тиканья часов. Этих дерьмовых часов. Мне хочется взять их и разбить на кусочки. Я потираю виски.

— Скажите мне, — умоляю я. — Пожалуйста, скажите мне, почему я здесь.

Она роняет ручку на стол, а затем наклоняется вперед и произносит нежным, но твердым голосом:

— Ты здесь, потому что ты сломалась. Произошедшее с Ланой было слишком тяжелой для тебя ношей.

— Это не оправдание для того, чтобы поместить нормального и абсолютно здорового человека сюда, — спорю я.

Она грустно улыбается. — Когда кто-то испытывает нервный срыв, вроде того, который испытала ты, то подобное случается.

Мои губы дрожат. Я чувствую себя глупо. Мне стыдно. И это смешно. — Я хочу домой, — говорю я.

Мой дом все еще мой дом? Позволят ли родители мне вернуться домой?

— Нет. Ты еще не готова к выписке.

Я опускаю голову на руки. Заплакать или закричать? Я не знаю. Я просто жду, пока большой, завязанный шарик лопнет в моем горле, но ничего не происходит.

— Что ты чувствуешь, Наоми?

— Чувствую, будто делаю шаг вперед и двадцать шагов назад, — бормочу я в свои руки.

— Ты думаешь, что у тебя ничего не получается?

Я киваю и смотрю на нее, сморгнув слезы раздражения.

— Я всего лишь хочу ответов... — произношу я беспомощно.

— Как бы мы не хотелось, чтобы это произошло в мгновение ока, но все работает иначе.

Мои глаза закрываются, и я слушаю ее, ощущая себя отверженной.

— Завтра новый день.

Я устала от новых дней и нового оптимизма, который приходит вместе с ними, потому что несколько часов спустя, когда садится солнце, мой оптимизм улетучивается, и я снова испытываю чувство одиночества.

Мэри открывает дверь. Сеанс окончен. Доктор Ратледж говорит, что мы увидимся завтра. Она посылает мне свою оптимистическую улыбку.

Я не говорю ей о том, что чувствую или о чем думаю. Я просто встаю и выхожу за дверь вместе с Мэри.

ГЛАВА 39. ЖЕНЕВЬЕВА

— Доктор Ратледж, можно на пару слов?

Я поднимаю голову. Доктор Вудс, старый психиатр Наоми, стоит в дверном проеме.

Тиму Вудсу 58 лет, и его черные волосы уже слегка припорошены сединой. Вокруг глаз сформировались морщинки, и неудивительно, что вокруг губ происходит тоже самое. Он никогда не улыбается. Прямолинейен. Сейчас, находясь на закате своей карьеры, он выжидает время, когда сможет наконец-то уйти на пенсию. Возможно, когда-то он и беспокоился о том, что здесь происходит, но не сейчас.

Это всего лишь мимолетная мысль, но я задаюсь вопросом, не высосет ли эта работа из меня все соки, как это произошло с Тимом Вудсом? Перестану ли я беспокоиться?

Закрыв медицинскую книжку, лежащую передо мной, я махаю ему, приглашая зайти. — Конечно.

Он смотрит на мою книжку. — Ты занята?

— Нет, совсем нет.

Тим садится. Я практически не общалась с доктором Вудсом, поэтому видеть его в своем офисе было, мягко говоря, удивительно.

— Чем я могу помочь? — спрашиваю я, улыбаясь.

Его пальцы барабают по подлокотнику. Его глаза мрачные. Моя улыбка начинает

угасать, а живот начинает крутить. Что-то не так.

— Я хотел поговорить с тобой о Наоми Кэррадайн.

Мой взгляд перемещается на файл, лежащий на углу моего стола. В правом верхнем углу черным маркером написано ее имя: «КЭРРАДАЙН, НАОМИ».

— Что с ней? — спрашиваю я, мой взгляд по-прежнему устремлен на её файл.

— Я подумал, что тебе следует знать о том, что ее мать решила забрать ее из «Фэйрфакс».

Моя голова медленно поднимается. Я с недоверием смотрю на Тима. Все ли я расслышала правильно?

Тим наблюдает за мной, проводя пальцами по своим губам.

— Что? — слабым голосом спрашиваю я.

— С сегодняшнего дня Наоми не является пациенткой «Фэйрфакс».

Четыре года колледжа.

Четыре года медицинской школы.

Четыре года курсов по повышению квалификации.

Куча времени, потраченная на обучение. Я пробиралась сквозь все эти года, ведомая лишь мыслью о том, почему я так сильно хотела быть психиатром: чтобы помогать людям.

Прежде чем я устроилась в «Фэйрфакс», я работала на маленькую частнопрактикующую клинику в течение двух лет. За это время я видела матерей, находящихся на пределе. Несколько подростков, застрывших в гормональной колее, из которой они не могли выбраться самостоятельно. Но там не было ничего более серьезного. Как только мне предложила поработать в «Фэйрфакс», я поняла, что это был шанс, которым нужно обязательно воспользоваться, чтобы показать всем, на что я действительно способна.

Я не знала, какого это быть психиатром, пока не пришла сюда. Пока я не взяла себе в качестве пациента Наоми Кэррадайн. Каждый раз, когда я смотрела на Наоми, я видела девушку, которая, когда смотрела в зеркало, не видела ничего, кроме темноты. И я не могла это проигнорировать.

— Почему? — Все, что я сейчас смогла придумать, был этот элементарный вопрос. Я видела, какого прогресса достигла Наоми, и мне становится плохо от мысли, что все, сделанное нами, было впустую.

Тим пожимает плечами. — Ее родители полагают, что одних лекарств ей будет достаточно.

— Ты же с этим не согласен, не так ли?

— Ей становится лучше, — слабо утверждает он.

— Да, ей становится лучше, но не на столько, чтобы она могла покинуть лечебницу! — взрываюсь я. Так неожиданно. Это так не похоже на меня. Но мое терпение лопнуло. — Мои сеансы помогали ей двигаться в правильном направлении. Она была так близка к прорыву. Еще несколько подобных встречать, и ее бы выпустили уже в течение ближайших шести месяцев.

— Ее мать не хочет продолжать ваши встречи. Время вышло.

Доктор Вудс внимательно наблюдает за мной. Я смотрю на свой стол.

— Я только начала с ней работать, — говорю я тихо. — Мы ведь только смогли добраться до корня проблемы!

— Мы не против Наоми. Мы....

Моя голова поднимается вверх. Я вздрагиваю от его слов. — Кто «мы»?

Тим поясняет. — Я и ее родители.

Я была так сфокусирована на том, что Наоми покидает лечебницу, что даже не подумала о том, как Тим об этом узнал.

— Когда ты разговаривал с ними?

— Вчера.

— О чем? — я начала вести ответный огонь.

— Я не твой пациент. Нет никакой необходимости разговаривать со мной так же, как с ними.

— Но ведь она больше не твой пациент.

— И я это понимаю. Но мне кажется, что ее родители имели право знать, что происходит, — отвечает он с резкостью в голосе.

— Согласна. Но если они хотели бы узнать о ее прогрессе, то могли позвонить и поговорить со мной. Я бы с радостью их обо всем проинформировала. — Я посмотрела ему в глаза. — Ты же не ее врач. Ее состояние тебя не касается.

Тим посылает мне тяжелый взгляд. — По правде говоря, я разговаривал с ними, потому что считаю, что ты слишком близка с Наоми.

— Извини, что ты считаешь? — спрашиваю я очень медленно.

— Что у вас с ней есть точки пересечения. Ты слишком заинтересованное лицо. Ты....

— Я знаю, что ты имеешь в виду..., — говорю я нетерпеливо, — ...но не надо ставить мне диагноз.

— Кто-то же должен это сделать. Все очень просто. Ты никогда не должна привязываться к своим пациентам. Ты должна в любой ситуации оставаться врачом, но проигнорировала подобную установку. Ты сопереживаешь этой девушке, заботишься о ней, когда все, что от тебя требуется, это поставить точный диагноз, вылечить и позволить ей дальше идти своим путем.

Когда я ухожу в конце дня с работы, то стараюсь оставить свою работу в офисе. Но голос Наоми всегда эхом отзывается у меня в голове по пути домой. Ее лицо вспыхивает в моем сознании, когда я ужинаю или готовлюсь отойти ко сну. Когда я лежу в кровати, то вижу изображение файла с ее именем, написанным в правом верхнем углу аккуратными, черными буквами, на своем потолке.

Эти буквы начинают перемещаться, и я лежу там, надеясь, что они перестанут двигаться и, в конце концов, покажут мне ответ на все проблемы Наоми.

Очевидно, что подобное происходит только со мной. У Тима Вудса подобных проблем нет. Он сидит здесь, с такой легкостью раздавая хлесткие оскорбления, словно это конфеты.

— Я пытаюсь быть для нее хорошим врачом, — говорю я.

— А что насчет того, как прошли ее прошлые выходные? Тогда ты тоже старалась быть для нее хорошим врачом?

Я выпрямилась в своем кресле. — А что случилось-то?

— Почему ее родителей не уведомили об этом?

— Так вот почему они ее забирают. Все из-за того, что я позволила ей взять небольшой перерыв?

— Наоми нельзя покидать лечебное учреждение. Она не может самостоятельно уходить из «Фэйрфакс» и возвращаться. Не ей принимать это решение, а её родителями. Вы же позволили ей покинуть лечебницу, а Лаклану Холстеду забрать ее к себе.

— Она не заключенная, а пациентка.

Губы доктора Вудса сжались в тонкую линию. Его неодобрение было на лицо. Полагаю, я нарушила какой-то моральный кодекс врачей, скрывая поездку пациентки на выходные от ее родителей. Они поместили ее сюда под нашу ответственность, и, подразумевается, что они должны быть уведомлены в случае, если их ребенок покидает «Фэйрфакс». Но я так и не смогла испытать чувство вины от того, что сделала. Я знала, это было правильно. Наоми вернулась после выходных с ярким блеском в глазах. Она зарядилась. Это был тот самый импульс, в котором она так нуждалась.

— Как ее родители вообще узнали? — спрашиваю я подозрительно. — Подожди-ка, — я поднимаю руку, — дай угадаю. Это ты им рассказал?

Тим ничего не отвечает. На самом деле, чем дольше мы разговариваем, тем более не комфортно ему становится: то он ерзает на своем месте, то поправляет свои очки каждые несколько секунд, то прочищает горло, будто пытаюсь что-то достать оттуда. Я сужаю глаза.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я? — спрашиваю я тихо.

— Ничего, — произносит он, ее голос жесткий и холодный.

«Лжец», — думаю я.

— Да брось, — уговариваю я. — Скажи мне, наконец, правду. Расскажи, почему ты обвиняешь меня в том, что я слишком сильно привязалась к своему пациенту, когда сам звонишь ее родителям и уведомляешь обо всем, что я делаю, опять же, *со своим* пациентом.

— Ты забываешь, что до твоего появления она была моим пациентом.

Я бросаю ему тяжелый взгляд. — Ты знаешь ее семью за пределами «Фэйрфакс»?

Его ответ был слишком быстрым. — Нет!

— Врешь, — на этот раз я озвучиваю свои мысли.

Мы смотрим друг на друга. Я не намерена отступить. Он пришел в мой кабинет. Он сказал мне, что ее забирают. Он должен мне все объяснить.

Тим громко вздыхает и трет переносицу. — Родители Наоми... мои близкие друзья. Отец Наоми был обеспокоен поведением дочери. Я посоветовал ему обратиться за принудительной госпитализацией, чтобы ее можно было поместить сюда. План заключался в том, чтобы оставить ее тут на несколько месяцев. Это должно было помочь узнать, что с ней происходит и дать все-таки Наоми шанс поправиться.

Я откидываюсь на спинку своего кресла, чувствуя, словно меня только что пнули в живот.

— Так вот какое, — я изображаю пальцами кавычки в воздухе, — «*одолжение*» ты им сделал.

— Можешь называть это так, — осторожно говорит он.

— Полагаю, ее родители просто хотели выкроить себе побольше времени, чтобы определиться, что же с ней сделать. Я права?

— Я этого не говорил.

— Но тебе и не нужно было это говорить. Я же не идиотка, Тим. Ее родители никогда не навещали ее. Ни разу. По сути, я даже ни разу не разговаривала с ними.

— Придержи-ка свое осуждение, — резко отвечает Тим.

— И ты еще умудряешь меня винить за то, что я их осуждению? Это же их дочь. — Я не могу скрыть презрение из своего голоса. — Так это ты подсуетился, чтобы ее поместили сюда. Тоже самое ты сделал, чтобы ее выписали?

— Конечно, нет!

— Конечно, нет, — медленно повторяю я. — Особенно учитывая тот факт, что мама

Наоми сама поместила ее в «Фэирфакс», давая свое согласие на то, чтобы мы заботились о ее дочери! А затем она таинственным образом появляется и выписывает свою дочь, потому что считает, что ее дочери уже лучше.

— Не рассказывай мне, как работает это место, — говорит он резко. — Я работаю тут намного дольше тебя.

Мои растопыренные ладони ложатся на стол, когда я наклоняюсь ближе к нему и очень медленно произношу:

— Тогда веди себя соответствующе.

Его глаза превращаются в щелочки.

Я хватаю свой халат со спинки кресла и сумочку с пола. Гнев заставляет мою кровь закипать, но, если быть до конца честной, то во мне присутствует и небольшой кусочек страха. Я подхожу к двери.

Тим ерзает на своем стуле. — Куда ты собралась?

Я ногой удерживаю дверь открытой. — Сказать директору этого заведения, чтобы он положил этому конец.

Тим снимает очки, внимательно осматривая линзы и протирая их краем своего белого халата. — Наоми вместе с мамой уехала около часа назад.

Я изумленно смотрю на него. Его равнодушие ко всей этой ситуации говорит красноречивее всяких слов. Я понимаю, что лучше буду слишком сильно заботиться о своих пациентах, чем вообще перестану что-либо испытывать по отношению к ним. Я не хочу превратиться в Тима Вудса.

Я с отвращением смотрю на него. — Она не готова еще вернуться в реальный мир. Если бы ты действительно был врачом, ты бы отодвинул в сторону свои отношения с ее родителями и поступил так, как было бы правильнее для нее.

Я вышла из кабинета, не беспокоясь о том, что он скажет мне в ответ.

— Она всего лишь пациент. Пациент, Женестьева! — кричит Тим. — Перестать относиться к ней, как к члену своей семьи.

Медсестра и несколько пациентов останавливаются в коридоре и в шоке смотрят на Тима. Я игнорирую их. Направляясь по коридору в сторону выхода, я роюсь в своей сумочке в поисках ключей.

— Я здесь, чтобы увидеться с Наоми, — произносит глубокий, мужской голос.

Я резко останавливаюсь и вижу Лаклана Холстеда.

Я забываю про ключи и иду к нему. Я прерываю его разговор с медсестрой. — Ты разговаривал с Наоми? — нетерпеливо спрашиваю я.

У меня нет времени на проявление вежливости. Время работает против меня.

Его брови хмурятся. Он выпрямляется. В этих карих глаз сразу же читается внимательность, словно имя Наоми служит для него переключателем. Любое весомое воспоминание Наоми о своей жизни связано с этим мужчиной.

— Нет еще, а что? Что происходит? Где она?

Я уже собиралась ответить ему, как заметила, что медсестра за стойкой смотрит прямо на нас. Я отвела его в сторону. — Ее мать выписала ее сегодня.

Кровь отливает от его лица. Он сжимает челюсть, закрывает глаза и отворачивается. Возникает ужасная пауза, когда мне кажется, что он вот-вот взорвется прямо у меня на глазах.

— Лаклан, ты меня слышишь?

Он кивает и снова поворачивается ко мне.

— Вы ...

Я прерываю его. — Я ее не выписывала. Я бы никогда бы не позволила этому случиться. Я сама только что узнала, что ее мать забрала ее больше часа назад.

Он потирает лицо рукой. — Твою мать, — шепчет он гневно. — И кто же тогда это сделал?

У Лаклана в глазах застыл этот взгляд. Озадаченный и опустошенный. Подобный взгляд появляется у тех, кого ведет злость. Они не успокоятся, пока не выместят свою агрессию.

— Сейчас это не имеет значения, — произношу я ровно. — Мне просто нужно найти Наоми. И сделать это надо, как можно скорее.

Лаклан пристально смотрит на меня некоторое время, а затем указывает на парковку. — Следуйте за мной.

Я улыбаюсь ему с благодарностью. Мое сердце успокаивается, и на секунду мне начинает казаться, что все будет в порядке. Мы с Лакланом практически уже вышли из лечебницы. Нам осталось сделать всего лишь несколько шагов. Но затем я слышу голос доктора Вудса. И Лаклан тоже слышит его. Он перестает идти вперед и разворачивается. Я поворачиваюсь вместе с ним. Доктор Вудс идет в приемную, смеясь с медсестрой, которая идет вместе с ним. Он смотрит на входную дверь, его взгляд смещается в сторону, а затем возвращается обратно. Его глаза расширяются, но не при виде меня, а из-за Лаклана. Я понимаю, что эти двое знакомы друг с другом за пределами «Фэйрфакс».

Лаклан срывается с места. Он не останавливается, пока не достигает доктора Вудса, практически нависая над ним.

— Вы знаете, что сделали? — рычит Лаклан.

Доктор Вудс бледнеет на глазах. Медсестра за стойкой замирает. Несколько пациентов останавливаются и начинают наблюдать за происходящим.

Я бегу к Лаклану и хватаю его за руку, пытаюсь оттащить его. Не ради доктора Вудса, а ради Наоми, потому что чем быстрее мы отсюда выберемся, тем лучше.

— Вы закрыл глаза на все. Гребаный похуист! — голос Лаклана становится хриплым.

Я отталкиваю его на несколько шагов в сторону. Еще несколько подобных толчков, и он окажется за дверью. Но затем доктор Вудс говорит.

— Лаклан, я поступил так, как было правильно. Ее родители были обеспокоены....

— Ты гребаный мудака! — продолжает Лаклан. — Ты меня слышишь?

— погоди минуту, я ....

Я разворачиваюсь и смотрю на доктора Вудса. — Просто заткнитесь уже, — шиплю я.

Я отвернулась всего лишь на несколько секунд, но когда повернулась обратно, Лаклан уже выезжал с парковки.

Я ругаюсь себе под нос и бегу в приемное отделение. Медсестра сидит там, потрясенная происходящим.

— Дай мне адрес Наоми Кэррадайн! — говорю я ей.

Ее глаза расширяются. — Доктор Ратледж, не думаю, что это хорошая идея.

— Просто дайте мне его! — рявкаю я.

Она быстро просматривает файл Наоми и диктует мне адрес. Я записываю его. Все это время мои руки дрожат.

Доктор Вудс встает у меня на пути, поднимая руки. — Женевьева, успокойся. Вы с Лакланом расстроены, и ...

— Ты знаком с Лакланом за пределами «Фэирфакс»?

Он некоторое время смотрит на меня, ничего не произнося, а затем кивает. — Я знаю его родителей.

Я бормочу проклятие себе под нос и обхожу его.

— Подумай о том, что творишь! — кричит позади меня доктор Вудс.

Я оборачиваюсь и начинаю идти спиной по направлению к выходу, указывая пальцем прямо на него. — Я поступаю так потому, что ты позволили этому произойти. Что бы ни случилось, это будет твоя вина!

Я разворачиваюсь и бегу к своей машине. Я чувствую, что все взгляды устремлены мне в спину. А это значит, что моя работа висит на волоске. Я могу просто послать своей работе прощальный поцелуй. Даже несмотря на эту удручающую мысль, появившуюся в моей голове, я захлопываю дверцу машины и следую за Лакланом. Наконец, я понимаю, что приблизилась слишком близко к Наоми и к ее истории. Я втолкнула себя в ее мир, где правда была скрыта ложью. Вариант отступить и ничего не делать испарился.

Моя ошибка, но и мой выбор.

ГЛАВА 40. ВСЕ СХОДИТСЯ

Свобода опьяняет.

Когда она долго отсутствует в вашей жизни, вы становитесь одержимы ею. Думаете обо всем, чтобы сделаете, как только вернете ее. Возможно, вы будете стоять на улице и вдыхать столько свежего воздуха, сколько сможете. Или же будете просто лежать в траве, смотреть в небо на белые, пушистые облака, проплывающие мимо, зная, что вам никуда не надо идти. Чем больше проходило времени, тем больше вы представляли себе то, что сделали бы, пояись у вас свобода. И потом, когда тебе наконец-то вручают твою долгожданную свободу, вот так легко и быстро, вы даже не знаете, что делать с самим собой.

Именно это я испытала, когда Мэри зашла в мою комнату и сказала, что я еду домой. В руке она держала чемодан, в который и начала упаковывать мои вещи с серьезным выражением лица. Это было так неожиданно и совершенно внезапно, что я могла лишь в шоке наблюдать за происходящим. Я тихо оделась, посматривая на нее каждые пару секунд.

Прежде чем мы покинули мою комнаты, она вручила мне мои шнурки и косметичку. Пилочку. Ручку. И мой телефон. Я в шоке смотрела на эти вещи. «Неужели, это и правда происходит?» — продолжала думать я. — «Или это была чья-то спланированная шутка?»

Когда мы шли по коридору, я готовилась к тому, что Мэри остановится и скажет мне, что это была всего лишь репетиция того момента, когда меня действительно выпишут, и что сейчас я должна вернуться в свою холодную и одинокую комнату.

Наконец, я увидела маму у центрального входа, стоящую рядом с доктором Вудсом. Я быстро поняла, что это не шутка. Я, правда, уезжаю. Так, где же мое волнение? Почему я не могу поднять свой страх и оттолкнуть его в сторону, чтобы наполнить себя надеждой? Подобное произошло, когда Лаклан забрал меня, а свобода была лишь временной.

Мама обернулась, когда услышала наши приближающиеся шаги, и подошла ко мне. Меня мгновенно окутали ее духи.

— Ох, вот и она. — Она обняла меня.

— Мама? — Я нахмурилась, будучи прижатой к ее плечу, пока она гладила меня по спине. — Что происходит?

Она отстраняется от меня, отходя на расстояние вытянутой руки от меня. Идеально ровные, белые зубы сверкнули, когда она улыбнулась. — Ты отправляешься домой.

— Я это знаю... но почему? — В этом не было никакого смысла.

— Потому что ты должна быть дома, вот почему.

Вероятно, это единственное объяснение, которое я получу.

— Готова идти? — спросила она.

Это казалось неправильно. Еще вчера, я покинула кабинет доктора Ратледж с чувством опустошения. Она сказала, что я еще не готова поехать домой, а теперь тут появляется моя мама и совершенно неожиданно забирает меня домой? Мой живот скрутило. Я сглотнула комок в горле и кивнула.

— Да, я готова.

Я потянулась за своей сумкой. Мэри до сих пор держала ее, обеими руками крепко сцепившись в ляжку. Мне не хотелось смотреть ей в глаза. Не знаю почему. Просто я знала, что если посмотрю, то последуют слезы. Хоть Мэри и была всегда такой строгой и суровой, но мне она нравилась. Она стала постоянной частью моей жизни, и я не знаю, что буду делать без нее.

Она потянулась и обняла меня. Ее захват был крепким. Я первой отстранилась.

— Береги себя, — сказала она мне на ушко и пригладила мои волосы. Все это время она улыбалась, и слезы наполнили ее глаза.

— Буду стараться, — ответила я.

Спустя несколько минут, мы с мамой выходили через главные двери. Прежде чем я села в машину, я заметила голое дерево, рядом с комнатой отдыха. Таяла замороженная сосулька. Вода медленно капала на влажную землю.

Это казалось предзнаменованием — завершением моего времени здесь.

Всю дорогу домой я пыталась понять, было оно хорошим или плохим.

Когда мама припарковалась перед домом, никто из нас не предпринял попытку выйти из машины. Она схватила свою сумочку и громко вздохнула. Я просто сидела там, полностью оцепеневшая.

— Ты дома, — медленно произносит она, смотря на руль. — Пришло время оставить позади твое пребывание в «Фэйрфакс». — Она смотрит на меня. — Мы должны снова стать семьей.

Никакого *«Добро пожаловать домой!»* Или объятий. Просто холодные, твердые факты.

Вместо того чтобы расслабиться, когда я вернулась домой, я бросила вещи в своей комнате и вышла за дверь с ключами в руке.

Час спустя я все еще каталась.

Я понятия не имела, куда направляюсь, и мне было плевать. Я следовала за колебаниями и поворотами дороги, стараясь игнорировать беспокойное чувство, укоренившееся в моем животе. Из-за него-то мои пальцы тревожно отбивали ритм на руле. Несколько минут спустя я паркую машину и выхожу. Воздух ударяется в меня, заставляя дрожать. Я скрещиваю руки и вращаюсь по кругу, уставившись на бесплодную землю.

Когда я покинула «Фэйрфакс», я не смотрела документы о выписке. Я была просто счастлива уехать. Я предположила, что было решено, что мое нынешнее состояние позволяет мне снова вернуться в мир. Верно?

Все кажется довольно безобидным. Небо безоблачно серое. Температура теплая, учитывая в горькую, холодную погоду развивались события. Земля сырая. Выбоины, наполненные водой, испещрили всю дорогу.

Та сосулька снова всплывает в моей памяти. Я наклоняюсь вниз, прижимаясь спиной к машине, и опускаю голову в свои ожидающие ладони. Я представляю воду, капающую на землю.

Кап, кап, кап.

Держу пари, она растаяла. Держу пари, что ничего не осталось от замороженной сосульки. Почему осознание этого наполняет меня таким отчаянием? Потому что для меня это значит намного больше. Это символизировало мою жизнь, и все, за что я боролась. Она исчезла, а я так до сих пор ни черта не поняла. И кроме этого, я стала еще более потерянной. Еще более сломленной.

Когда я была в «Фэирфакс», у меня была всего одна цель: выбраться оттуда и получить ответы. Эта цель поддерживала меня на плаву, даже когда мне казалось, что я бегу в пустоту. Выбраться и до сих пор не получить ответы — из-за этого я испытывала какую-то безнадежность. Слезы разочарования катятся по моим щекам вниз и капают на черный асфальт. Я вытираю лицо, встаю и делаю глубокий вдох. Не важно, что я чувствую, одно я знаю точно. Лана где-то там. Я знаю, это звучит невероятно и безумно, но я ощущала, как ее сердцебиение эхом раздается в моих ушах.

Не мое.

Ее.

Я села обратно в машину, развернулась и попыталась найти дорогу, которая выглядела бы знакомо. Через несколько минут, я, наконец, нашла ее. Дома, пролетавшие мимо меня, выглядели точно так же, как и те, что я видела годами. Но я игнорировала их. Я сфокусировалась лишь на одном: на сердцебиении, которое раздавалась эхом в моих ушах. По сути, чем ближе я подъезжала к дому Ланы, тем более заметным становилось ее сердцебиение. Я прижала руку к своему сердцу. Мое сердцебиение спокойное, твердое и гораздо более тихое, нежели у Ланы. Ее же сердцебиение громкое, с короткими промежутками между ударами.

Однажды, доктор Ратледж сказала мне, что Лана в безопасности, и что ее отец больше не сможет причинить ей боль. Тогда почему, когда я подъехала к ее дому, эхо взорвалось у меня в ушах? Почему я чувствую ее повсюду?

Я побежала к входной двери, зная, с тошнотворной уверенностью, что Лана там. Может быть, доктор Ратледж и думала, что Лана в безопасности, но она ошибалась. Она ошибалась все это время. Одной этой мысли было достаточно, чтобы заставить мои ноги подкоситься.

Я подбегаю к входной двери и врываюсь в дом. Я тяжело дышу, отчаянно оглядываясь кругом. Где-то горит свеча, ее запах наполняет мой нос. Я слышу звук часов с маятником в столовой.

Я просто хочу найти Лану. Вместо этого, я нахожу Макса. Я застываю на месте. Он колотит в дверь кабинета отца Ланы.

— Майкл! — кричит он. — Открой!

Его руки неистово бьют по жесткому дубу. Из-за закрытой двери доносятся звуки, напоминающие те, которые слышны, когда что-то ломается. Страх ползет вниз по моей спине.

Я иду по коридору, ближе к Максусу.

— Нет, нет, нет, — шепчу я слабо.

Макс не видит, что я подошла. Он делает шаг назад и бьет ногой по двери. Дерево раскалывается, и дверь слетает с петель.

Он забегает в комнату. Но я не могу. Слишком сильно боюсь идти вперед. Я уже знаю, что увижу, и не хочу этого видеть. Одного раза достаточно.

Единственная причина, по которой я иду вперед, это Лана. Я слышу ее голос. Я слышу, что она плачет и стонет. Я захожу в комнату. Шторы запахнуты, словно отрезая комнату от мира. Единственный источник света стоит на столе ее отца. И на полу, прямо напротив стола своего отца, находится Лана, зажатая своим отцом.

Мне кажется, что я кричу, но никто этого не замечает.

Отец Ланы удерживает ее руки над головой одной рукой и закрывает ей рот другой. Его штаны спущены, как и ее джинсы.

Ее глаза широко распахнуты в отчаянии. Они встречаются с моими, и она с тревогой смотрит на меня.

— Нет, — шепчу я.

— Я владею тобой, — пыхтит ее отец. — Твоя жизнь — моя.

— Нет, — стону я.

Ее отец поворачивается и смотрит на Макса. Он что-то кричит. Я не могу разобрать слова. Звук выключен. Все, что я слышу, это звук тяжелого дыхания Ланы.

Рот Макса быстро двигается. Отец Ланы отпускает ее, садясь на колени. Он встает.

Вот когда я заметила, что Макс тянется к заднему карману и достает пистолет.

— Стой! — кричу я.

Макс продолжает идти, и его указательный палец оборачивается вокруг курка. Он навел его прямо на отца Ланы.

Я бегу к нему. — Не надо! — кричу я.

Лана смотрит на Макса, пытаюсь предупредить его глазами, чтобы он остановился. Ее отец отпускает ее руки. Она закрывает лицо; ее всхлипы заглушены руками. Ее отец поднимает свое тело и собирается встать.

Макс нажимает на курок.

Все происходит очень медленно, словно время сопротивляется, пытаюсь остаться на месте, хотя твои действия продолжаются.

Пуля вылетает из дула. Она медленно пролетает в воздухе. Траектория идеальна. Пуля нацелена прямо в голову отца Ланы. Она попадает в него. — Уходи, — шепчет мне Лана. Ее глаза широко раскрыты, умоляя и прося, чтобы я покинула комнату.

Черные уколы ее зрачков привлекают меня, и я врываюсь в настолько мощный водоворот, из которого мне не выбраться. Все меняется буквально за секунду. Обычно у Ланы коричневая радужная оболочка глаз, которая делает ее тихой и уязвимой. Радужная оболочка, которая скрывает так много, сейчас темная, с кобальтово-синим оттенком.

Точный оттенок моих глаз.

Я падаю на пол и стону. Ощущается так, будто кто-то погрузился в мою грудь и вырвал оттуда всю мою жизнь. Мое дыхание вырывается поверхностными вдохами, когда боль начинает распространяться внутри меня.

Мое тело словно налилось свинцом. Для того чтобы идти, приходится прикладывать слишком много усилий. Но я все еще, каким-то непонятным образом, двигаюсь. Я смотрю на свое тело, как оно передвигается по комнате с невиданной прежде силой. Я застываю прямо

над Ланой и ее отцом. Ее глаза, которые сейчас идентичны моим, встречаются со мной взглядом. Боль во мне начинает удваиваться.

Первая пуля пробивает кожу ее отца. Я в ужасе наблюдаю, как его тело дергается еще раз, прежде чем он падает назад на свою дочь.

Вот тогда-то и происходит невозможное: мое тело сливается с телом Ланы.

Невыносимо больно. Кажется, словно я пытаюсь пролезть через маленькое отверстие. Моя кожа растягивается, сопротивляясь. Нервные окончания покалывают. Я кричу во всю силу легких. Мое тело начинает дергаться. Я отчаянно пытаюсь поймать воздух над собой. Тянусь, тянусь, тянусь. Пытаюсь схватиться за что-нибудь, чтобы выбраться отсюда. Боль, поселившаяся внутри Ланы и разрывающая душу, переполнена демонами, ожидающими удобного момента, чтобы задушить меня. Их становится слишком много, и мои руки опадают на пол.

Мои глаза тяжелеют и опухают от слез. Я моргаю несколько раз, пытаюсь прояснить их. Но реальность не дает мне времени, чтобы приспособиться. Она молниеносно врезается в меня.

«Я не Лана. Я не Лана. Я НЕ ОНА!» — кричит мой мозг.

Мое тело онемело. Мне тяжело дышать.

— Снимите его с меня, — задыхаюсь я. — Снимите его!

Произошло слишком много всего. Мой мозг перегружен. Он вот-вот готов взорваться. Я испытываю слишком много боли. Короткие стоны доносятся из моего горла.

На своих пальцах я ощущаю что-то влажное и липкое. Когда я поднимаю руку, то вижу, что моя кожа светлее, чем была раньше, а на запястье виднеются горизонтальные шрамы длиной около четырех дюймов. Кожа вокруг них слегка покрасневшая.

Мои губы дрожат.

— Я не она, — шепчу я.

Я поворачиваю голову и вижу голубоватые вены, бегущие под моей кожей. Что-то влажное и липкое? Кровь. Темная, теплая кровь, которая медленно стекает с моих пальцев вниз по моей руке. — Наоми.

Я смотрю на Макса. Он сталкивает с меня отца Ланы. Когда его вес спадает с меня, я с жадностью втягиваю столько воздуха, сколько только могу. Макс бросает пистолет в сторону и смотрит на меня. Его лицо бледное, а глаза дикие. На его щеках брызги крови отца Ланы.

«Не моего отца. Мой отец никогда не причинит мне такой боли», — думаю я.

Макс удерживает мое лицо, смотря мне прямо в глаза, и повторяет мое имя снова, но на этот раз с большей заботой.

— Поговори со мной, — умоляет он.

И затем я моргаю. Это просто моргание. Но когда я снова открываю глаза, вместо Макса я вижу Лаклана.

Невозможно.

Мой разум издевается надо мной. Или, может быть, это мир играет со мной в одну из своих лучших игр? В любом случае, я неистово моргаю, надеясь, что ошибаюсь.

Но Лаклан все еще находится здесь, одетый в одежду, в которой еще секунду назад был Макс. Те же капли крови на лице. Его руки опускаются под мои руки, и он поднимает меня к себе на колени, обнимая за голову. Я лежу там, напоминая тряпичную куклу. Мои руки свисают по бокам. Мои глаза закрыты, и пока они закрыты, я вижу воспоминание.

Оно разматывается передо мной медленно, не оставляя мне ни единого шанса, кроме

как поглотить все, что произошло. Лана играет на черном асфальте, но это не может быть она, потому что я прекрасно помню, как сама сидела там и рисовала. Я помню, как вокруг меня были разбросаны кусочки мелков. Помню, как напевала песню, которой научила меня няня. Мне было всего лишь одиннадцать лет. Солнце приятно припекает мне спину. Я продолжаю рисовать, выводя различные линии. И, когда мой рисунок почти готов, я сворачиваюсь в клубок на горячем асфальте прямо посреди своего творения и засыпаю. На этом воспоминание заканчивается. Я помню, что это был прекрасный летний день. Но Лана показывает мне оставшуюся часть воспоминания. Она показывает мне, как мой отец находит меня позднее. Он в ярости. Начинает спрашивать, какого черта я там делаю. Я нервно отвечаю ему, что спала. Его глаза слегка сужаются. Он смотрит вниз на мой рисунок и спрашивает, что я нарисовала. Я встаю со своего рисунка и смотрю вниз. На черном асфальте изображен набросок тела. Я не стала рисовать глаза, нос, рот и даже волосы..., но я наделила его сердцем. Потому что в моей одиннадцатилетней голове, сердце было всем, в чем нуждался этот человечек, чтобы удержать меня крепко в своих объятиях. На этом черном асфальте был изображен мой отец таким, каким я всегда хотела его видеть. Он принял мою любовь, безоговорочно полюбив меня в ответ. На этом черном асфальте было изображено все то, чего у меня никогда не было.

Мой же реальный отец начал ругать меня из-за беспорядка, который я устроила по подъездной дорожке. Сказал мне взять шланг, смыть все это безобразие, после чего привести себя в порядок. И когда я это сделала, он изнасиловал меня.

Мое тело начинает трясти.

Вся боль, которую я испытывала, была результатом попытки распутать темную душу, чтобы переплести ее с другой — чистой душой. Темнота отдает свои мрачные воспоминания в надежде, что эта девственная чистота сумеет спрятать всю боль.

Я чувствую, как руки начинают сжимать меня крепче. *«Продолжайте сжимать, продолжайте поддерживать»*, — думаю я про себя. Может быть тогда, вся эта боль и агония оставят наконец-то мое тело.

Я смотрю вниз и, наконец, принимаю мысль, что кровь моего собственного отца растекается по полу, просачиваясь в трещины деревянного покрытия.

Тело, удерживающее меня, отстраняется. Я смотрю Лаклану прямо в глаза.

— Мне очень жаль, — хрипло шепчет Лаклан.

Эта моя боль. Только моя. Мое тело начинает дрожать, пока меня практически не сокрушают конвульсии.

Сразу после этого время ускоряется. Я вижу доктора Ратледж, стоящую в дверях. Ее лицо мгновенно бледнеет, когда она осматривает комнату. Ее глаза перемещаются от пистолета к Лаклану. Она достаточно быстро складывает все кусочки вместе.

Затем она смотрит на меня, но не так, как обычно это делают врачи, не безучастно. Она смотрит на меня с непередаваемой скорбью и пониманием. Тогда-то я, наконец, осознаю, что все это время она знала правду. Она заходит в комнату, отпихивая в сторону осколок дерева.

— Что произошло? — спрашивает она.

Лаклан не оборачивается. Его губы сжаты в тонкую линию, ноздри раздуваются, глаза сужены. — Я убил его. Я.... — Он усиливает свою хватку на мне. — Я видел его. Я видел что он..... — его голос ломается и замолкает.

Доктор Ратледж медленно подходит к нам. Она касается плеча Лаклана, и он

напрягается. Затем она отстраняется и быстро произносит. — Это была самооборона, договорились? Он хотел напасть на тебя, и тебе пришлось защитить себя, выстрелив.

Лаклан поворачивается и смотрит на Ратледж. — Это была не....

— Лаклан, ты должен был защитить себя и Наоми. — Осмысленно произносит доктор Ратледж.

Лаклан кивает.

— Все закончилось, — шепчет она. И мне хочется знать, кому она это говорит, мне или Лаклану?

Я слышу шаги за дверью и бормотание голосов. Мама заходит в комнату. Всевозможные эмоции отражаются в ее глазах, когда она смотрит на безжизненное тело моего отца. Ее лицо поникает. Она бежит к нему и падает рядом на колени. Она рыдает так громко, что у меня начинает звенеть в ушах.

В разгар ее слез, доктор Ратледж говорит по телефону, кому-то судорожно что-то объясняя. Я знаю, что полиция и служба скорой помощи скоро придут сюда. Знаю, что они будут задавать нам с Лакланом вопросы. Я знаю, что они увезут моего отца в черном пакете.

Но одного я не знала точно. Я не знала, как мне выжить со всей болью, которую отдала мне Лана.

Спустя час я сижу снаружи на ступеньках, укутанная в плед. Огни полицейских машин мигают не переставая. Пять полицейских приехали на вызов. Трое из них постоянно входят и выходят из дома, что-то осматривая. Оставшиеся двое разговаривают с доктором Ратледж и Лакланом. Они уже поговорили со мной несколько минут назад, но я уверена, это не в последний раз, когда я с ними встречаюсь. Двое сотрудников службы скорой помощи идут по тротуару, везя носилки. Мама до сих пор внутри, до сих пор рыдает. Я не еще разговаривала с ней. Она ни разу на меня даже не посмотрела. Хотя, если бы она это и сделала, не думаю, что это изменило бы наши отношения. С воспоминаниями Ланы, а также с моими воспоминаниями, медленно возвращающимися ко мне, я вижу, что здесь даже не о чем разговаривать. Начать даже не с чего.

Я смотрю вперед. Лаклан приближается ко мне. Все это время он был Максом. Я все еще не могу уложить это в своей голове. Так много всего произошло, что я никак не могу уложить все это в голове.

Он останавливается передо мной. — Я еду на допрос.

Мои глаза расширяются. Я собираюсь встать, но он кладет руки мне на плечи и опускается передо мной на колени. — Это стандартная процедура.

— Я хочу поехать с тобой, — говорю я, мой голос хриплый от криков.

Лаклан улыбается, но улыбка не достигает его глаз. Он пытается сделать так, чтобы эта ситуация казалась лучше, чем она есть на самом деле. Хотя это пустая трата времени, потому что я понимаю, все очень плохо. Я знаю, что произошедшее в кабинете будет иметь для него серьезные последствия.

— Лаклан, я....

— Наоми, все нормально, — произносит он, его голос твердый.

Подходит доктор Ратледж и садится рядом со мной, обнимая. — Я поеду с Лакланом. Обещаю, все будет в порядке.

Мои глаза расширены и немного безумны. — Я не останусь здесь одна!

— Нет, ты здесь не остаешься. — Доктор Ратледж смотрит на Лаклана, а затем снова на меня. — Ты поедешь в больницу, чтобы тебя обследовали.

— Я не ...я не готова... — Мой голос колеблется и сбивается, потому что я не могу подобрать правильные слова. Я не знаю, как сказать им, что не готова ко всем этим исследованиям. Разве мне мало происшествий за день? На некоторые вопросы я получила ответы, но есть еще целая куча таких, которые ожидают ответов. Эти ответы спрятаны где-то в моей голове и ждут, когда я их обнаружу. Но я слишком сильно боюсь их обнаружить.

Мое тело начинает дрожать. Позади Лаклана проходят двое полицейских. Я крепко удерживаю его за руку. Он прислоняется своей головой к моей. Один за другим его пальцы оборачиваются вокруг моей шеи. — Он больше не может причинить тебе боль, Наоми.

Он целует меня в лоб и встает. Я смотрю на тротуар, отказываясь наблюдать за тем, как он уходит. Прямо сейчас мне хочется перестать что-либо испытывать, но я чувствую все. Разве это не то, в чем так хороша была Лана? В удержании боли в заливе? Теперь я понимаю, какой безграничной была ее боль. Я кладу руку себе на голову, словно от этого боль утихнет.

Автомобильная дверь хлопает, затем — другая. Я слышу, как уезжает машина.

— Мисс?

Я поднимаю взгляд. Сотрудник медицинской помощи смотрит на меня со спокойным выражением. — Вы готовы ехать?

Свобода опьяняет, все верно, но когда моя жизнь начала рушиться у меня на глазах, мне открылась очередная истина: свобода имеет свою цену.

Сейчас же, мне просто хочется, чтобы кто-нибудь сказал мне, что это моя жизнь.

«Когда человек достаточно удачно живет внутри истории, внутри вымышленного мира, боль реального мира исчезает. До тех пор, пока история продолжается, реальности больше не существует».

Пол Остер

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Год спустя...

Жизнь продолжается, и для нее не имеет значения, в порядке ты или нет.

Земля промерзла, покрывшись белоснежным одеялом. На дворе холодная зимняя ночь. Одна из тех, когда звезды ярко мерцают в небе. Я наблюдаю за всем этим с улыбкой на лице, благодарная за то, что на этот раз я нахожусь по эту сторону. Раньше между мной и внешним миром существовал барьер. Возникнув однажды, он надолго спрятал меня от этого мира.

В течение довольно долгого времени моя жизнь была поставлена на паузу. Я перестала дышать, перестала жить. Иначе говоря, я перестала существовать. Но за последний год, я попыталась вернуться к прежней жизни, хотя мы все прекрасно понимаем, что все произошедшее со мной изменило меня.

— Ты готова?

Я взглянула на Лаклана Максимилиана Холстеда. — Готова.

— Нам нужно поторопиться, — говорит он, его дыхание проявляется в воздухе клубами пара. — Мои пальцы вот-вот окончательно замерзнут.

Он встает на колени, вытаскивает спичку из коробка и проводит головкой по шершавой поверхности. Пламя оживает. Он смотрит на меня и улыбается, после чего подносит спичку

к наконечнику фейерверка.

Бывают моменты, когда я ловлю на себе его взгляд, и прежде чем он успевает спрятать свои эмоции, я вижу печаль и тоску в его глазах. Мое прошлое все еще давит на него...на нас. Но становится лучше. С каждым днем раны становятся все менее заметными и болезненными.

Наконечник постепенно разгорается, и мы быстро отходим в сторону. Я цепляюсь рукой за руку Лаклана и думаю обо всем, через что прошла в прошлом году.

Мне поставили диагноз «диссоциативное расстройство идентичности[5]». Используются и другие названия для обозначения этого диагноза, такие как «расстройство множественной личности», «раздвоение личности». Оно связано с существованием в теле одного человека более чем одной личности.

Да, Лана была всего лишь еще одной моей личностью.

Всего лишь моим альтерэго.

Всего лишь частью меня.

А что насчет Макса? Да, его я тоже создала, но это уже совершенно иной поворот, который сбил с толку доктора Ратледж и всех остальных моих врачей. Я знаю, что не могу вернуться назад и изменить то, о чем думала и кого создала. Я просто знаю, что сделала все это лишь для того, чтобы выжить.

Я сосредотачиваю все свое внимание на куче разноцветных огоньков, появившихся в небе. В течение следующих двадцати минут мы поджигаем фейерверк за фейерверком. Вскоре я забываю про ветер, обжигающий мои щеки. Я просто живу моментом и наслаждаюсь шоу.

Все, что мы вместе пережили и через что прошли, заставляет меня осознать, что любовь заключается в том, чтобы найти своего человека в этом холодном, угнетающем мире. Найти человека, который полюбит все ваши недостатки. Которой примет все, даже то, что вы с удовольствием предпочли бы спрятать глубоко внутри себя. И я знаю, что Лаклан принимает меня.

Он кладет спички в задний карман своих брюк и смотрит на меня. — Тебе понравилось шоу?

— Оно было великолепно.

Лаклан подходит и протягивает мне руку. — Готова пойти домой?

Я киваю и беру его за руку.

КОНЕЦ КНИГИ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[1] Амбиен (Ambien) — очень распространенное снотворное средство в Соединенных Штатах.

[2] **Вашингтон** (англ. Washington, D.C.) — город, столица Соединённых Штатов Америки.

[3] **Патио** — открытый внутренний двор жилого здания, часто окружённый галереями

[4] **Ральф Уолдо Эммерсон** — американский эссеист, поэт, философ, пастор, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США.

[5] **Диссоциативное расстройство идентичности** (также используются диагнозы

расстройство множественной личности, раздвоение личности, расщепление личности) — очень редкое психическое расстройство из группы диссоциативных расстройств, при котором личность человека разделяется, и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей (или, в другой терминологии, эго-состояний). При этом в определённые моменты в человеке происходит «переключение», и одна личность сменяет другую. Эти «личности» могут иметь разный пол, возраст, национальность, темперамент, умственные способности, мировоззрение, по-разному реагировать на одни и те же ситуации. После «переключения» активная в данный момент личность не может вспомнить, что происходило, пока была активна другая личность.